
**Между
ПРОШЛЫМ
и ГЯДУЩИМ**

*Я не верую в Бога, но искренне молюсь
за его скорейшее пришествие на Землю
олицетворением торжества СПРАВЕДЛИВОСТИ*

Евгений
ТИМОФЕЕВ

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И ГРЯДУЩИМ

О времени моем и нашем

Москва
2013

Издательство
«Консалтбанкир»

УДК 82-94
ББК 63.3(2)
Т 41

Тимофеев Е.А.

Т 41 Между прошлым и грядущим. О времени моем и нашем. М.: Издательство «Консалтбанкир», 2013. – 272 с.

ISBN 978-5-85187-129-0

В этой книге автор, окончивший Воронежский государственный университет и Академию общественных наук при ЦК КПСС, прошедший большую жизненную школу, заслуженный работник культуры, кандидат философских наук, действительный член Академии политической науки, откровенно рассказывает о собственной судьбе, тесно связанной с судьбой своего Отечества. Богатый опыт журналистской, политической и научно-издательской деятельности позволяет ему в оригинальной творческой манере и разных жанрах публицистики и поэзии говорить о том, что сегодня волнует людей всех поколений, – какое будущее ждёт Россию.

Для широкого круга читателей.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-85187-129-0

© Тимофеев Е.А., 2013

К читателю!

Казалось бы, нет ничего проще – писать о собственной жизни: что видел, о том и пиши. Но разве можно собственную жизнь вырвать из жизни своего народа? Человек – не фотоаппарат. У него в мозгу генетически заложена возможность развивать свой разум, а это значит, он не просто живёт, жует и справляет другие естественные надобности. Он ещё думает, мечтает, оценивает всё вокруг себя, работает не только руками, но и головой, любит и ненавидит, мучается и страдает, чем-то дорожит, что-то презирает, что-то для него свято, что-то неприемлемо. И он непрерывно развивается: то набирается ума, то – дури, приобретает привычки, формирующие характер. Даже с высоты прожитых лет не просто рассказать о себе и о своём времени, особенно тем, кто только начинает осваиваться в этом мире. Ведь родные дети и то далеко не всегда понимают своих родителей.

Я принадлежу к тому поколению россиян, которое сейчас называют «дети войны». Да, нам довелось увидеть лицо самой страшной в истории человечества войны, и этого вполне было достаточно для того, чтобы мы на всю жизнь научились её ненавидеть. Но мы были и детьми Великой Победы над фашизмом и в свете славы наших отцов и старших братьев чувствовали себя самыми счастливыми людьми на земле. Мы были причастны к замечательным свершениям советского народа и отдавали свои молодые силы делу восстановления и дальнейшего развития страны.

Наши отцы, родившиеся ещё при царизме, после Октябрьской революции (по своему значению в мировой истории не менее великой, чем предшествовавшая ей революция во Франции) с энтузиазмом строили и героически защищали новое, посткапиталистическое, общество в стране, ставшей нам Родиной. Они думали и верили, что вместе с фашизмом до основания разрушили мир Зла, и передали эту веру нам. Но на долю нашего поколения выпала участь убедиться в том, что мир Зла живуч и способен убить не только веру человечества в будущее торжество справедливости, но и само человечество, которое уже стоит ныне на грани катастрофы.

Для того чтобы человечество нормально развивалось, новые поколения должны не только чтить своих предков за то, что они дали им жизнь, но и понимать, чему они посвятили свою, чего достигли, а в чём ошибались. Без освоения предшествовавшего опыта человечество постоянно наступает на старые грабли и вместо движения вперёд, к лучшей жизни, топчется на месте, а то и откатывается назад.

Поэтому столь важно передать потомкам самое главное, а попробуй, выбери его из всего многообразия действительности, да ещё в переломные эпохи! Но если цель твоя благородна, если ты стремишься поведать правду о былых временах, а не оправдать в чём-то себя лично и не оболгать кого-то, кто казался или кажется тебе недостойным памяти, если у тебя есть честь и совесть и ты в прошлом не был безучастным обывателем, если в тебе ещё есть силы и сохранился разум, то ты обязан донести свои мысли до потомков. Этим ты поможешь им научиться понимать разницу между Добром и Злом, между тем, «что такое хорошо и что такое плохо».

Я видел и знаю намного больше того, о чём сказал в этой небольшой книжке, а потому рассчитываю, что вы согласитесь с главным её смыслом: человечество только тогда обретёт достойную жизнь, когда каждое поколение будет набираться Разума, служить Добру и бороться со Злом!

Автор выражает искреннюю благодарность Марине Петровне Титовой и Евгении Михайловне Омеляновской за помощь в подготовке этой книги к изданию.

С днем рождения, батя!

Сначала я был, пожалуй, больше маминым, чем папиным сыночком, потому что оказался для мамы, получившей в Ленинградском медицинском институте специализацию педиатра, почти постоянным пациентом, давшим ей возможность пройти практику чуть ли не по всем ранним детским заболеваниям. Но как только через семь лет после меня появилась на свет сестра Инна, мы с ней сразу чётко поделили родителей: я – папин, она – мамина. Тем более, вскоре началась война, а во время неё и потом ещё долгие годы я практически не болел.

А вот у меня в семье как-то получилось, что и дочь, и сын оказались папиными. Это, наверное, потому, что перепутали порядок: сначала появилась дочь, а уж потом сын. Но, скорее всего, потому, что в новой семье штатных медиков не было, и именно на мою долю выпало спасти их от болезней и неприятностей. Благо все основы житейской мудрости я усваивал от отца, и потому о нём моё первое слово.

Проснулся рано. Ещё темно. Привычно протягиваю руку с часами к узкой полоске света между шторами, который пробивается от уличного фонаря: 5.20. Сегодня 23 марта – день рождения отца, день его Памяти. Дочка вчера вечером доложила, что съездила на кладбище и цветы уже лежат у подножия памятника.

Сколько же тебе сегодня стукнуло бы, папа? Сто семь. Люди умудряются доживать до такого возраста, а тебя уже нет

сорок четыре года! Ведь тогда, в далеком 1967-м, до твоего дня рождения оставалось всего месяц и двадцать дней... Ты так и ушел в 62, совсем молодым по моим сегодняшним меркам.

Как мало я помню тебя в домашней обстановке. Это, наверное, потому, что отчего дома, как такового, у меня не было. Какой отчий дом может быть у сына кавалериста?

К шести годам я сменил четыре места жительства. От Муравьевских казарм под Великим Новгородом, где родился, и Аракчеевки в памяти остался только гудок парохода на Волхове и первая поездка в седле на плацу 72-го кавполка (вот номер полка помню, а как звали коня – нет; зато Сому и Вербу, на которых ездил в сорок четвертом – сорок пятом, вспоминаю часто).

Помню, как в Острове ты учил меня читать и играть в шахматы. Мне ещё не было пяти, и ты играл без ферзя. Зато в пятнадцать уже я играл с тобою без лёгкой фигуры и дал тебе повод для розыгрыша отдохнувших в Сортавале, на бывшей даче Маннергейма в Карелии, офицеров. Они собрались на сеанс одновременной игры с мастером спорта, а тот почему-то не приехал; тогда ты и предложил: «А вы сыграйте с моим сыном». С недоверием, но все же двенадцать человек сели за доски. Одну партию я проиграл, одну свел вничью, остальные – выиграл! Я видел, как ты гордился мной, а я был счастлив не столько победой, сколько тем, что не подвел тебя.

Помнится и другое. Однажды вечером застал тебя за странным занятием: в семейном фотоальбоме ты старательно замазывал тушью чьи-то лица на групповых снимках. Заметив моё недоумение, объяснил: «Не надо, чтобы этих людей кто-то видел на наших фотографиях». А вскоре ты и сам исчез на долгих три месяца, а когда вернулся, мы засобирались в Клин. Впервые ты ходил в гражданской одежде, но, как и прежде, я тебя почти не видел: ты допоздна задерживался на комбинате, где работал главным врачом. А потом – Финская война, наша с мамой поездка к тебе в Ленинград, куда прибыл твой госпиталь на колесах. Только вернулся с Финской – новые проводы утром 23 июня 1941-го...

Нас очень сблизила война. Ведь мы почти всю её были вместе, потому что мама воевала на своем железнодорожном участке Москва–Калинин, где была главным врачом. А после войны старались не упустить случая, чтобы поехать вместе на охоту или рыбалку. Особенно когда ты купил списанный «газик» и я стал твоим личным шофером (вспомнил навыки, полученные в Петрозаводском дворце пионеров, погонял пару

часов по аэродрому и сдал экзамен на права). Куда только не мотались мы на нём! Но чаще всего в любимую «Мордву».

Однако самой памятной стала одна из наших охот в Карелии, на Маш-озере, километрах в двадцати от Петрозаводска, от которого по лежнёвке конца сороковых мы добирались за три-четыре часа.

Приехали тогда на двух машинах («ГАЗ-67» и «Виллис») с Михаилом Степановичем Шумиловым, героем Сталинградской битвы, командующим нашим Беломорским военным округом, и несколькими штабными офицерами. (Никакой охраны. Через пять лет я в составе сборной команды уже Воронежского округа ездил во Львов на Всеармейские соревнования по стрельбе, так там командующий Закарпатским округом отправлялся на охоту на бронетранспортере и со взводом автоматчиков, а нас в город отпускали не меньше, чем по трое, да каждый с двумя пистолетами: один в кобуре, второй за поясом или в кармане. Но в Карелии было спокойно, лишь мины в лесах ещё долго попадались.) Сразу заторопились на вечернюю зарю. Озеро было как зеркало. Ничто не предвещало ненастья. Вместо меня тебе пришлось взять на наш любимый дощаник майора-новичка, и мы поехали в наш заповедный дальний левый угол озера, которого с берега не было и видно. А мне досталась большая рыбацкая лодка с высокими бортами и всего парой уключин почти у заднего борта. Поэтому направился к небольшому острову посередине озера, на котором стояла старинная церковь с запертыми на замок дверями, но пробитым оконным проемом. Мы когда-то заходили в неё и с удивлением обнаружили, что внутри оставались нетронутыми и иконы, и старинные книги.

Абсолютно не помню результата охоты: летали ли утки, стрелял я или нет... Развернувшиеся далее события начисто стерли из памяти эти детали.

С наступлением вечера появился легкий, но с каждой минутой усиливающийся ветерок, который вскоре превратил озеро в штормовое море. Поняв, что надо смыкаться, я едва успел отплыть от острова, как мою «шхуну» из-за высоко поднятого над водой носа стало крутить и вертеть в разные стороны. Волны захлестывали так, что одежда промокла насквозь, я еле успевал отчерпывать ковшом воду. На мокрых руках вздулись мозоли, а идти надо было как раз на ветер. Где-то через час (туда я догрёб за пятнадцать минут) вконец обессиленный, я подошел, наконец, к причалу. Когда ввалился в избу, в которой

мы остановились, все уже были в сборе и сидели за столом. Все, кроме тебя и майора.

Кусок в горло не лез, и, взяв фонарь, я отправился на берег. Долго кричал и размахивал фонарем, надеясь в этой крошечной тьме и бушующей круговерти подсказать тебе направление движения. Но все было бесполезно.

Оставив застолье, все вышли ко мне на поддержку. Михаил Степанович стал меня успокаивать:

– Отец опытный охотник. Может, решил переждать непогоду, а не рисковать. Пошли к столу, ведь мокрый совсем, продрог... Будем каждые десять минут выходить по очереди и подавать сигналы.

Я действительно дрожал, не знаю, от чего больше, от холода или от нервного напряжения. За столом генерал пододвинул ко мне полстакана водки:

– Пей! Согреешься.

Водку в свои неполные шестнадцать я ещё не пробовал. Правда, втайне от тебя, когда все офицеры встречали новый, 1945-й, год в полковой столовой, а в лазарете, стоявшем поодаль у кромки леса, больных не было, мы с дежурным фельдшером старшиной Урманом и сыном командира полка под волчий вой и тревожное ржание Сома тоже выпили в полночь разведенного спирта, но совсем немного. И сейчас, «махнув» эти полстакана, не почувствовал ни удовольствия, ни отвращения, ни облегчения. Бросив чего-то в рот и переодевшись, снова выскочил на берег. Следом вышли и остальные. Опять долго кричали и крутили фонарями, но, кроме свиста ветра и плеска волн, ничего не видели, не слышали в непроглядной уже ночи.

Генерал снова командовал – за стол. И опять налил мне водки явно с целью нейтрализовать мою психику и свалить в сон, но безуспешно.

И вдруг в комнату ввалился тот самый майор. Как только он прикрыл за собой дверь, я нутром почувствовал, что он – один, что с тобой что-то случилось. Хотел крикнуть: «Где?..», но словно онемел, не мог произнести ни слова.

Майор растерянно заметался взглядом по нашим лицам, еще надеясь увидеть тебя. Немую сцену прервал Михаил Степанович:

– Где Тимофеев? Что с ним?

– Не знаю, – еле пролепетал майор. – Я ушёл берегом.

– А ему ты сказал, что уходишь?

– Нет.

– А он тебя там ждет и ищет! Уйди отсюда, майор!

Кинув взгляд на меня, генерал плеснул в мой стакан очередную порцию:

– Пей и пошли на берег.

Уже за полночь мы вдруг слышали далекое «Э-гей!», и общий вздох облегчения заглушил и ветер, и волны.

Через несколько минут ты причалил. Ещё сидя в лодке, доложил:

– Товарищ генерал-полковник, я майора ждал, искал, но так и не нашел. Утром надо ехать искать.

– Успокойся, Алексей Александрович. Здесь он, ушел от тебя берегом, не предупредив. Испугался плыть.

Понимаю, что вертелось у тебя на языке, но ты лишь поставил диагноз:

– Трусливая сволочь!

Как только мы пришли в избу, я отыскал свой матрац в задней комнате, рухнул на него и отключился до позднего утра.

Я больше узнавал о тебе от твоих братьев и сослуживцев, твоих друзей, чем от тебя самого. Они относились к тебе с огромным уважением, считали тебя выдающимся врачом, восхищались твоей честностью, принципиальностью, скромностью... Как жаль, что о многом я узнал слишком поздно.

Поминая тебя, твой земляк и друг Николай Иванович Шубин, ответственный работник ЦК КПСС, рассказал мне и о твоём детстве, и о комсомольской юности, и о том, как тебе удалось избежать страшной участи в конце тридцатых годов, и где ты нашел убежище от репрессий. Так я узнал, что те три месяца, на которые мы тебя потеряли, ты ждал решения своей судьбы за кремлевскими стенами в семье М.И. Калинина, знакомой тебе с детства, с того времени, когда Михаил Иванович находился в ссылке в твоих родных местах. В свои восемь лет ты, оказалось, знал и дядю Иосифа Джугашвили, жившего неподалеку от вашего дома, и вместе с братьями и соседскими мальчишками выполнял для ссыльных роль почтальона, а твоего тринадцатилетнего брата (моего любимого ленинградца дядю Пашу), когда ему бревном случайно придавило ногу, будущий Сталин нес однажды на руках в больницу. Вернулся ты лишь после расстрела бесчинствовавшей в дивизии тройки. Тебе напомнили об этих трех месяцах через многие годы. Отслужив в армии двадцать пять лет, после второго тяжелого инфаркта хотел уйти на пенсию. Кадровики тщательно просчитали

стаж и обнаружили нехватку двух с небольшим месяцев: «Вот если бы вы тогда сидели, мы бы вам их засчитали». Со свойственным тебе юмором ты ответил: «Отпускайте, делать мне будет не хрена, я сейчас отсижу». Не пустили.

За двадцать пять лет ты не сделал большой карьеры: «вырос» от капитана до подполковника. Для военной медицины это обычно. Полковники среди медиков встречались редко, а генералов – один-два на всю армию. Это нынче что ни ведомство, то толпа генералов. А вот пациенты у тебя стали другие. В начале службы – рядовые красноармейцы и их командиры в масштабе полка, а со второй половины – офицеры и генералы штаба Беломорского, затем Воронежского военного округа.

Когда М.С. Шумилову поручили в 1949 году сформировать новый округ в центре России, он взял с собой в Воронеж из Петрозаводска всего двух человек: твоего друга Георгия Ивановича Звороноса – выдающегося организатора охотничьего дела, и тебя, но не за то, что ты ездил с командующим на охоту, а за то, что за два года вылечил всех офицеров штаба, страдавших язвой желудка – этой «боевой подругой» фронтовиков.

Геorgию Ивановичу не долго пришлось поработать в Воронеже. Едва он успел организовать образцовое хозяйство «Мордва» на реке Потудани, как его забрали в Москву и поручили возглавить всеармейское охотничье хозяйство «Завидово», на базе которого ныне функционирует одна из президентских резиденций. Георгий Иванович не раз приглашал нас туда на охоту, но мы так и не выбрались. Я всё же побывал там однажды, но уже после ухода Звороноса на пенсию, поохотился здорово: семь кабанов за вечер. Как-то, будучи уже председателем Калининского общества охотников, он позвонил и пригласил на открытие охоты. Мы договорились встретиться у него дома, поговорить, по-вспоминать. Но за два дня до назначенной встречи позвонила его супруга и сообщила о его внезапной смерти от инфаркта.

Ох уж эти инфаркты! На твоём примере я понял, что главная их причина – повышенное чувство личной ответственности за своё дело.

Я видел собственными глазами, как суровыми военными зимами ты ходил перед строем красноармейцев и следил, чтобы каждый обязательно выпил полную кружку хвойного отвара для укрепления организма и профилактики цинги из-за нехватки витаминов. Я видел, как ты сразу после войны на своей квартире «колдовал» по вечерам над соком алоэ, из которого готовил состав для инъекций офицерам-язвенникам. А весь

воронежский период твоей жизни был связан с инфарктами, чужими и своими.

Твой первый инфаркт изменил и мою судьбу, и судьбы многих твоих пациентов, да и твою тоже.

Несмотря на войну и частые переезды с места на место, я учился строго по годовому графику: 1941-й – 1-й класс; 1942-й – 2-й; 1943-й – 3-й и так далее до 1950-го – 10-го. Пришло время менять школу на институт, а график сохранять уже не по классам, а по курсам. Мои колебания между армией и литературой на том этапе разрешил военкомат, направив меня в Военно-инженерную академию имени Куйбышева. Я сдал экзамены и ждал зачисления. Оно должно было состояться в понедельник, но в субботу во второй половине дня пришла телеграмма: «У папы инфаркт...». Не раздумывая, я помчался к дежурному по академии и попросил вернуть мне срочно документы, показал телеграмму. Как он в выходной день решал проблему, не знаю. Но часа через два посыльный позвал меня в штаб, а рано утром я был уже в Воронеже.

Через несколько дней ты почувствовал себя лучше и быстро пошел на поправку.

Ни тебе, ни мне не хотелось расставаться, и я решил попробовать проявить себя на сей раз в литературе. В Воронежском университете заканчивался приём документов. Я отнес свои на филологическое отделение истфилфака. Конкурс был более тридцати человек на место, но, набрав двадцать пять баллов из двадцати пяти возможных, я с трудом прошел его. На комиссию произвели впечатление мои первые разряды по шахматам и стрельбе. Таким образом, я сумел удержаться в своём графике, а после окончания университета покончил с «раздвоенностью личности», получив звание младшего лейтенанта и став работать старшим литературным сотрудником газеты «Знамя Родины» Воронежского военного округа. И мы с тобой по-прежнему были вместе.

В это время и у тебя, как оказалось, тоже был серьёзнейший экзамен. Ты стал ежедневно бывать в госпитале, задерживаясь там до позднего вечера. Этому предшествовал большой скандал, связанный с тем, что ты стал применять новую методику лечения инфаркта вместо традиционной, разработанной знаменитым академиком медицины, которая предписывала полную неподвижность больного в течение двадцати одного дня. В результате многие больные умирали от отёка лёгких.

Ты начал их понемножку ворочать и заставлял делать упражнения уже на второй день болезни. Но кто-то «капнул» наверх: какой-то армейский медик посмел спорить с академиком! Тебе

не только запретили экспериментировать, но и грозили отстранить от работы вообще. Ты не испугался и продолжал доказывать свою правоту. Наконец на базе окружного госпиталя разрешили провести эксперимент на двух группах больных по разным методикам. Результаты были убедительными: победа за тобой! Новая методика лечения инфарктников по праву могла бы носить твоё имя.

Обо всём этом мне рассказал твой институтский товарищ Леонид Семенович Персианинов, академик АМН, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии. А я только сейчас «допёр», что твоё быстрое выздоровление тогда было результатом экспериментирования над собой, после чего ты уже смело применял свою методику. Борьба за правоту стоила тебе ещё двух инфарктов. От последнего, спровоцированного московскими военными медиками, Леонид Семенович бросился спасать, как только я сообщил ему о случившемся.

Я помню наш последний вечер. Посидели, поговорили, помечтали о предстоящей весенней охоте, покурили. Я – сигарету из пятой за день пачки «Новости», ты – папиросу из полупустой маленькой пачки «Казбека». Кто мог подумать, что она окажется последней!

– Поезжай, – сказал. – У тебя там водитель замерзает. Попробуй завтра пораньше выбраться, в шахматешки сыграем...

От госпиталя, куда ты лёг на профилактику несколько дней назад, до дома добрался минут за двадцать. Ещё через десять позвонила медсестра: «Всё...». Она зашла к тебе в палату сделать укол на ночь, а ты развел руки, вздохнул и... уснул навсегда.

Вызвав дежурную машину и заехав за полковником Сиротой, заведующим отделением, я помчался в госпиталь. Лоб твой был ещё тёплым, когда я его поцеловал, прощаясь...

А дня через три после похорон Сирота, боясь, что подумаю, будто он в чём-то виноват, или желая подстраховаться (всё-таки внезапно скончался отец секретаря горкома партии), подсунул мне протокол вскрытия. Там чёрным по белому было написано, что на твоём сердце три крупных и двадцать (!) мелких шрамов – цена борьбы за справедливость, за здоровье других людей и невнимания к себе.

И я вспомнил твои слова, сказанные на партийном собрании штаба округа и с восхищением переданные мне присутствующими на нём офицерами: «Мы научились проявлять заботу о мертвых. Давайте будем заботиться о людях, пока они живы!».

Вот мы и поговорили с тобой, батя. С днем рождения тебя!

В Е Х И

Мое начальное образование

Родившийся в голодном 1933 году, я не отличался крепким здоровьем, и, когда сразу после рождения заболел скарлатиной, врачи вынесли мне первый смертный приговор. Маме сказали напрямую: «Не жилец. Вы ещё молодая, у Вас всё впереди». Но мама, сама – педиатр, вцепилась в своего первенца и вырвала его из рук смерти. До войны я так и оставался постоянным домашним пациентом: то свинка, то диатез, то малярия... Потому естественно, что рос типичным маменькиным сыночком.

Перед войной мама работала на Октябрьской железной дороге главным врачом участка Москва – Калинин, и жили мы при клинской железнодорожной поликлинике рядом со станцией. Я частенько в жаркие летние дни бегал на перрон за мороженым. Мороженщица укладывала на днище металлической формы круглую вафлю, металлической ложкой доставала из голубого ящика парящую ослепительно белую молочную массу, набивала ею форму и закрывала такой же вафлей, после чего выдавливала сладкий кружок и в белой бумажке протягивала его мне. Не дойдя до дому, я успевал отправить его в рот, наслаждаясь вкусной прохладой.

С тех пор я очень люблю мороженое, но свои рекорды нигде не регистрировал. Самое большое его количество съел в жаркий день 1949 года в Ленинграде, когда наша шахматная команда юношей Карелии торчала несколько часов на вокзале, ожидая вечернего поезда на Ригу, где нам предстояло участвовать в первенстве СССР среди республик, – более трёх килограммов эскимо на палочке (моих любимых кругляков уже не делали). Половину этого, но за гораздо меньшее время, было

съедено значительно позже в Москве, в высотке на Кудринской площади, нынче осквернённой сараем Новинского пассажа. В той высотке на первом этаже со стороны дороги к зоопарку было чудесное кафе-мороженое (оно, кажется, и сейчас живо), в котором мы с дочерью отметили её выпуск из Морозовской клиники, предварительно «ударив» по шашлыкам у Никитских ворот. (Как всё-таки удивительна природа всего живого на Земле! Словно поняв, именно поняв, какие чувства вызвали у хозяина воспоминания, мой кот Златик запрыгнул на колени, прижался к моей груди, обхватив её лапами, упёрся мне в глаза сочувствующим взглядом и нежно, успокаивающе-усыпляюще замурлыкал. Я не прогнал его, как обычно делаю, если он мешает работать, а продолжаю писать, почёсывая его за ушами.)

Именно то мороженое на клинском перроне накануне войны осталось в детской памяти символом счастливой мирной жизни на долгие четыре с лишним года, когда лакомством порой считались лепёшки из замороженной картошки.

В то лето я готовился к учёбе в новой школе, недавно отстроенной почти рядом с нашим домом. В сороковом меня по малолетству в первый класс не приняли, хотя я уже умел читать, считать и даже писать печатными буквами (это уже благодаря отцу, который, начав учить меня игре в шахматы, как-то незаметно научил и остальному). Поэтому понятно то нетерпение, с которым я ожидал 1 сентября.

Но... Началась война. В один из первых налётов на Москву досталось и Клину. Бомба угодила и в новую школу. Вскоре враг приблизился к Москве, а я встретил 1 сентября уже далеко от неё. Моё начальное образование началось с войны.

В России немало городков и сёл, непритязательные названия которых связаны с легендами о пребывании в них царствующих особ. Поезжайте из Москвы на Питер, и вы проедете аж две Чёрные Грязи, а если в Вышнем Волочке свернёте налево, на Красного Слона, то там и третью Чёрную Грязь встретите. И у каждой – своя легенда, своя история. Чаще всего героиней таких легенд выступает Екатерина Вторая. Судя по всему, у неё была самая плохая карета, ибо она то застревала в грязи, то ломалась, и каждый раз на месте ДТП возникало поселение с соответствующим случаю названием.

Приблизительно такую легенду я услышал и в небольшом городишке Грязовце, одном из райцентров Вологодской области, где оказался в конце лета сорок первого года. В данном случае легенда так и оказалась легендой, поскольку Грязовец известен в истории с 1538 года, то есть задолго не только до царствования, но и до рождения Екатерины. Однако этого я тогда не знал, а поскольку грязи кругом хватало, действительно поверил, что здесь могла застрять сама Великая царица. Хорошо помню дощатые мостки вместо тротуаров, местную поговорку о них: «На один конец ступил – другим по лбу получил». Уже потом узнал, что такие мостки были характерной приметой северных городов, не исключая и областные.

Когда немцы уже подходили к Клину, мама, оставаясь на своём посту, воспользовалась тем, что к нам приехала успешная эвакуироваться из Ленинграда её родная сестра Ксения с трёхлетней дочкой Оксанкой, пристроила вместе с ними меня и мою годовалую сестрёнку Инку в эшелон эвакуирующихся из Москвы. Нашей целью был именно Грязовец, в котором размещался запасной стрелковый полк, где уже служил главным врачом отец.

Ровно полвека назад я возвращался по Ярославской железной дороге в обратном направлении, в Москву, из отпуска, проведенного вместе с отцом и его братьями в путешествии по их родным местам на Северной Двине. Это был лучший отдых в моей жизни, но он заслуживает отдельного рассказа. А тогда, как только проехали Вологду, я вышел в тамбур курить и ждать. Ждать, когда поезд пройдёт эти сорок километров и остановится на короткие две-три минуты в Грязовце. Была самая середина ночи, вагон спал. Перед остановкой ко мне присоединился отец. Он тоже не мог пропустить этого мимолетного свидания с прошлым. Наконец впереди замелькали огни, которых становилось всё больше и больше, высвечивались какие-то промышленные постройки, создавалось впечатление, что подъезжаем к какому-то большому городу.

– Ишь, как расстроился, – промолвил отец.

И вот остановка. Как раз напротив нашего вагона – вокзал. Такое впечатление, что тот самый, хотя он никак не мог

быть тем самым. Мы мыслили синхронно. Отец всё-таки предложил:

– Может, сойдём?

– Да я бы с удовольствием, но ты же знаешь...

Времени у меня уже действительно не было. Мы даже не вышли на перрон, чтобы избежать искушения.

– Давай как-нибудь специально съездим, – сказал я.

– Давай.

Поезд тронулся, а мы ещё долго стояли у окна, курили, думали и вспоминали каждый о своем...

Тому, кто сам не испытал этого, трудно представить железную дорогу из столицы на восток во второй половине сорок первого года. Только на третьи или четвёртые сутки после нескольких бомбёжек, многочисленных и долгих стоянок на станциях, а чаще на разъездах или просто на перегонах, мы сошли на грязовецком вокзале, в который вскоре попала бомба. Вражеские самолёты, не только бомбардировщики, но и истребители, долетали до, казалось бы, тылового Грязовца.

Помню, как однажды, при очередном налёте, мы (а нас уже собралось порядочно, ибо квартира отца стала то временным, то постоянным пристанищем для уехавших из Белоруссии, Москвы и Ленинграда маминых родственников. Только детей собиралось до пяти-шести душ) выбежали во двор, укрылись за лежавшими там брёвнами. И вдруг, в тот момент, когда от пролетающих над нами «юнкерсов» отделились точки бомб, я услышал истошный крик обезумевшей от страха тётки Ксении:

– Убейте сначала её, а потом меня! Ей без меня не жить!

Я оглянулся: Ксения держала трёхлетнюю Оксанку на вытянутых вверх руках, как бы защищаясь ею. Тогда я уже знал, что, если бомба сброшена над тобой, то упадёт она далеко.

Истребители добрались до города всего лишь один раз. На бреющем полёте они пронеслись буквально над крышей нашего дома, успев дать длинные очереди по полковому плацу, расположенному через дорогу, но на нем, к счастью, никого не было. Однако сам факт свидетельствовал о том, что фронт был не так уж далеко и что разведка у врага работала неплохо.

Вот в эту тревожную и голодную пору я и стал учеником первого класса, который вела Надежда Александровна Павлова, моя первая учительница. Она принадлежала к той лучшей части российской интеллигенции, которая при любых режимах честно служила не власти, а народу, смело шла в него и отдавала ему знания, силы и богатство души, формировала в нём интерес к главному достижению человечества – культуре. Незаурядный ум, благородство и доброта отражались на её уже далеко не молодом лице. Даже нам, соплякам, она не казалась старой, хотя лет ей было многовато. Она не «преподавала» нам чтение, арифметику, историю или географию. Она учила нас жить, чувствовать, думать и верить в добро. Она воспитывала из нас, лишенных нормального родительского внимания, голодных и порой вшивых, будущих граждан своей страны, способных жить её интересами и готовых их защищать. Если совсем коротко, то она умела объяснить нам ненавязчиво и доходчиво, с чего начинается Родина.

Мне, как и другим ребятам, было интересно на уроках Надежды Александровны. В классе, когда она говорила, стояла полная тишина, нарушаемая лишь периодическим щёлканьем: то один, то другой из нас со смаком раздавливал очередную свалившуюся с головы на книгу или тетрадку вошь – этого тайного лазутчика врага, всегда внезапно откуда-то появляющегося во время войны.

В короткие перемены мы галдели и бегали, как галдят и бегают нынешние младшеклассники, но в большую... О её приближении нам напоминали наши голодные желудки, начинавшие урчать. Школьные завтраки тогда состояли не из сникерсов или баунти, а из ломтика обыкновенного чёрного хлеба весом от пятидесяти до ста граммов. Как правило, этот кусочек был с маленьким довеском, который первым отправлялся в рот. По сравнению с лепёшками из мороженной картошки, найденной в поле и выдолбленной из окаменевшей земли, этот хлеб казался нам лакомством. Может быть, поэтому мне до сих пор кажется, что тот, военный, хлеб зимы 1941 года намного вкуснее нынешнего.

Я думаю, что ту зиму наша большая семья, особенно дети, пережили только благодаря отцу. И не столько из-за его коман-

дирского пайка, которого никак не могло хватить на такую ораву, даже не столько из-за его медицинского образования и опыта, сколько из-за его врождённого навыка архангельского мужика выживать, используя силы самой природы. Например, так же, как и всех красноармейцев своего полка, он заставлял нас ежедневно выпивать по полной кружке крепкого соснового настоя, варить из желудей и каких-то трав, собранных ещё осенью, напитки, кисели и кашицы. Пить и есть их было подчас невмоготу, и на мне лежала сыновья обязанность, поддерживая авторитет отца, первым пробовать и расхваливать всю эту малосъедобную, но полезную для организма кулинарию. И это тоже были уроки, уроки жизни.

Война, казавшаяся далекой в школе, становилась намного ближе, когда я приходил в полк. Здесь кипела боевая работа с утра до позднего вечера и в помещениях, и на плацу. Шли занятия строевой и физической подготовкой, осваивались приёмы штыкового боя и рукопашных схваток, до автоматизма доводились разборка и сборка оружия... Но реальные стрельбы проводились на полигоне. Попал я туда лишь однажды, но запомнил на всю жизнь. Кто-то из знакомых младших командиров постоянного состава, не очень хорошо подумав, вдруг предложил: «А по танку пальнуть хочешь?» Я, конечно же, хотел. Только спросил: «Как из винтовки?» Он подтвердил, что целиться и стрелять надо как из винтовки, и уложил меня за противотанковое ружьё. Еле дотянувшись до спускового крючка, прицелился в макет танка и с трудом сорвал курок. Тут же почувствовал сильный удар отдачи и страшную боль в плече. Ни меня, ни моего наставника уже не интересовало, попал я в «танк» или нет. Главной стала забота, чтобы о «результате» не узнали ни отец, ни командование. Плечо распухло, рука висела плетью неделю, но всё обошлось благополучно. Этот случай не отбил моей любви к оружию. К четырнадцати годам я уже стрелял из всех видов личного оружия, бывшего тогда на вооружении, и из охотничьего ружья, но об этом как-нибудь потом...

По вечерам мы с ребятами бегали посмотреть кино то в городской, то в полковой клуб. В полковом часто бывали концерты художественной самодеятельности. Именно на них я исподволь учился понимать душу народную, столь глубоко

выражаемую в песне, но лишь намного позже смог оценить огромную социальную роль песенного творчества в жизни общества. А тогда я просто заворожено слушал и старинные русские народные песни, и бодрящие, вселяющие уверенность в победу в труде и в бою песни предвоенных лет, песни о солдатском долге, о дружбе, любви и верности, о горе и радости, о готовности к подвигу во имя Родины, звучавшие со сцены.

Война открывает души и обостряет все человеческие чувства в диапазоне от любви до ненависти, что находит отражение в песне. Даже не обращаешь порой внимания на то, что у исполнителя не ахти какой голос, потому что поёт он душой. А когда поёт хор и вместе с ним души всех слушателей, возникает тот удивительный эффект коллективного сопереживания, который выжимает слёзы даже у крепких мужиков (Аристотель в своей «Поэтике» назвал этот эффект «катарсисом», то есть очищением). Действительно, происходит очищение духа, и «душа с душою говорит». И люди начинают ощущать себя народом наряду с бродягой в степях Забайкалья, который «про родину что-то поёт», Ермаком, на диком берегу Иртыша объятым думой, моряками «Варяга», не сдающимися врагу, тремя танкистами и «маленькой, чуть побольше валенка» медсестрой Валенькой, спасшей десять раненых. Такой народ чувствует себя непобедимым. Ему по плечу любые испытания.

В самом конце восьмидесятых годов я с группой работников издательства «Мысль», где в то время был главным редактором, находился в творческой командировке в Ростове Великом. Прямо на территории знаменитого Собора размещался штаб подготовки совместно с Институтом этнографии Академии наук СССР уникальнейшего издания «Народы и культуры», первые тридцать томов которого были посвящены народам СССР. По этому поводу было принято специальное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Тома готовили академии наук всех республик, а наша выездная редакция знакомилась с уже частично подготовленными материалами и оказывала консультативную помощь учёным в доработке томов. К сожалению, по известным причинам это издание не было осуществлено в задуманном варианте. Ряд томов позднее выпустила «Наука» в сокращённом и упрощённом виде.

Так вот, как-то вечером после напряжённого рабочего дня случайно зашёл разговор о песнях, и сослуживцы попросили меня вспомнить, что пели в годы войны. Я не умею, но люблю петь, но или хором, или когда никто не слышит (в тамбуре вагона, например). Однако уговорам поддался под обещание снисхождения. Запаса хватило на три с половиной часа, хотя из большинства песен исполнялось по одному куплету. Я старался воспроизвести именно то звучание песен, которое сохранила память о тех годах.

Считаю кощунством, когда некоторые современные исполнители искажают душу песни и оскорбляют память солдат военного поколения. Моему возмущению не было предела, когда увидел на экране в передаче «Старые песни о главном» расхристанного Владимира Преснякова-младшего (старший бы такого себе не позволил, культура повыше) с длинными, словно годами не мытыми спутанными волосами, в непонятно какой, но только не в советской военной форме, распахнутой на груди гимнастёрке со съехавшим ниже живота ремнём. Слушать его было уже противно. Разве можно сравнить это выступление с «Офицерским вальсом» на льду Марата Башарова и Татьяны Навки. Вот чем отличается истинная культура от эрзац-культуры шоу-бизнеса.

...В полковом клубе был даже свой театр. В нём я сыграл свою первую и последнюю роль на сцене – роль внука старика-партизана. Когда в избу вошли «фашисты» и направили на него автоматы, я бросился на его защиту с криком: «Дедушка! Не трогайте дедушку!» и тут же упал, «сражённый выстрелом». Спектакль ставил сам начальник клуба капитан Кивчиан, до войны работавший, кажется, оператором на «Мосфильме» и иногда снимавшийся в эпизодах. Вспомните сцену из фильма «Трактористы», в которой вместе с Николаем Крючковым в купе поезда едут ещё двое в танкистской форме. Так вот один из них, весельчак с характерным лицом кавказской национальности, и есть наш бывший начклуба Кивчиан, большой приятель моего отца.

Сожалею, что не рассказал об этом самому Николаю Афанасьевичу Крючкову, когда судьба свела нас в подмосковном санатории «Русское поле» на целых двадцать с лишним дней. Мы вместе рыбачили, вместе кололи иголками уши с целью

бросить курить, следили друг за другом, чтобы не допускать больше семи перекуров за день, разговаривали и вспоминали былое. Но о Кивчияне я тогда не вспомнил.

Курить мы так и не бросили. Где-то за неделю до окончания срока путёвки я увидел его перед обедом на скамейке у входа в корпус. Он сидел мрачный, закутавшийся в куртку, и жадно сосал свою беломорину. По договорённости можно было закурить только после обеда.

– Режим нарушаешь, Николай Афанасьевич?

– Да ну его всё...

Он смачно выругался и вытащил из-под куртки свою забинтованную руку.

– Вот только что гипс наложили. Дверью лифта... Болит зараза.

Я сел рядом и тоже закурил. О своей договорённости покончить с вредной привычкой мы больше не вспоминали.

Вот так жизненные дороги сводят и разводят людей, разных людей. Но в памяти остаются только лучшие из них.

Недавно по пути на охоту в дальние вологодские края попросил сына свернуть на Грязовец. Не очень охотно (дело было поздним вечером, а ехать по зимней дороге предстояло ещё более сотни километров, к тому же там нас уже ждали) к нам примкнули и наши «братья по оружию». Улицу Советскую нашли довольно быстро, но дома под номером 33 не было. Да и вся улица была незнакома. Застройка, вроде бы и старая, но совсем не та. Рядом с тем местом, где должен быть наш дом, – новостройка коттеджа. Нет ни парка, ни плаца. Вместо них – какая-то зона, ограждённая колючей проволокой и слабо освещённая. Редкие прохожие ничего не знали о прошлом, и лишь одна пожилая женщина вспомнила, что нашу двухэтажку снесли давным-давно. Искать знакомых через почти семьдесят лет было явно бесполезно. Всё нужно делать вовремя.

Время стирает города и горы, но ему неподвластна память человеческая. Сейчас, когда на ходу начинают отказывать больные ноги, в памяти всплывают строевые песни тех лет, и я, напевая первую из вспомнившихся, перехожу на строевой или походный шаг, как шагали и пели мы с мальчишками, пристроившись позади маршевых рот, отправлявшихся на фронт. Идти становится легче.

Окончить начальную школу у Надежды Александровны я не успел, так как отца в сорок четвёртом направили в полк, стоявший где-то возле Шексны. Мы вдвоём, оставив родственников в Грязовце, жили в санчасти, расположенной почти в лесу. Поэтому четвёртый класс я осваивал в буквальном смысле кавалерийским наскоком. Мой верный Сом, вороной стройный жеребец с белой отметиной на лбу и в белых носках на высоких ногах, в зависимости от погоды то в санках, то верхом, быстро доставлял меня до школы. В хорошую зимнюю погоду я оставлял Сому в деревне и, сняв валенки, бежал босиком метров триста по склону, в конце которого в маленькой рощице и стояла деревянная школа. Добежав до неё, тут же прижимал босые ноги к огромной круглой обитой железом печке. Так делали многие ребята. Но запомнился мне этот учебный год только первым и последним в жизни расквашенным мною чужим носом в стычке с одноклассником да дважды сломанной в кисти левой рукой. Первый раз – на лыжах, когда с крутого спуска меня понесло по твёрдому насту на обрыв, под которым в нескольких метрах внизу ждал очередную жертву схваченный толстым льдом канал; резко затормозить можно было лишь падением, и я упал, но левая рука пробила наст, и меня крутануло вокруг неё. Буквально через несколько дней после снятия гипса пришлось возвращаться из школы уже к вечеру. На улице бушевал буран. Понадеявшись на Сому, я всё-таки поехал. Уже ближе к дому на занесённой снегом дороге Сом вдруг оступился, и я слетел с него. Моя бедная рука опять висела, причиняя острую боль. Шапку унесло ветром. Кое-как забравшись на коня (мне даже показалось, что он в тот момент присел), я вскоре добрался до дома, добавив к руке помороженные уши.

Тем не менее закончил я начальную школу с похвальной грамотой, в чём главная заслуга была Надежды Александровны.

И ещё один день той шексинской зимы остался в памяти. В новогоднюю ночь мы с дежурившим по медсанчасти старшиной Урманом остались одни. Больных не было, а офицеры встречали Новый год в клубе полка. Часов в десять вечера Александр зашёл ко мне:

– Звони своему приятелю (сыну командира полка, на три года старше меня). Тоже, небось, один сидит. Пусть приезжает, двоём веселее.

Я позвонил, и через полчаса он примчался на маленькой, но сильной монгольской лошадке, запряженной в розвальни, полные пахучего сена (несколько таких монгольских лошадей, ещё недостаточно объезженных, совсем недавно прислали в полк).

Урман, мужик хозяйственный, быстро «сообразил» стол. Что на нём было, не помню. Знаю, что «декольтесов» там не было. А пили мы разведённый водой спирт и слушали рассказы Саши Урмана, успевшего побывать на фронте. Спиртное я попробовал впервые. И выпили-то мы совсем немного, но дурь в головы всё-таки ударила. Сразу после полуночи нас потянуло на подвиги. Несмотря на сильнейшую вьюгу, мы завалились в сено и начали погонять маленькую лошадку. Она оказалась умнее нас: лихим разворотом выкинула всех троих из розвальней и умчалась в снежную мглу. А мы, выбравшись из сугробов, пробились навстречу колючему снегу к светящемуся на наше счастье неподалёку фонарю у входа в санчасть. Так мы встретили победный 1945 год!

До сих пор мне Карелия снится...

Послевоенная Карелия стала прибежищем моей юности, порой взросления и первой любви.

В Петрозаводске 1945 года набралось ребят и девочек всего на две школы – мужскую и женскую, которые и стали двумя очагами молодёжной культуры наряду с разворачивающим свою деятельность Дворцом пионеров. Учёба учёбой, она, конечно, занимала много времени, но и так называемое «свободное время» проходило довольно целенаправленно. Девиз предвоенной молодёжи «Будь готов к труду и обороне!» не был снят с повестки дня, и подросток за годы войны новое поколение по примеру отцов и старших братьев, вернувшихся и не вернувшихся с войны, готовилось к активному участию в восстановлении страны и к защите Отечества. Поэтому сдача норм ГТО, занятия в спортивных кружках и секциях были массовыми. Нас не «натаскивали» на каком-либо одном виде спорта. Под руководством военруков и физруков, общественных

тренеров, которые были участниками войны, мы бегали и прыгали, метали копья, диски и гранаты, толкали ядро, играли в футбол, волейбол, баскетбол и городки, ходили по Онежскому озеру под парусами и занимались греблей, а во Дворце пионеров учились водить машину («ГАЗ-АА») и играть в шахматы.

Когда в спортивную классификацию ввели разряды, на груди многих наших старшеклассников подобно боевым наградкам засверкали разрядные значки. Как помню, больше всех было у Сталика Никулина – двенадцать. Я тоже почти всеми видами занимался, но знаков отличия было поменьше. Да и, казалось бы, какой спрос мог быть с «ослабленного с рождения болезненного ребёнка», каким был до войны и которому военные годы тоже здоровья не прибавили. Не случайно с группой таких же слабаков – детей офицеров-северян меня сразу после войны отправляли сначала в санаторий, расположенный в бывшем имении князя Барятинского под Курском, а потом в Евпаторию, где нас называли северными чертями, потому что мы, приехавшие с Онеги и Белого моря, купались в Чёрном море задолго до открытия сезона. Тем не менее, в девятом классе я стал чемпионом Петрозаводска среди юношей по гребле на шестивёсельной шлюпке в составе команды одноклассников и на одиночке с рулевым Лёвой Ипатовым (тоже одноклассником), а по стрельбе и по шахматам два года выступал за сборную Карело-Финской республики в юношеском первенстве СССР.

Руководителем шахматного кружка во Дворце пионеров был Фёдор Фёдорович Машаров, получивший первый разряд ещё в 1911 году. Он буквально жил шахматами и свою любовь к этой мудрейшей игре старался передать нам. В период подготовки к всесоюзным соревнованиям Фёдор Фёдорович приглашал поработать с нами мастера спорта Гольдберга, тренера самого Ботвинника, чемпиона мира. Как-то в очередном его сеансе одновременной игры со всей нашей командой (в которой число участников почти совпадало с количеством представляемых ими национальностей, в том числе и один «титulusный» карел) у меня на доске позиция оказалась предпочтительнее. При очередном подходе Гольдберг предложил мне ничью. Глядя на него снизу вверх (а рост и масса у него были весьма солидные), я пролепетал:

– Попробую выиграть эту позицию...

– Ну что ж, выигрывай, – буркнул мастер.

Вот она, цена юношеской самоуверенности! Следующим же ходом я «зевнул» ладью, в волнении схватившись за неё вместо другой фигуры, и тут же сдался. На разборе мастер доказал, что позиция у меня действительно была выигрышной и что я поторопился сдаваться, так как, несмотря на «зевок», ещё сохранялись хорошие шансы на ничью. Так я ещё раз убедился, что торопливость нужна только при ловле блох, а чувствами всё же должен управлять разум. Этот урок я запомнил на всю жизнь. Но Гольдберг повторил его на более широкой аудитории, на командном первенстве СССР в Таллине, где был главным арбитром. В один из игровых дней в огромном зале, где проходили матчи республиканских команд, сосредоточенную тишину вдруг взорвал радостный вопль. Все невольно обернулись в сторону его источника, а Гольдберг поспешил к месту происшествия. Маленький черноголовый пацанёнок, зажав в высокоподнятой руке ферзя, которого ему зевнул противник, не смог сдержать своей радости. Мощная фигура арбитра нависла над ним:

– Ты что, противника не уважаешь?!

Паренёк чуть не залез под стол, над шахматной доской торчала лишь его чёрная шевелюра. Это был двенадцатилетний Миша Таль, через одиннадцать лет ставший чемпионом мира.

К чему я обо всём этом рассказываю? Отнюдь не желание похвастаться своими спортивными достижениями руководит мною. К тому же они и не были какими-то особенными. Даже мастером спорта ни по одному из его видов я так и не стал, ибо не собирался делать спорт своей профессией. Но остатки той закалки ещё помогают мне в нынешней жизни. До сих пор массажисты жалуются, что не могут размять мои мышцы, а когда на врачебной комиссии для справки в ГАИ женщина-невропатолог, усомнившись в моей способности в мои годы крепко держать руль, попросила сжать её руку, я так ей сжал, что она заорала благим матом и тут же подписала справку. Хотя я и сам чувствую, что руки уже не те, которыми я когда-то ломал медицинские динамометры.

А вспоминаю я о прошлом к тому, чтобы показать, какое внимание уделялось в стране физическому и нравственному воспитанию подрастающего поколения, в стране, обескровленной войной и переживающей трудные годы восстановления, стремящейся к миру и созидательному труду, к новым прорывам в будущее. Жизнь убедила меня в том, что славу и силу стране придаёт не искусственное «натаскивание» на победу в Олимпийских играх, а стремление сделать массовый спорт образом жизни народа. Тогда и олимпийские команды будут значительно сильнее. Тогда и в армию будут приходить здоровые молодые люди, а не только в «спецназ» Аллы Духовой, охрану олигархов или бандитские шайки. Тогда и здоровье народа потребует меньших затрат и дети будут рождаться более здоровыми. Тогда значительно проще будет решать проблемы нравственного и патриотического воспитания молодёжи.

Сегодня московское радио стонет, что в стране «катастрофически не хватает полей для гольфа», кто-то устраивает поло на слонах, в программу Олимпийских игр включаются новые виды, подчас не имеющие к спорту никакого отношения, но протолкнутые национальными комитетами стран, где эти надуманные забавы получили распространение. У нас тоже когда-то была распространена замечательная народная игра в городки, не требующая больших затрат, но почему-то мы её не сумели «проташить» в олимпийские виды. И нынче уже не увидишь городошной площадки.

Обидно за судьбу детских шахмат. Когда-то собирались, а кое-где и делали это, включить их в школьные программы. А сейчас каких только дурацких игр не навывдумывали, называя их «развивающими»? Но для формирования у подростков способности к самостоятельному мышлению лучшего средства, чем эта древняя игра, выдумать трудно. Никакой компьютер не идёт с ней в сравнение, ибо он самостоятельно мыслить не умеет, а лишь быстро воспроизводит то, что заложено в него человеком, не всегда умным и далеко не всегда порядочным. Совсем не случайно послевоенный шахматный «бум» в СССР способствовал не только высочайшему авторитету советской шахматной школы, но и развитию массового движения рационализаторов и изобретателей во всех отраслях народного

хозяйства, повышению культуры мышления молодёжи, приобщившейся к этому, весьма полезному, увлечению. Причины нынешнего печального положения дел в этой сфере, как и в других, находятся в государственной политике. С 2007 года развитие детских шахмат курировал первый вице-президент Российской шахматной федерации Аркадий Дворкович, известный своими «достижениями» не только в экономике, где он считается авторитетом, но и в футболе, поскольку, являясь членом правления Российского футбольного союза, отвечает за осуществление программ развития отечественного футбола. Я не могу не согласиться с оценками результатов его деятельности в Интернете: «Когда помощником президента по экономике является человек, знающий экономику исключительно по учебникам и понятия не имеющий, что такое экономика практическая, ничего хорошего ждать не приходится». «Аркадий! Твоя деятельность вокруг футбола не логична! Полностью уничтожить российский футбол (заменив его африканским) и в то же время выклянчить чемпионат мира по футболу у нас. Вероятно, чтобы опозорить нашу страну!» Думаю, что и в отношении шахмат оснований для оптимизма пока нет.

Спорт отнюдь не мешал нам учиться. Занятия шли своим чередом. Преподаватели, за редким исключением, были очень высокой квалификации, даже молодые, только что окончившие пединститут или Ленинградский университет. Из учителей запомнились трое. Каждый раз, заходя в класс к шестиклассникам с классным журналом, зажатым подмышкой протезом левой руки, высокий мрачноватый мужчина, всем обликом своим напоминавший Паганеля, обращался к своим ученикам одной и той же фразой:

– О вы, несчастные, задавленные природой! (Звучало это именно так, как написано. – *Е. Т.*)

Это, конечно, был наш географ. Ни имени, ни фамилии я не помню, но, по-моему, мы ему больше сочувствовали, чем он нам. Сам же он запомнился благодаря анекдотическому происшествию. Как-то во время урока Рудька Битенбиндер, сын высокопоставленного республиканского чиновника, воспользовавшись слабым зрением учителя, со своей «камчатки» (задней парты) запустил бумажный самолётик, который спланировал

прямо за учительские очки. Не успел географ вскочить из-за стола, как шустрый парнишка шмыгнул из класса и спрятался за дверь. Выйдя в коридор и никого не заметив, учитель уже собирался вернуться в класс, но в этот момент ошалевший от испуга Рудька сиганул ему на спину, крепко ухватившись руками за шею, а ногами обхватив туловище. Наш географ принял весьма оригинальное решение: прижав к себе единственной рукой ноги седока, чтобы тот не соскочил, помчался в учительскую, где и представил «вещественное доказательство» хулиганского поступка. Мы всем классом извинились перед ним за товарища. Рудьку всё-таки оставили в школе, но года через два он трагически погиб в результате несчастного случая.

А вот Эльза Карловна, преподаватель немецкого языка, обрусевшая немка, запомнилась тем, что давала ученикам персонифицированные домашние задания. Мне, например, переводы в прозе, а потом и в стихах поэзии Гейне. Жаль, что не сохранились те опусы. Но звучание первой строки «Русалочки» на немецком помню до сих пор: «Их вайс ниht, вас золь эс бедойтен...» (Я не знаю, что случилось...).

В восьмой класс пришла к нам сразу после окончания ЛГУ новая учительница русского языка и литературы Зоя Михайловна Упорова, умница и красавица, знавшая, казалось, наизусть всю русскую литературу и в прозе, и в стихах. Её бархатный голос завораживал класс, а сверкающие добротой глаза излучали мощную энергию радости жизни. Небольшая полнота ничуть не мешала, даже украшала её, делая фигуру ещё более гармоничной: в худеньком тельце не поместилось бы столько доброжелательности. В неё нельзя было не влюбиться. Весь класс был покорён, а уроки литературы стали для нас праздниками. В моём выборе профессии именно она сыграла решающую роль. Насколько знаю из Интернета, доктор филологических наук профессор Зоя Михайловна Упорова и сейчас несёт питерским студентам доброе, разумное и вечное.

Учился я довольно прилично, но круглым отличником после начальной школы не был. Однако по литературе и русскому языку всегда имел высший балл, за исключением одного случая, когда в классном сочинении умудрился сделать более двадцати ошибок. Причём в самых сложных предложениях всё

было правильно, зато самые простые слова оказались недописанными на одну-две буквы или были пропуски в середине слов. Зоя Михайловна вызвала меня в учительскую, когда там никого не было, и долго пыталась выяснить причину моей явной невнимательности. Я молчал как партизан, с чем и ушёл. Тогда З.М. провела допросы моих друзей, и кто-то из них меня «сдал», рассказав о размолвке с девушкой, в которую я влюбился. В результате я был очень удивлён, узнав, что за сочинение получил «хорошо» притом, что весь его текст пестрел красным.

А дело было так. Школа в те годы, и не только в Петрозаводске, была, кроме учебного, ещё и культурно-воспитательным центром жизни молодёжи. Начиная с пионерской, а потом и в комсомольской организации подросткам прививался интерес к общественной активности, у них формировались чувства коллективизма, товарищества, ответственности за общее дело и своё поведение. По большому счёту, это была школа самоуправления, демократии, школа гражданского становления, то, что в мировой науке называется социализацией новых поколений, то есть подготовкой их к включению в жизнь общества на данном этапе его развития. Верьте писателю-патриоту Аркадию Гайдару, точно отразившему сущность того же пионерского движения – учить детей делать добро людям, и не верьте его внуку и ему подобным, принесшим российскому народу столько зла. Это они представляют нынешним поколениям прошлое нашей страны с помощью плакатов и других средств буржуазной пропаганды 20–30-х годов. Конечно, дураки, способные извратить любое хорошее дело, были всегда, но кое-кто в своих корыстных целях именно из них делает героев и по ним судит о временах и нравах. Говорю это как очевидец и того, и другого. Я сам был и председателем совета отряда, и председателем совета дружины, и пионервожатым.

Одним из первых моих комсомольских поручений было участие в подготовке вечеров отдыха. Такие вечера для старшеклассников проводились довольно часто, причём попеременно: то в нашей школе, то в женской. Программы были насыщены самодеятельностью, встречами с интересными людьми, но финалом всегда были танцы. А вот танцевать-то я не умел со-

всем. На них у меня никогда не находилось времени. Поэтому, если не дежурил по вечеру, после «смысловой» части отправлялся домой, лишь изредка задерживаясь ненадолго в качестве зрителя. Вот и тем памятным вечером я стоял у стенки и обозревал танцующий зал, как вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Отыскать его не составило труда. Наши глаза встретились, на долю секунды упёрлись друг друга и тут же разошлись. Она стояла у противоположной стены вместе с двумя подругами, одну из которых я знал: офицерская дочь из соседнего с нашим дома. Фокстрот сменило «дамское» танго, и те же глаза оказались прямо передо мной, тихий мелодичный голос с трудом проник в моё сознание:

– Разрешите пригласить Вас на танец.

Кровь прилила к голове. Меня бросило в пот. Я был растерян и подавлен, проклинал себя за то, что не умею танцевать. И в таком состоянии совершил страшную глупость, пролепетав:

– Извините, я не умею танцевать. – И тут же, чувствуя себя преступником, добавил: – Я, правда, совсем не умею...

И это вместо того, чтобы взять её за руку, ввести в круг танцующих и уже там объяснять ситуацию. Но это вспыхнуло у меня в мозгу, когда она, оскорблённая отказом, уже повернулась и пошла к подругам. А я, кляня себя за растерянность, за то, что обидел её, тут же ушёл домой.

На другой же день спросил у соседки:

– Кто это была вчера вместе с тобой?

– Инна, Инна Егорова, моя одноклассница. Очень ты её обидел.

– Да знаю я, понял. Интересное совпадение: она – тёзка моей сестры. Научи меня хоть как-то двигаться, танго и фокстрот, больше мне не надо.

И начались мои ежевечерние муки, после которых в моём лексиконе прочно засела присказка – «танцы хуже каторги».

Короче говоря, в конце недели я впервые пошёл на вечер в женскую школу. По этому случаю я сменил свой обычный китель на вельветовую куртку, галифе – на брюки-клёш, хромовые сапоги – на полуботинки и впервые в жизни надел не пионерский галстук, долго промучившись, завязывая его.

Волнение моё было вполне понятным: после первого класса я больше ни разу не влюблялся. И восьмой – это уже не первый. К тому же чувство вины не покидало меня.

Как только зазвучало первое танго, я подошёл к Инне, шелкнув каблуками, извинился за прошлый вечер и пригласил её на танец. Получил вполне справедливый полный «отлуп», на что и рассчитывал. Поэтому, дождавшись очередного танго, снова подошёл и просто сказал:

– Ну, извини, пожалуйста! Давай считать, что «любезностями» мы уже обменялись, начнём всё с начала. Пойдём потанцуем.

Она протянула мне руку, и мы влились в круговорот зала. Стараясь поддерживать разговор, я мучительно отслеживал движения ногами, и всё-таки несколько раз наступил ей на туфли, каждый раз опасаясь, как бы она не подумала, что я таким образом стремлюсь доказать свою беспомощность в танцах. Но, видимо, соседка рассказала ей о моих ежевечерних «подвигах», потому что каждый раз она одобрительно улыбалась и всё доверчивее относилась ко мне.

Мы довольно часто встречались в компаниях с моими и её одноклассниками, вдвоём ходили в театр оперетты, где тогда блистал будущая звезда Московской оперетты Николай Рубан, в кино, на каток, где я чувствовал себя намного увереннее, чем в танцевальном зале, а она – наоборот. С началом белых ночей просто бродили по парку или вдоль берега Онеги. После кинофильма «Девушка моей мечты» я посвятил её одноимённое стихотворение. В разгар белых ночей я спозаранку уезжал на велосипеде в лес и, вернувшись к тому времени, когда она только просыпалась, стучал в её окно на первом этаже и в открытое высыпал огромную охапку только что распустившейся душистой черёмухи, а она в ответ играла мне что-нибудь на пианино. Так мы продолжали узнавать друг друга. Насколько я помню, наши отношения не дошли даже до поцелуев.

Когда-то, под настроение, я написал об этой любви целый рассказ, но он, как и многие другие мои записи, после капитального ремонта квартиры затерялся среди многочисленных книг и бумаг, которые уже много лет я всё собираюсь разобрать. Если в служебном кабинете мне ещё удавалось поддер-

живать относительный порядок, то для домашней творческой работы никогда не было ни времени, ни места. Поэтому царящий среди моих книг и бумаг беспорядок для собственно-го утешения называю творческим и предпочитаю не тратить время на генеральную разборку, которой рассчитывал заняться после ухода на пенсию. Теперь уже поздновато, поэтому вспоминаю заново.

Накануне вышеупомянутого злополучного сочинения мы встретились в довольно большой компании на дне рождения Сталя Никулина. Среди приглашенных оказался новичок из нашего класса, довольно хамоватый парень, который и устроил наглую провокацию, ставшую причиной нашей размолвки. После неё мы встретились лишь один, последний раз. Я позвонил ей вечером по телефону и попросил прийти в парк. Мы одновременно подошли к «нашей» скамейке. Волнение сдавило мне горло.

— Ты знаешь, что мои родители уже переехали в Воронеж. Они ждут моего решения: буду я оканчивать школу здесь, в Петрозаводске, или на новом месте. Кроме тебя меня здесь ничего не держит. Ехать мне или остаться?

— Как хочешь, так и поступай.

Я не уловил тогда двойного смысла ответа, принял его за проявление нарочитого безразличия.

— Ну что ж, тогда моя последняя просьба: завтра первенство города по гребле. Приходи на пирс. Вечером я уеду на первенство Союза по стрельбе в Москву и оттуда сразу в Воронеж.

Она промолчала.

На другой день на пирсе собралось много болельщиков, но я напрасно вглядывался в толпу. Только когда уже объявили мой заезд и я сел в лодку, кто-то из ребят сказал:

— Пришла. Вон они со Светкой справа у берега стоят.

Глянув туда, заметил их. Она тут же спряталась за чьё-то плечо.

Заезд начался при небольшой волне, но крепчающий ветер быстро поднял её почти до трёх баллов. Вода стала захлёстывать лицо и руки. Я грёб как когда-то застигнутый бурей на Маш-озере. Мне надо было обязательно прийти первым. И я пришёл! Однако подняться на пирс сил уже не хватило.

Судорога свела ноги, а на правой икре синей лентой выступила вена – память на всю жизнь о той гонке, посвящённой любви.

Когда ребята вытащили меня из лодки на пирс, я увидел две удаляющиеся от берега знакомые женские фигуры. А вечером московский поезд увёз меня из Карелии, как оказалось, навсегда.

Через год я получил от Инны письмо, в котором она спрашивала совета, стоит ли ей приехать в Воронеж и поступать в здешний университет. Я не ответил и до сих пор не знаю, правильно ли поступил.

Любовь лечится только любовью. Женился я через два года, уже перейдя на второй курс филологического отделения университета, на коренной воронежке, абитуриентке пединститута Алисе Щербаковой (она была старше меня на полтора года, но во время войны в эвакуации два года не училась). Мы прожили вместе ни много ни мало пятьдесят лет и почти два месяца очень непростой жизни, особенно последние двадцать с лишним лет, которые она мучилась, будучи парализованной в результате врачебной ошибки. Мы вырастили дочь Елену и сына Сергея, которые тоже обзавелись потомками, а те – своими. Лена окончила Литературный институт им. М. Горького в Москве, работала редактором, выпустила два сборника своих стихов, долгие годы вместе со своим мужем Виталием Латарцевым, а потом и с сыновьями, доставала из рек, озёр и болот самолёты и танки, погибшие во время войны, несколько лет под Таманью вместе с экспедицией Академии наук занималась подводной археологией, а сейчас их фирма «Пётр» ведёт подводно-технические работы по всей территории России от Белого и Чёрного морей до Дальнего Востока. Серёжа, отслужив в пограничных войсках, окончил МГИМО, работает в солидной туристической фирме, принимая иностранных гостей со всего света. Я горжусь своими детьми, внуками и уже правнуками, которых у меня пока трое: две Ярославны – Анастасия и Софья, и старший – мой полный тёзка Евгений Алексеевич. Недавно Тася попросила:

– А можно я буду называть тебя не прадедом, а просто дедом?

Я, конечно же, согласился. Чувствую постоянно свою вину перед всеми своими потомками за недостаток внимания, но так уж сложились жизненные обстоятельства. А вообще-то старики должны быть с потомками, если не вместе, то рядом.

Вот уже десять лет совместной жизни готовимся отметить мы с моей второй женой Людмилой Викторовной Якушиной, у которой своя непростая история. Вдвоём легче преодолевать трудности и несурезицы нашей современности.

А память о Карелии, крае моей юности и моей первой любви, я храню до сих пор. Весь мой жизненный опыт говорит о том, что настоящая любовь возвышает, облагораживает человека, вдохновляет его на добрые дела, а преобладающая ныне чисто потребительская и физиологическая уподобляет его животному и формирует соответствующее поведение. Молодость, конечно, хорошее качество, но именно в молодости совершаются роковые ошибки.

Карелия навсегда осталась в моей душе символом юности. Те пять послевоенных лет во многом определили мои стремления, мой характер и даже мои увлечения. Полюбив суровую, но прекрасную природу этого замечательного края, его леса, реки и озёра, я на всю жизнь заразился охотничьей страстью. Все последующие годы мечтал о новой встрече с Карелией, но, увы, не сложилось.

Да, мы были романтиками. Мы – дети войны и, на себе познав её ужасы, мы действительно искренне верили в своё призвание сделать мирной и счастливой жизнь всех людей на земле, также искренне гордились тем, что именно наша страна прокладывает этот светлый путь в будущее всем народам мира. Во имя этого мы готовы были и на самоотверженный труд, и на бескорыстную, но ответственную службу Родине, понятие о которой не было для нас пустым звуком. Зная, какие потери и лишения перенесла страна, мы оставались скромными в быту, в своих потребностях, пренебрегая роскошью, как символом чуждого мира, находя радость в общении с людьми, которых считали равными независимо от их национальности или социального положения. Война, как и любая беда, уравнивает и сплавливает людей. Конечно, были исключения, и не так уж редко. Но к ним и относились как к исключениям, которые не определяют образ жизни общества.

Такими формировали нас вся окружающая действительность и наша повседневная практика. На это работали все институты общества: родители, начинавшие строить молодое социалистическое государство и отстаивавшие его в ожесточённой борьбе с фашизмом; школа, унаследовавшая лучшие традиции отечественного образования, всегда связанного с формированием подлинно человеческих ценностей; пионерские и комсомольские организации, игравшие важную роль в привитии молодёжи навыков социальной активности. И всё это обеспечивалось в то время государственной политикой в работе с молодёжью.

Ныне романтика созидания уступила место голому прагматизму наживы одних и стремления выжить других, что духовно опустошило и разделило общество непримиримыми противоречиями. К сожалению, пока это понимает только церковь, но не государство.

Я – журналист

Мне посчастливилось учиться в одном из старейших высших учебных заведений России – Воронежском (бывшем Юрьевском) государственном университете, богатом традициями, научными и преподавательскими кадрами высшей квалификации, славном своими выпускниками. Это сейчас само понятие «университет» расширили в угоду рыночным отношениям подчас до полной профанации его. А в середине прошлого века университетское образование заслуженно пользовалось большим авторитетом, ибо кроме специальной подготовки давало хорошую базу для развития общей культуры студентов.

Учебные программы были очень насыщены, оставляя на отдых совсем немного времени. Поэтому для каких-то общественных или личных дел его приходилось «отщипывать» и там, и там. Только-только начались занятия, почти на месяц poslali меня во главе бригады из восемнадцати студентов заготавливать лес для восстановления разрушенных в войну зданий университета. Нередко в выходные дни все младше-

курсники выходили на разборку развалин. Как правило, один месяц первого семестра мы проводили на сельхозработах, помогая колхозникам убирать урожай. А ведь были ещё и межвузовские, и городские соревнования по стрельбе и по шахматам, где я защищал честь университета. Стрелковый спорт стал массовым среди студентов, особенно нашего ист-филфака, к зданию которого примыкал тир. Ключи от него и от оружейной комнаты с утра до вечера находились у меня в кармане по разрешению начальника военной кафедры генерал-майора Василия Васильевича Болознева, так как с утра до вечера шли тренировки. Генерал не раз доверял мне как члену сборной команды Воронежского округа проводить на кафедре занятия по огневой подготовке, потому что я знал оружие и стрелял не хуже его офицеров. К тому же он знал, что мне и самому надо готовиться к первенству Советской армии.

Вспоминается забавный случай. До поездки на эти соревнования во Львов оставались последние сутки, а у меня – «хвост», не сданный зачёт по латыни. С утра заскочил в тир, выпалил несколько серий из нагана и, сунув его за пояс, побежал в аудиторию, где уже сидит «хвостатая» половина группы. Беру билет и сажусь готовиться. Наган мешает сидеть. На листе бумаги пишу крупными буквами: «Qwi nil potest sperare, desperet nihil» (Кому не на что надеяться, тот ни в чём не отчаивается), кладу на дальний угол стола, а рядом – наган. Мудрейший и добрейший Владимир Георгиевич Журавель, преподающий латынь с начала века, спокойно проходя между рядами, делает вид, что не замечает, как при его приближении, которое студенты чувствуют спиной, в столы поспешно прячутся учебники и шпаргалки. Вот он притормозил позади меня:

- Коллега, это для кого?
- Судя по обстоятельствам, Владимир Георгиевич.
- Ну, тогда идите отвечать.

Я поднялся из-за стола, так и не успев проспрягать какой-то глагол во множественном числе. Ответил на первый вопрос, бойко проспрягал глагол в единственном и замолк.

- А множественное, пожалуйста, коллега.
- Забыл, Владимир Георгиевич.

— Ладно, зачёт я поставлю, но не забывайте, что единственное без множественного не существует.

Многие, в том числе и я, тогда сомневались: нужна ли нам, в основном будущим преподавателям русского языка и литературы, эта латынь? И только большой жизненный опыт убедил меня в том, что её совсем не случайно причислили к классическому образованию. Она формирует у человека чувство причастности к мировой культуре, способность логического и образного мышления, обогащает его мудростью познания действительности, помогает ему осваивать языки и опыт других стран и народов.

Мои занятия стрелковым спортом привели к тому, что меня избрали председателем комитета ДОСААФ университета, что значительно увеличило дефицит личного времени. А у меня уже была своя семья, к концу второго курса появилась дочка. Даже, бывало, к родителям заскочить не выбирался по долгу.

Тем не менее учёба шла своим чередом. Во время сессий сдавал экзамены и зачёты во второй день, после того как, забрав у Галки Тришкиной конспекты (она очень старательно записывала все лекции), за ночь компенсировал всё пропущенное. Только на пятом курсе я, освободившись от общественной работы, сосредоточился на учёбе, успешно сдал госэкзамены и досрочно защитил дипломную работу о положительном герое в творчестве Маяковского.

К этому времени я уже чётко представлял свой жизненный путь: начну с журналистики, а потом, поднакопив опыта, буду совмещать её с творческой работой, а уж на пенсии буду писать, охотиться и рыбачить. Как это было наивно! Но молодость есть молодость.

К своим первым литературным упражнениям я относился именно как к упражнениям и никогда не стремился их опубликовать, понимая, что знания и чувства должны быть обогащены практическим опытом. За ним-то я и пришёл в редакцию газеты Воронежского военного округа «Знамя Родины» к её редактору полковнику Д.Н. Татьянину.

— У нас есть вакантная должность старшего литературного сотрудника по отделу культуры, но сегодня нам нужен

сотрудник в отделе боевой подготовки. По-моему, для Вас это не проблема. Если устраивает такой вариант – числиться по отделу культуры, а работать у Гринько, – можете приступить завтра.

Так началась моя школа практической журналистики у прошедшего огни и воды, то есть от Сталинграда до Берлина, газетного «волка» подполковника Александра Ивановича Гринько – начальника нашего отдела. Он был требователен и суров, но по натуре дружелюбен и весел, внимателен к каждому, в любой момент был готов прийти на помощь.

– Ты, конечно, в шахматы хорошо играешь, но старайся блеснуть на полосе, – и он безжалостно чиркал очередной мой опус, придираясь к каждому слову, добиваясь точности фраз.

В маленьком кабинете нас сидело четверо: весельчак подполковник танковых войск Иван Донченко; почти всегда угрюмый майор авиации Серёжа Андропов, чья жена была первой красавицей гарнизона, что причиняло ему немало неприятностей; тоже авиатор капитан Юра Грачёв, сорви-голова, и я – начинающий журналист в штатском, младший лейтенант запаса. Работали в «папиросном голубом дыму»: трое моих новых коллег «садили» по две пачки ростовского «Беломора» в день. Поэтому курить я научился быстрее, чем более или менее прилично писать. Ведь газетный материал – самая оперативная журналистика того времени, это тебе не школьное сочинение и даже не курсовая или дипломная работа. Да и профессиональные требования были намного выше нынешних. Причём не только к твоему материалу, но и к самому тебе, к твоему поведению, соблюдению журналистской этики. Особенно это чувствовалось в связи с созданием Союза журналистов СССР, когда каждому принятому в него выдавалось весьма авторитетно выглядевшее удостоверение (в красном сафьяновом переплёте с золотыми буквами), свидетельствовавшее о том, что предьявитель его является государственным человеком.

Нынешние «бейджики» удобны, но выглядят как этикетки на товаре. Да и армия журналистов, хоть и значительно выросла количественно, много потеряла в качестве. Подавляющее большинство её составляет особая категория пишущих,

снимающих и вещающих, которые востребованы спецификой российского «перехода к рынку», где всё продаётся и всё покупается. Их, чьи профессиональные качества – продажность и наглость, я называю журналюгами. Именно они используются разного рода политехнологами для обмана, оболванивания и развращения людей.

Мы были другими. Не подсматривали в замочные скважины за интимными подробностями жизни искусственно раздутых «звёзд» и политических деятелей, не гонялись за сенсациями, не занимались саморекламой. Постоянно изучая реальную жизнь, мы стремились помочь людям стать лучше, добрее, познать радость коллективного труда, направленного на укрепление страны, повышение благосостояния её народа, обеспечение счастливого будущего новых поколений; овладевать знаниями и опытом культуры, накопленным человечеством; формировать чувство гордости за свой личный вклад в общее дело. Интересно было работать с письмами военкоров: солдат, сержантов и офицеров. Чаще всего приходилось учить их не только грамотно писать, но и правильно излагать свои мысли. А уж курьёзных фраз в этих письмах было столько, что у Гринько была ими заполнена толстая общая тетрадь, с которой знакомили каждого новичка. Лет через двадцать в Москве мы с земляком Анатолием Поповым, бывшим тогда руководителем ЦК профсоюза работников сельского хозяйства, вспоминали о Воронеже, и он признался, что интерес к общественной деятельности у него зародился именно в армии, что он именно тот сержант Попов, который регулярно писал в газету «Знамя Родины», и что именно я учил его писать заметки.

Я побывал во многих частях округа, размещённого в самом центре европейской части России, писал о боевой учёбе и быте солдат и офицеров курской дивизии, о лётчиках Липецка и Балашова, тамбовских артиллеристах, курсантах и преподавателях Мичуринского авиационно-технического училища, которое позже было переведено в Воронеж, участвовал в окружных учениях, осваивал новые для меня жанры журналистики: репортаж, интервью, очерк. Школа А.И. Гринько стала моим вторым университетом, формировавшим профессиональное мастерство и ответственность перед сослуживцами за честь

своей газеты, своего коллектива. С Александром Ивановичем мы поддерживали добрые товарищеские отношения долгие годы, вплоть до моего перехода на работу в Москву.

Новый начальник отдела культуры нашей газеты подполковник Т.П. Андрейкович настоял на том, чтобы числящийся в его штате сотрудник начал работать на его отдел. И мне пришлось сменить тематику, о чём тогда пожалел, а сейчас не жалею. С моим появлением отдел культуры количественно (не считая начальника) увеличился вдвое: пока я работал у Гринько, воз тянул один Иван Пущин, опытнейший редактор, пользующийся авторитетом у воронежских писателей и поэтов, пишущий сам. Человек очень добросовестный, трудолюбивый, чрезвычайно скромный и душевный. Мы с ним быстро нашли взаимопонимание и подружились. Содействовать повышению культуры и улучшению бытовых условий в военных городках и гарнизонах – таково было основное направление нашей работы. Вместо репортажей с боевых учений я писал о всеармейском соревновании поваров по приготовлению блюд из сои, о движении за чистоту и порядок в военных городках, инициированном нашей газетой, о работе солдатских и лётных столовых, о смотрах художественной самодеятельности в частях и подразделениях, о народных талантах из числа солдат, сержантов и офицеров. Систематически публиковались произведения писателей и поэтов, проживающих на территории округа, материалы о классиках русской и советской литературы, деятелях искусства, театральные и кинорецензии. Мне посчастливилось быть прикомандированным к съёмочной группе замечательного фильма Сергея Бондарчука «Судьба человека», когда она работала в Воронеже. Я писал о съёмках, в течение многих дней общался с этим удивительным человеком и великим художником. Помню и совсем молоденькую Зинаиду Кириенко, даже на съёмках опекаемую мамой. Когда видишь «кухню» процесса создания фильма, приходится раздваиваться в его восприятии при просмотре. Например, в сцене побега Соколова из плена наблюдаешь на лице актёра всю гамму стрессовых переживаний героя, но вторым планом зрительная память выводит тебя за пределы объектива камеры, и ты видишь, что Бондарчук бежит под горку из Дома отдыха имени

Горького рядом с аллеей, по которой движется камера, а внизу дымятся шашлыки. Рано утром в костюме и гриме своего героя Сергей Фёдорович успел съездить на рынок, выбрать и замариновать мясо, а уж приготовить – специалисты нашлись.

Была ещё одна незабываемая встреча. Как-то пришёл в редакцию неизвестный поэт со своими стихами. Его направили ко мне. Познакомились: Анатолий Жигулин. Фамилия показалась знакомой. Анатолий не стал ждать пока я восстановлю связь имён и коротко рассказал свою историю. За год до моего поступления в ВГУ из него была исключена группа студентов и арестована по 58-й статье за создание «оппозиционной молодёжной организации». (Об этом и дошла до нас, новых первокурсников, студенческая молва. Именно тогда студентам надолго перекрыли возможность вступления в партию.) Юношеский максимализм в оценке негативных явлений действительности был оценён сурово. И вот Анатолий Жигулин, досрочно освобождённый по амнистии, худой, тяжело дышащий, с нездоровым блеском в глазах – передо мной. Читаю стихи и поражаюсь глубине мысли и чувства. В них звучит не обида на несправедливость, а неуёмная страсть к жизни, боль за судьбу своего народа, жажда труда на его благо. Стихи мы напечатали. Это была первая публикация ныне знаменитого поэта. Когда незадолго до его ухода из жизни я поздравлял его с юбилеем, он вдруг таким же надорванным голосом как тогда спросил:

– А помнишь, как я впервые пришёл к тебе в «Знамя Родины»?

– Помню, Толя. Конечно, помню...

Именно в газете «Знамя Родины» произошло важное событие в моей жизни, во многом определившее мою дальнейшую судьбу. В 1958 году я стал кандидатом, в 1959-м – членом КПСС. Партийный билет мне выдан не райкомом, а Политуправлением Воронежского военного округа. Больше ни в какие партии я не вступал. И билет, и учётная карточка хранятся до сих пор у меня.

Воронежскому округу не повезло, он стал ещё одной жертвой непродуманной хрущёвской политики и был ликвидирован в 1960 году, несмотря на то, что имел огромное мобилизационное значение, находясь в густонаселённом регионе

страны – Центральном Черноземье. Вместе с ним была ликвидирована наша газета. Кого-то забрали к себе «Красная звезда» и «Советская авиация», кто-то ушёл на пенсию, а остальные разлетелись кто куда.

Меня, молодого коммуниста, пригласил в обком КПСС заведующий сектором печати Михаил Алексеевич Грибанов, с которым я был знаком ещё со студенческих времён, когда он руководил комсомолом в педагогическом институте.

– Мне поручено решить вопрос трудоустройства сотрудников газеты «Знамя Родины», остающихся в Воронеже. Предлагаю тебе пойти в комсомольскую областную газету «Молодой коммунар» заведующим отделом пропаганды. По положению будешь являться и заместителем главного редактора с правом подписи газеты в печать. Предупреждаю, что обстановка в коллективе сложная. По нашему мнению, там нужен свежий взгляд на ситуацию. На работу выходишь завтра. С главным редактором я уже всё обговорил.

На другой день я приступил к своим обязанностям. В целом коллектив редакции был достаточно профессионален, особенно заведующие редакциями. Слаба была связь между производственными звеньями, хромала дисциплина. Сказывалось на деле то, что главный редактор М.Я. Шишлянников, очень хороший и добрый человек сам по себе, уж слишком был самоуверен в своём поэтическом таланте и основное внимание уделял не газете, а творчеству. Тем более в то время он напряжённо работал вместе с Константином Ираклиевичем Массалитиновым, художественным руководителем Воронежского государственного хора, над созданием оперы «Земля поёт», к которой было привлечено внимание областного руководства (привлекать внимание начальства – было, пожалуй, главным талантом Массалитинова, а точнее – его жены, работавшей в областном управлении культуры). Забегая вперёд, скажу, что «опера», мягко говоря, не получилась.

У нас с Михаилом сложились хорошие отношения, но чисто деловые, служебные; скорее всего потому, что я никогда не высказывал своего мнения о качестве его поэзии. Он мне полностью доверял в организации работы коллектива, а я, принимая его творческую загруженность, старался по возможно-

сти компенсировать пробелы в руководстве. Положительно сказалось на деятельности коллектива и в производственном, и в моральном плане то, что я пригласил на ключевую должность ответственного секретаря редакции своего бывшего сослуживца подполковника в отставке Бориса Косаревского. Он быстро освоился в коллективе и сумел чётко наладить производственный процесс. Вскоре его избрали секретарём партийной организации газеты.

В отставке Борис был не по возрасту, а в результате произошедшего с ним ЧП. Старательный на службе, весьма скромный в быту подполковник очень любил свою жену Веру. Я неоднократно в годы совместной работы и потом бывал у них дома и хорошо представляю, как это произошло. Представьте и вы: квартира на первом этаже, окна открыты, ибо дело было летом. Под одним из окон группа парней распивает бутылку, нещадно матерясь. Вера делает им замечание, но в ответ несётся такое, что Борис, как был в одних трусах, хватает свою двустоволку, на ходу заряжает бекасинником и выскакивает во двор. Пьяная компания, увидев человека в трусах, но с ружьём, бросается наутёк. Однако Боря не может позволить им остаться безнаказанными и жмёт на курок. В результате одному из хамов пришлось долго выковыривать мельчайшую дробь из мягкого места. Ситуация почти как в оперетте «Летучая мышь». Окружная прокуратура тоже не оценила меткость стрельбы офицера и отправила его в отставку без пенсии. Он плодотворно отработал в «Молодом коммунаре» многие годы и всегда пользовался уважением в коллективе.

Состав редакции был довольно стабильным, но движение кадров всё-таки происходило. Буквально через два-три дня после моего прихода приехал из Москвы попрощаться с коллективом, в котором вырос, Василий Песков, тот самый будущий знаменитый журналист, лауреат Государственной премии, чьи фотографии и очерки были так любимы советским читателем. Здесь, в «Молодом коммунаре», несколько лет назад он опубликовал свои первые фотоснимки, с трудом справляясь с подписями под ними, а теперь его мастерство заметила «Комсомолка» и увела к себе «на всю оставшуюся жизнь». В тот его приезд мы с ним и познакомились, а потом уже пришлось и

вместе поработать, сохраняя добрые товарищеские отношения.

При мне пришёл в редакцию выпускник ВГУ Володя Гусев. Первая командировка городского парня на село закончилась для него полным конфузом. Желая подшутить над молодым журналистом, какой-то местный остряк рассказал ему о новом передовом методе, или, как нынче модно говорить, о модернизации: беспривязном содержании свиней. Володя на «модернизацию» клюнул и выдал «гвоздевой» материал. Хохот в секретариате стоял такой, что я выскочил из кабинета. Володя стоял смущённый, не понимая, в чём дело, пока ему, наконец, не объяснили причину. А лет через пятнадцать мы случайно встретились в Москве на каком-то официальном мероприятии с доктором филологических наук, известным литературоведом, главным редактором московского общественно-литературного журнала Владимиром Гусевым.

Однажды я сделал своим сослуживцам уникальный подарок. В то время вошли в моду праздники искусств на стадионах. В Воронеж тоже приехала большая группа артистов кино. Воспользовавшись своим знакомством с Бондарчуком, я попросил Сергея Фёдоровича вместе с другими звёздами (тогда это были действительно звёзды, без кавычек) приехать к нам в редакцию. Он привёз с собой, конечно, жену – Ирину Скобцеву, Розу Макагонову, Сергея Дмитриевича Столярова (отца Кирилла), Виталия Павловича Полицеймако (деда Михаила), Сергея Гурзо и кого-то ещё. Откуда-то узнав об этом, примчалась ватага из обкома комсомола. Все остались очень довольными встречей и на память сфотографировались у входа в Дом книги, где на шестом этаже размещалась наша редакция.

Только-только я успел освоиться в «Молодом коммунаре», как мне пришлось его оставить на целых девять месяцев. Из ЦК ВЛКСМ пришёл вызов на курсы руководящих кадров молодёжной печати в Центральной комсомольской школе.

ЦКШ осени 1960 года – это огромный международный молодёжный учебный центр в одном из красивейших мест Подмосковья, ставшего как раз за время нашей учёбы частью Москвы. Даже адрес сменился: приехали в Вешняки, а уезжали из Перова-9. Представители более двадцати стран мира овла-

девали здесь теорией общественного развития и воспитательной работы с молодёжью, изучали опыт лучших, приобретали практические навыки в самых различных отраслях деятельности. Сюда приехали молодые функционеры не только из стран, строящих социализм, но и из развивающихся и даже капиталистических. Некоторые добирались нелегально, кое-кого мы знали лишь под вымышленными именами, например, из стран Латинской Америки. Слушатели из Китая были отозваны ещё в прошлом учебном году в связи с начавшимися разногласиями между руководством наших стран. Но это не повлияло на общую атмосферу солидарности и энтузиазма, на общую уверенность в том, что в единстве наша сила, в устремлении сделать счастливой жизнь людей всего мира.

Я жил с корреспондентом телеграфного агентства Северной Кореи по Советскому Союзу, слева – восточные немцы, справа – западные, напротив – итальянки. Вечерами чаще всего собирались у латиноамериканцев, потягивали матэ и пели советские песни, каждый на своём языке. Но самый высокий духовный подъём ощущался в наших рядах, когда под знаменем школы, со знамёнами всех представленных стран большой интернациональной колонной мы под общую песню шли на субботники строить Московскую кольцевую автодорогу, а вечером, усталые, но радостные, возвращались тем же путём. Только общая идея и общий труд способны утверждать подлинное единство людей!

Сегодня, опираясь на свой многолетний опыт работы в партийных органах, в печати, науке, да и культуре в целом, могу с полной уверенностью говорить о высоком уровне профессионализма руководства и преподавательского состава Высшей комсомольской школы того времени. Об этом лучше всего свидетельствует та тщательно продуманная комплексная программа, тесно связавшая теорию с практикой, которую пришлось осваивать слушателям наших курсов. Лекции нам читали авторитетнейшие специалисты, мастер-классы (хотя такого понятия в то время не было) по журналистике вели действительные классики жанра (например, очерк – знаменитый Евгений Рябчиков). Основной упор в учебном процессе делался на семинары как на наиболее эффективную форму

усвоения материала, хотя они нас основательно выматывали, требуя больших временных затрат. Регулярно проводились экскурсии на предприятия и в организации Москвы и области, культпоходы в театры и кинотеатры. Отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ тоже не забывал нас, давая различные поручения. Чаще всего это были обзоры газет, общие или тематические. Таким образом аппаратчики «убивали двух зайцев»: получали представление о работе на местах и присматривались, кто из нас на что способен. А обзоры, как правило, были за довольно большие периоды, что требовало длительного сидения в Ленинской библиотеке. На мою долю досталось четыре обзора, в том числе республиканской молодёжки Латвии и самой «Комсомольской правды».

Чтобы читатель мог почувствовать атмосферу, в которой мы находились в то время, приведу несколько выдержек из моих писем к жене и дочери, случайно сохранившихся после смерти жены и совсем недавно обнаруженных мною.

«...Через два дня снова сдавать (зачёт). В конкретной экономике сельского хозяйства и промышленности я себя чувствую далеко не так уверенно, как в общественных науках. Потом, ещё через два дня, из которых один – воскресенье (суббота была рабочим днём), сдавать комсомольскую работу, экзамен. Вчера зав. кафедрой журналистики спрашивает у Кясова, нашего секретаря партбюро, бывшего газетчика, но не комсомольского:

– Кто у нас не комсомольские работники? Кто может тонуть на экзамене?

Кясов отвечает:

– Я и Тимофеев.

– Ну, за вас я не боюсь: вы – водоплавающие.

В общем, постараюсь сдать так, чтобы стыдно не было...»

«...Вечером меня пригласили к себе албанцы, которые отмечали 52-летие со дня рождения Энвера Ходжи, которого они боготворят. Много пили, но... сидро. И много пели на всех языках. Я сидел рядом с киприотами. Хорошие ребята. Потом вместе пошли в кино... Смотрели «Простую историю». После кино снова горланили песни... Больше всего любят «Калинку-малинку» и «Подмосковные вечера». Представляешь, как

звучит «Калинка-малинка» на двадцати языках, исполняемая хором охрипших голосов!..»

«...Здесь все очень чутки друг к другу. Как в любом коллективе, оторванном от «большой земли». И не приходится удивляться, когда румынка Ленуца подходит и спрашивает, что пишет её тёзка Ленуська (моя дочка Елена). Да и с другими разговор часто заходит о письмах из дома, здоровье и занятиях родных. Горячо обсуждаем трудности с квартирами в Аргентине, сравниваем квартплату у нас и у них, цены на продукты и вещи... Надо сказать, что мы, советские люди, выглядим подчас профанами в конкретной экономике, особенно мужчины. Как-то преподаватель на лекции спросил нас, сколько стоит самая дешёвая материя? Из пятидесяти двух человек никто не мог ответить...»

«Вчера слушал во Дворце спорта Хрущёва. Сидел далеко-далеко, но слышно было хорошо. Думал, что и ты где-нибудь по телевизору смотришь или слушаешь по радио. Самое большое впечатление произвёл на меня там буфет (поехали, не обедая), вернее буфеты. Можешь себе представить, 8 тысяч человек – и никакой очереди. Не было там только птичьего молока. Кое-что купил вам с Ленуськой. Вкусное и красивое...»

«Чувствуешь, что ты действительно в великой братской семье. Доверие друг другу исключительное. Мы забыли, что такое ключи. Комнаты всегда открыты. Отношения между людьми очень тёплые. Вот почему мне и хотелось, чтобы вы побывали здесь...».

«...Начинаем готовиться к зачётам и экзамену. 5-го сдаём марксизм-ленинизм, а в него входят курсы: политэкономии, философии, истории партии и эстетики...».

«...Утром вызвали в ЦК. Только что оттуда. Новое предложение. Настойчиво сватают инструктором в сектор печати руководить детскими газетами и разными «Мурзилками». Отказался. Стали прельщать: оклад – 1480, лечебные, квартира, дача, через 3–4 года – в любой орган можно перейти работать. Отказался. «Ну, что ж, – говорят, – пойдёте на приём к секретарям ЦК. Подумайте...» (Знай я тогда, что ровно через год мне всё равно придётся расстаться с журналистикой как основным видом своей деятельности, я, скорее всего, принял бы это пред-

ложение и «махнул, не глядя», комнату в гарнизонной коммуналке на квартиру в Москве, но... Спустя тринадцать лет, тот же Юрий Серафимович Меленьцев, уже в ранге министра культуры РСФСР, снова сделал мне, в то время заведующему отделом культуры Воронежского обкома КПСС, предложение перебраться в Москву начальником Главка, членом коллегии Министерства с ближайшей перспективой стать его заместителем. Но тогда за меня решение принял Виталий Иванович Воротников, Первый секретарь Воронежского обкома КПСС, тоже не знавший, что меньше через год сам окажется в Москве. Он просто меня не отпустил: молодой, мол, ещё успеешь, а кто здесь работать будет.)

«...Сейчас вычитал свою полосу после читки её завотделом. Правка была очень небольшой. Это радует. Ведь полосу почти целиком пришлось писать мне. Алик (Шалаев, сотрудник отдела – мой напарник по командировке) совсем разболелся. Значит, царапать потихоньку можем. Завотделом Валентин Чикин – умнейший и хороший парень и журналист... У него многому можно научиться...».

Последняя цитата из письма, написанного уже из «Комсомольской правды», куда я, успешно сдав экзамены и зачёты, пришёл на практику. Речь идёт о материале по итогам моей первой командировки на Верховину, в те самые места, где родилась песня об этом чудесном крае, где родился одноимённый хор, которым руководил его создатель Михаил Машкин, влюблённый в Закарпатье беспрельдно. «Уеду отсюда – не смогу писать ни стихи, ни музыку», – признавался он нам. Но у нас с Аликом Шалаевым задание было более прозаическим, хотя вся жизнь молодёжи колхоза имени Кирова тоже была проникнута творчеством. Она отстраивала после войны родное село, училась грамотно вести хозяйство, изыскивать всё новые и новые резервы улучшения жизни колхозников. Да и сами руководители хозяйства были молодыми, но умными и инициативными. Вот об их опыте мы и рассказывали в своём очерке, который вскоре появился на страницах «Комсомольской правды».

Следующая командировка была у меня по двум письмам в газету из Ярославской области. На вокзале меня встретил се-

кретарь обкома комсомола по идеологии и сразу же потащил на футбол: рабочий день уже кончился, а «Шинник» играл с какой-то московской командой. На трибуне уже сидела, наверное, половина аппарата обкома. Отложив все разговоры о моих делах на перерыв, секретарь обкома познакомил меня пока только с соседкой справа: Валентина Терешкова – секретарь комсомольской организации фабрики. Через два года, когда состоялся её триумфальный полёт и с полос всех газет, экранов телевизоров смотрело её лицо, я с трудом вспомнил, где я его видел, где уже слышал эту фамилию.

Пара дней ушла на то, чтобы разобраться со случаем, когда из-за врачебной ошибки погибла девушка. Все факты подтвердились, было заведено уголовное дело. История эта получила большую огласку в средствах массовой информации. А потом я приехал в Рыбинский райком комсомола, где мне дали сопровождающего на мотоцикле с коляской, штатном райкомовском транспорте (на таких же журналисты «Молодого коммунара» мотались по воронежскому сельскому бездорожью), и мы в весеннюю распутицу по ярославскому, ничем не уступающему воронежскому, бездорожью направились в колхоз, который по иронии судьбы тоже носил имя Сергея Мироновича Кирова. Не вдаваясь в подробности, скажу: это была полная противоположность закарпатскому колхозу, деревня, вымирающая в нищете, безделье и пьянстве всеобщем и руководства прежде всего. У меня и тогда появились определённые сомнения, а потом они превратились в убеждения, что, если бы страна с такой же мощью и с таким размахом вместо подъёма целины взялась за подъём традиционного хозяйства и культуры русского села, эффект был бы большим и меньше усилий и средств улетело бы на ветер, превратилось в пыль. Это как нынешняя модернизация: огромные средства вкладываются в перспективные проекты сомнительной эффективности, которые, не улучшая, а усугубляя нынешнее положение большинства народа, позволяют лишь создавать благоприятные условия для массового рахищения государственных средств в огромных размерах. Руководители страны не сделали никаких выводов из опыта СССР, в том числе и главного: не вложишь в настоящее – будущего может и не быть.

По поручению Чикина я поработал в исторических архивах, нашёл там много интересного. В частности, изучая материалы Нюрнбергского процесса, прочитал показания личного адъютанта Гитлера, приказы последнего об уничтожении Москвы и Ленинграда, так называемую «Зеленую папку Геринга» – детальный план порабощения народов Советского Союза и другие. Эти документы нашли отражение на страницах газеты, когда отмечалось двадцатилетие начала Великой Отечественной войны. Своей практикой в «Комсомолке» я был очень доволен. До сих пор благодарен за эту школу Валентину Васильевичу и рад за него, что он остаётся в строю.

За время практики мы сблизились с Василием Песковым. Когда у меня выдавалось свободное время, забегал к нему в кабинет поговорить о Воронеже и наших общих товарищах.

Ну вот и закончилась моя учёба. Снова вызов в ЦК ВЛКСМ на распределение:

– Мы хотели Вам предложить на выбор должности заместителя ответственного редактора Латвийской республиканской молодёжной газеты, ответственного редактора вновь создающейся газеты в Целинограде и заведующего редакцией местной печати «Комсомольской правды». Но первый секретарь Вашего обкома комсомола Павлов позвонил нашему Павлову с просьбой направить Вас в Воронеж, так как нынешнего ответственного редактора переводят на руководство комитетом по радиовещанию и телевидению. Каково Ваше желание?

– Домой!

После московской «напряжёнки» привычная отлаженная работа в ставшем родным коллективе была похожа на отдых. Переход М. Шишлянникова в комитет радиовещания и телевидения надолго затянулся, но меня это не очень волновало, так как он почти постоянно находился то в очередном, то в творческом, то в неофициальном отпуске. Но однажды уже поздно вечером он, встревоженный, ворвался в кабинет. Кто-то, то ли из своих, то ли из цензуры, «настучал», что в завтрашнем номере идёт очень острый материал.

– Ты уже подписал в печать номер?

– Вот дочитываю и подпишу. А что случилось?

– Дай посмотреть.

Сразу поняв по его испуганному виду, что его могло интересовать, я протянул ему полосу, на которой был напечатан мой фельетон «Гении чистой красоты» по поводу диспута в пединституте на тему «О красоте человека». Я накануне сам был на этом диспуте, который вёл профессор Суханов вместе с какой-то дамой. Она-то и задавала тон, восхищаясь внешними данными и грубо обрывая тех, кто говорил о красоте духовной и нравственной.

Прочитав фельетон, Михаил предложил его снять, а завтра согласовать в обкоме комсомола.

– Миша, – как мог спокойнее сказал я ему, – я бы с тобой согласился, если бы сам не был на диспуте и сам не писал о нём. Я предельно объективен и знаю, что Суханов – один из активнейших членов лекторской группы обкома. Ему это вдвойне непростительно. В конце концов ты в отпуске. За газету отвечаю я. Иди и отдыхай.

С тем он и ушёл. А утром началось... Первым позвонил корреспондент радио, который тоже был на том диспуте:

– Молодец, здорово! Чувствую, накат на тебя будет. Имей в виду, что у меня есть полная запись.

Часов до одиннадцати было несколько звонков от участников диспута и все – одобрительные. В одиннадцать позвонил секретарь обкома комсомола по идеологии:

– Где Шишлянников?

– В отпуске. Я за него. В чём дело?

– Как ты можешь оскорблять нашего постоянного лектора? Ведь он теперь перестанет с нами сотрудничать! Почему с нами не согласовал? В пятнадцать часов приходи на бюро, будешь объясняться.

– Пригласи, пожалуйста, на бюро завсектором печати обкома партии. Если не пригласишь, это сделаю я.

Позвонил корреспонденту радио и попросил его быть на месте, пока не закончится заседание бюро. Народу набралось много. Пришёл и завсектором печати обкома партии Г.Ф. Струков, сменивший Михаила Грибанова, переведённого в ЦК КПСС. На газету и на меня набросились дружно те, кто прочитал в спешке фельетон, но сам на диспуте не

был. Стараясь сдержаться до тех пор, пока не начнёт спадать волна обвинений, я не ввязывался в дискуссию, а когда пришло время отвечать, попросил сделать перерыв, после которого прослушать полную запись хода диспута, чтобы разговор приобрёл конкретный характер. После некоторого шока предложение было принято. Когда плёнка закончилась, я произнёс всего одну фразу:

– Ну вот теперь вы всё слышали сами, давайте вести предметный разговор. Но желающих не оказалось. Лишь мой в недалёком будущем сослуживец и приятель Жора Струков, подводя итог, пожурил комсомольского секретаря за то, что, не разобравшись в сути дела, устроил шумиху.

Забегая чуть-чуть вперёд, скажу, что с Сухановым мы помирились сразу после того злополучного бюро и долго сотрудничали. Именно он через несколько месяцев принёс мне в горком партии, где я работал уже заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, «Комсомольскую правду» с обзором местной печати и писем читателей, в котором я был подвергнут жестокой критике: автор молодёжной газеты посмел критиковать преподавателя! Суханов сам предложил напечатать опровержение в газету, но я отговорил его, обещав, что сам разберусь. Для порядка доложил о «критике» первому секретарю. Он тоже предложил подготовить злое письмо в «Комсомольскую правду». Я и его отговорил, зная, как такие вещи происходят. Какому-нибудь молодому сотруднику или стажёру, каким совсем недавно был сам, поручают подготовить такой обзор. Это тебе не обзор газет. Письма в «Комсомолке» лежат не только мешками, сам видел, но и месяцами. Вот их-то и подбирают по теме, не всегда обращая внимание на дату и нюансы. И углядеть за этим очень не просто. Позвонил Чикину, он проверил, так и оказалось – молодая практикантка из МГУ. Настаивать на опровержении я не стал из уважения к Валентину и газете.

Я рассчитывал всю жизнь проработать в печати и отнюдь не по собственной воле ушёл из газеты, но я оставался и остаюсь журналистом.

Считаю Родиной Воронеж

Предисловие к интервью

Я не любил и не люблю интервью как жанр. Ни брать, ни давать. Но в данном случае это, одно из немногих моих интервью, решил включить в книгу, честно говоря, только потому, чтобы сэкономить время, боясь не успеть, как хотелось бы, по обстоятельней, избежав характерной для этого жанра скороговорки и непоследовательности, рассказать о пятнадцати годах своей работы в партийных органах Воронежа и области. Партийную работу я продолжал и в Москве до самых последних дней существования Советского Союза, являясь членом бюро и председателем идеологической комиссии одного из сложнейших в столице Октябрьского райкома партии и совмещая её со своей основной деятельностью главного редактора научной и учебной литературы Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС, а затем главного редактора издательства «Мысль». Но именно воронежский опыт послужил основой моей деятельности и в том, и в другом направлении.

К сожалению, многое и существенное было упущено в разговоре с корреспондентом, кое-что оказалось не совсем точно воспроизведено в тексте, а подчас искажено. Поэтому хочу, извинившись перед читателем, предварить интервью кратким комментарием.

Что касается фактографии, то интервью даёт общее представление о разноплановости партийной работы того времени. Однако по вине самого жанра (нет вопроса – нет и ответа) ряд существенных моментов остаётся за пределами внимания. Например, осталась неупомянутой инициатива горкома партии по внедрению совместно с учёными Воронежского госуниверситета практики планирования социального развития предприятий, введения на них социологических служб. Этот опыт, кстати, сегодня очень интересует немецких учёных.

Безусловно, о работе горкома можно было бы рассказать много интересного и поучительного. Так же как и о работе отдела культуры обкома КПСС, внесшего большой вклад в развитие культуры города и области, укрепление её материальной базы, создание условий для творческого труда в коллективах

и организациях, формирование руководящих кадров и творческий рост молодёжи. Нас было всего четверо, кроме меня три инструктора: Леонид Сафонов, Вячеслав Коровин и Александр Голубев. Как мы работали, ещё помнят нынешние ветераны, а тогда – молодые артисты театров, члены творческих союзов, работники учебных заведений и учреждений искусства. Во всяком случае их коллеги из всех других областей Центрального Черноземья откровенно завидовали им, потому что у них был «свой» отдел культуры. Сегодня в строю нас осталось двое. Я горжусь своим соратником тех лет Александром Голубевым, который стал известным поэтом и нынче является секретарём писательской организации России. Наша работа не раз заслуживала высоких оценок на самых разных уровнях. Не зная, как люди жили и работали в то время, находятся ныне молодые «интервьюеры», которые берутся судить людей и времена в меру собственной извращённости на «материале» старых сплетен.

Дезориентирует читателя фраза о событиях в Новочеркасске и Воронежской области, которые связаны между собою только последовательностью. В Новочеркасске глупость одного из директоров заводов была использована преступными элементами, в обилии скопившимися в Ростовской области после амнистии, для провокаций против органов власти, приведших к кровавой развязке. В Воронежской области несогласованные действия только что образовавшихся промышленного и сельского обкомов КПСС вызвали кратковременный перебой в снабжении хлебом в отдельно взятом регионе. Этот перебой был оперативно устранин, что и привело к предотвращению подобных ситуаций в других районах.

Некоторые чисто технические моменты в тексте поправлены. Поскольку фотографий в книге не будет, отпадает необходимость исправления подписи на одной из них, где я изображён работающим в секретариате комсомольской конференции Воронежского военного округа, а подпись гласит, что я редактирую военную газету. Но это уже мелочи.

Итак, вашему вниманию предлагается моё интервью, данное журналисту Павлу Попову, которое было опубликовано в «Воронежском телеграфе» 6 ноября 2004 года (№ 80) и в «Воронежском курьере» 25 декабря 2004 года (№ 147).

«СЧИТАЮ РОДИНОЙ ВОРОНЕЖ

Сегодня заслуженный работник культуры России, кандидат философских наук Евгений Алексеевич Тимофеев возглавляет столичное издательство «Мысль». Но главная цель, с которой я приехал в его московскую квартиру на улице Делегатской, – разговор не о Москве, а о нашем любимом Воронеже. В 1966–1969 годах мой собеседник был секретарем воронежского горкома КПСС, в 1969 году организовал отдел культуры обкома партии и руководил им до 1977 года. Множество любопытных подробностей из нашей недавней истории помнит этот человек. Некоторые из них он начинает рассказывать сегодня...

История семьи самого Е.А. Тимофеева во многом уникальна. Один из его предков был сослан с берегов Дона в Сольвычегодск. Оттуда и пошел род Тимофеевых. В семье деда было одиннадцать детей. Отец, Алексей Александрович Тимофеев, был военным врачом. И сын Евгений родился в 1933 году, в 72-м кавалерийском полку, на окраине Великого Новгорода. Но прожил там только до девятимесячного возраста. Потом были Аракчеевка, Остров под Псковом, Клин, Грязовец под Вологдой, Петрозаводск... В 1950-м отец стал главным врачом штаба Воронежского военного округа. А сын в 1951 году, окончив 2-ю железнодорожную школу, поступил в ВГУ, на историко-филологический факультет. Рано, будучи второкурсником, женился на студентке Алисе Щербаковой, с которой прожил более пятидесяти лет – до ее смерти в позапрошлом году.

– Евгений Алексеевич, начало пятидесятых годов – это ведь время послевоенного восстановления Воронежа?

– Мы не только восстанавливали университет, но и лес заготавливали, разбирали разрушенные здания. Нашему поколению довелось потрудиться.

– А какова же была ваша первая работа по специальности?

– Еще до окончания ВГУ в 1956 году я стал военным журналистом в газете «Знамя Родины» Воронежского военного округа. В 1960-м округ расформировали, и меня обком партии направил в «Молодой коммунар». У меня там была двойная

должность: заведующий отделом пропаганды и заместитель ответственного редактора.

– Да, школу «Коммунара» прошли очень многие; теперь вот выясняется, что и вы тоже. Между прочим, я сам был «коммунаровцем» некоторое время...

– Не застали там Елену Бердник?

– Уже нет.

– А мы ее считали вечной сотрудницей «МК»... В 1961–1962 годах я стажировался в «Комсомольской правде», был на курсах руководителей работников молодежной печати при ЦК ВЛКСМ. После курсов мне сделали несколько интересных предложений. Но вмешался первый секретарь Воронежского обкома комсомола Всеволод Павлов. Он позвонил своему однофамильцу – первому секретарю ЦК ВЛКСМ – и попросил вернуть меня в Воронеж на должность редактора «Молодого коммунара»: занимавший тогда эту должность Михаил Шишлянников переводился на телевидение.

Отработал два или три месяца. И вдруг в горком партии приглашает заведующий отделом пропаганды: «Нужен нам человек с твоим опытом работы». (Я уже несколько лет был членом Союза журналистов СССР. Тогда слово «журналист» звучало гордо, это сейчас его во многом дискредитировали. Стало много, как я их называю, «журналюг».) Так вот, оказалось, хотят, чтобы я стал лектором горкома и – поскольку тогда спичрайтеров не было – писал доклады и выступления руководству. Отказался категорически.

Второй раз зовут. Опять отказываюсь. И вдруг звонок: «Вас приглашает к себе Николай Антонович Журавлев». Секретарь горкома КПСС по идеологии, бывший первый секретарь обкома ВЛКСМ, бывший разведчик. О нем шла молва как о страшно крутом мужике. Захожу в тот кабинет, в который сам сел через несколько лет. И разговор с Журавлевым вышел короткий: «Тимофеев? Ты что же... от партийной работы отказываешься?! Завтра в 10 – бюро горкома! А сейчас иди... отсюда!» Вот так состоялось мое «крещение» на партийную работу.

А потом мы с ним подружились. И в Москве долго дружили. И он оказался вполне нормальным человеком, преданным товарищем, но делу отдавался беззаветно. Последняя его

должность – заведующий отделом кадров Всесоюзного комитета народного контроля. Там особенно нужны были его честность, порядочность. Он был из тех людей, которые вообще для себя не жили – служили делу. В последние годы его тяжелая болезнь скрутила. Пришел он на юбилей одного из наших земляков (повидаться с друзьями для него было дело святое), немного посидел и просит: «Женька, проводи меня до машины». Настолько плохо себя чувствовал. Через несколько дней мы его похоронили...

– *После работы лектором вы стали секретарем?*

– Да нет. Так не бывало. Через полгода стал заместителем заведующего отделом, а потом горком ликвидировали. Партийную организацию области поделили на промышленную и сельскую. И я стал инструктором отдела пропаганды Воронежского промышленного обкома КПСС. И было нас, идеологов, всего семь человек во главе с секретарем обкома Вячеславом Павловичем Усачевым, пожалуй, самым интеллигентным партийным работником из всех, кого я знал за многие годы идеологической деятельности. Он потом работал зам. министра высшего и среднего образования России, но способен был и на большее. Уже много лет нет его в живых, но светлая память о нем хранится в сердцах земляков-воронежцев...

Помню наше первое собрание «аппарата». Окинул взглядом Вячеслав Павлович всю нашу команду и произнес: «Да, мало нас. Но мы – в тельняшках!» С тех пор морская тельняшка стала для меня и моих товарищей символом высокой ответственности за общее дело, верности в дружбе.

То было очень тяжелое время. Идея Хрущева – создание промышленных и сельских обкомов партии – оказалась пародией на партийную работу. В Воронежской области могло случиться то же, что в Новочеркасске. После Новочеркасска и у нас кое-где пошли перебои с хлебом.

– *Расскажите об этом поподробнее.*

– Промышленный обком тогда возглавил Роман Тимофеевич Косоплеткин, а сельский – Степан Дмитриевич Хитров. И вот Хитров дает указание: все сельские пекарни закрыть. У колхозников, мол, есть свой хлеб, а государственный пока побережем. И что же? Сельские жители хлынули в города и рабочие поселки. Расхватывают хлеб. Конечно, городам его не

хватает. Начинается паника в Борисоглебске. И меня отправляют туда. Пришлось там в три раза увеличить выпечку, наладить контроль, войти в переговоры с сельскими советами. Общими мерами панику сбили. Еду дальше – посмотреть соседнюю Грибановку. В ней был уникальный (не знаю, сейчас он «живой» или нет) завод, который производил машины для шитья обуви. Около трех тысяч человек работало на заводе. Взяли – и в Грибановке тоже закрыли пекарню! Куда же рабочим-то деваться?

Приезжаю, только захожу к директору завода, вбегает секретарь парткома: «Бежим! Рабочие увидели, что кто-то приехал, идут громить нас!» Я отвечаю: «Пошли-ка лучше навстречу им побыстрее!» Благо успели. А то рабочие действительно ворвались бы, и все могло кончиться погромом. А тут они увидели, что мы не бежим, и сами тормознули. Подхожу почти вплотную к толпе: «Мужики, в чем дело? Объясните». – «А ты кто такой?.. А чего приехал? Знаешь, что хлеба-то во всем поселке нет?!» Лихорадочно думаю, что им ответить. Решаю: если часть выпечки забрать в Борисоглебске, там паники уже не будет, а потом что-нибудь придумаю.

– Знаете, товарищи, это недоразумение. Я обещаю, что к четырем часам дня я к вам приеду с хлебом! А завтра – постараемся все отрегулировать. Не может быть, чтобы не нашли решения.

– Ну, поглядим, начальничек, поглядим!

Быстрее звоню Борису Ершову, первому секретарю грибановскому: «Борь, что же ты делаешь?» – «А что я? У меня указание из сельского обкома: закрыть пекарню».

– *Как же все-таки могло появиться такое указание?*

– Да просто не думали о последствиях. Доходило до того, что в сельском обкоме не знали жизни промышленных предприятий.

Так вот, говорю я Ершову: «Борь, ты понимаешь, что я тобой командовать не могу, но прошу: побудь на месте...» Тут же набираю номер Борисоглебского горкома, чтобы мне к 15.30 подготовили хлеба в расчете на 12 тысяч человек – на все население Грибановки. Сразу звоню и Косоплеткину, докладывая ситуацию. «Что же нужно?» – спрашивает он. «Нужна команда Степана Дмитриевича Хитрова: открыть пекарни во всех ра-

бочих поселках. Я уверен, что такая же ситуация и в других местах». – «Ладно, сиди у телефона, жди».

Сию. Через пять минут получаю ответ: «Действуй от имени двух обкомов сразу, но чтобы порядок был!» Сообщаю Ершову. Он сомневается. Говорю: «Звони Хитрову». Проверять не стал. Боялись Степана Дмитриевича страшно! Короче, привез я хлеб в Грибановку к концу дня, а наутро заработала пекарня.

После года моей работы в промышленном обкоме на областъ выделили одно место для поступления воронежца в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Была выбрана моя кандидатура. Я сдал экзамены и стал аспирантом академии, где к своему историко-филологическому добавил философское, социологическое образование, стал работать над диссертацией. Но закончить ее не дали, потому что в 1966 году решили восстановить в Воронеже горком партии. А я тогда проводил в Новосибирске большое социологическое исследование. В апреле оттуда приезжаю, делаю в академии доклад. Материал получился богатейший. И вдруг говорят: «Тебя вызывает секретарь парткома». Захожу. Борис Андреев – будущий ректор Ленинградской партийной школы – зачитывает решение секретариата ЦК: «Аспиранта Тимофеева направить в распоряжение Воронежского обкома КПСС. Разрешить кооптировать его в состав горкома КПСС в связи с созданием горкома для избрания секретарем Воронежского горкома КПСС». Вот такая штука получилась.

В Воронеже вызывает меня к себе Анатолий Алексеевич Королев. Человек, очень много сделавший для города. Чудный мужик был; чутьем многое брал. Да, он не философ, не ученый, а инженер-железнодорожник. Но болел за дело, любил город, любил людей и поэтому старался сделать для них все максимально возможное. Он-то и стал первым секретарем горкома. Он меня, собственно, и «вытащил» в секретари горкома.

Семь утра. Королев проходит по городу по пути на работу: обходит рынки. Появляется в горкоме и спрашивает у меня, курирующего кроме идеологии и торговлю: «А какие цены сегодня на рынке? А сколько сортов сыра и колбас в «Утюжке»?» Так вот учил молодого секретаря!

– Рынок и регулирование цен – ведь сегодня эти понятия уже считаются почти несовместимыми...

– А тогда, как это ни удивительно, нам многое удавалось. В те годы было так: что произведено сверх плана – мы оставляли в области и в городе. Для вывоза продуктов в город посылали в село грузовые машины промышленных предприятий и везли колхозников на рынок. И завозили продукты в магазинчики, расположенные рядом с промышленными зонами. И даже цены на самом рынке регулировали. Конечно, нарушали мы иногда законы рынка, но как нарушали? Вот узнаем: цены на мясо у соседей полезли вверх. Вывешиваем объявление: «Сегодня на рынке сложились такие-то цены». И уже знали продавцы: если выше этих цен кто-то «полезет», то найдут, как призвать его к порядку. Например, директор рынка или санитарный врач обнаружит у него грязь под ногтями. И мы держали цены на одном уровне длительное время. Помню, в Воронеже говядина долго стоила 3 рубля, тогда как в других местах ее уже продавали по 6-7 рублей за килограмм.

Был, конечно, в той системе переклест: партийные органы командовали советскими. Вопросов нет. И подменяли мы их очень во многом. Тем не менее шевелились и те и другие. Например, мы сознательно принимали завышенные обязательства по вводу детских садов и яслей, поликлиник. Обязательства часто не выполняли, но вводили тех же детских садов в два – два с половиной раза больше, чем должны были по плану. В течение трех лет была ликвидирована эта проблема в городе.

– *Облик партийного руководителя тех лет – каков он?*

– Люди, как всегда и везде, были разные. Я скажу так: все-таки подавляющее большинство людей в партаппарате в те годы были людьми скромными, чистыми, преданными делу. Да и спрос с каждого был строгим.

– *То есть это были не те люди, которых позже стали называть номенклатурищиками и даже ханугами?*

– О нет! Это намного позже пошло. Конечно, и тогда уже отдельные деятели лучше знали снабженческие базы, чем свои дела. Их жены ездили туда на примерки, выбирали себе что нужно. Но этим, кстати, очень хорошо пользовались торговцы. Они обманывали покупателей, твердили: «Это бронь обкома, бронь обкома...» А на самом деле дефицит шел различным директорам, администраторам театров, железнодорожным кассирам...

– *А зарплата в горкоме какой была?*

– Такой, что пригласить туда на работу хорошего производственника или преподавателя вуза было очень сложно. Я был секретарем горкома по идеологии, но на мне висели и торговля, и все административные органы.

– *Что-то много забот!*

– Забот много, а зарплата – на уровне преподавателя вуза или начальника небольшого цеха. Поэтому с подбором кадров всегда проблемы были. Рвались в аппарат карьеристы, а толковых честных работников подбирали с трудом. Вспоминается такой случай. Хотели мы пригласить Сергея Титова, заведующего кафедрой философии ВГУ, на должность заведующего отделом горкома. Идея была Королева. Я знал Сергея еще во время учебы в университете: когда я оканчивал ВГУ, он был аспирантом.

Мне Королев говорит: «Давай Титова возьмем. Судя по его выступлениям, хороший будет заведующий». Отвечаю: «Анатолий Алексеевич, я знаю его хорошо и знаю, что он по характеру – не аппаратчик. Навряд ли его надо срывать с работы, тем более что он сейчас стал руководителем координационного центра обществоведов по всему Центральному Черноземью. Зарплата у него повыше, чем у нас. А у него семья». – «Ну-ка, давай вызывая его сюда, а потом – на очередное бюро горкома».

– Вы говорили о том, что толковых и честных работников с трудом удавалось подбирать для работы в горкоме. Упомянули Сергея Титова, заведующего кафедрой философии ВГУ, которого горком хотел пригласить на должность заведующего отделом. Что же вышло в итоге?

– Пригласили его на бюро горкома. И там стали его ломать, уговаривать. Сергей упорствует: «Ну не могу я, понимаете, не моя работа...» «Ах, ты не понимаешь политику партии!» И большинством голосов бюро исключило его из членов партии. А что это значит для заведующего кафедрой философии, представляете? Смотрю: уходит он, и у мужика чуть ли не слезы наворачиваются...

После бюро я зашел к Королеву, первому секретарю. «Анатолий Алексеевич! Не наломали мы дров с Титовым? Ведь сломали судьбу человеку, потеряли специалиста, который ценится и в Черноземье, и в Москве. Жаль, конечно, но он не аппаратчик». Королев нахмурился, помолчал, а потом: «Да, пого-

рячились. Переговоры попозже с членами бюро, которые меня поддержали, а завтра опросным порядком отменю это решение. Считай, что со мной уже переговорил. Я – за отмену». На следующий день большинство решило правильно... Так Сергей Николаевич Титов остался и в партии, и в университете.

– *Евгений Алексеевич, настал черед вспомнить об обкоме КПСС, об отделе культуры, который вы создали в 1969 году...*

– В это время меня пригласили работать в ЦК КПСС. Такой – чисто аппаратной – работы я терпеть не мог и не могу. Но от таких предложений просто так не отказываются. А тогда в порядке эксперимента решили создать в нескольких крупных областях отделы культуры в обкомах. И вот вызывает меня Усачев, секретарь обкома по идеологии: «Ну что, не хочешь ехать в Москву?» – «Конечно, не хочу». – «Вот тебе единственная возможность: возьмешься сформировать отдел культуры обкома, где будешь заниматься только профессионалами?» – «Согласен!»

– *Чем же вам довелось заниматься?*

– Культурная жизнь в Воронежской области тогда была очень насыщенной. Музыкальный театр стал Театром оперы и балета. Театр имени Кольцова стал академическим. При поддержке Министерства культуры мы создали институт искусств, а сколько боев с облисполкомом выдержали, просто кошмар! Руководители облисполкома возражали: «Зачем тебе институт? Ведь у нас хорошая самодеятельность!» И вот мне приходится объяснять на бюро: «Да, хорошая! Но чтобы петь в опере, как минимум консерваторию надо окончить. Потому мы и собираемся здесь своих учить, чтобы не приглашать артистов каждый год неизвестно откуда, а у вас выклянчивать квартыры!»

Много у нас тогда было контактов с творческими союзами страны. Приезжали к нам секретари Союза писателей, Союза художников и Союза композиторов СССР. Своих творческих работников мы практически всех знали лично, часто бывали в коллективах. Одно из событий того времени особенно осталось в памяти. У меня в кабинете родился первый политический спектакль «Хроника одного дня», который был поставлен Театром драмы имени Кольцова и создатели которого получили Государственные премии.

– *Как же это случилось?*

– Приглашаю главного режиссера Глеба Дроздова поговорить о репертуаре. Вообще-то рискнули мы тогда взять в театры молодых режиссеров. В Драму пришел Дроздов, в ТЮЗ – Бугров, в Театр кукол – Лукин. Так вот, сидит Дроздов у меня в кабинете. Я спрашиваю: «Ну почему тебя тянет на старые зарубежные пьесы, почему бы тебе не поискать чего-нибудь современного?» А он: «А где же я его возьму? Вот интересна мне сейчас тема политическая – Чили...». – «Ну сделай политический спектакль о Чили». – «В принципе можно. А кто же сценарий напишет?» – «Давай тебе автора найду». Набираю номер Эдика Пашнева. Я знал, что Пашнев собирал картотеку на всех политических деятелей и на политические события. У него такое хобби было. «Эдик, у тебя про Альенде что-нибудь есть?» – «Да, есть, но не знаю, как выплеснуть...» – «А у меня сейчас сидит главный режиссер. Вы с ним знакомы? Даю ему трубку, а вы договаривайтесь, где встретиться, и обмозгуете».

Короче, еду на машине по городу, смотрю – а они около театра уже стоят, жестикулируют. А на другой день звонят: «Евгений Алексеевич, нам ведь нужен композитор. Без музыки не получится политического спектакля». – «Хорошо, Ставонин вас устроит? Я сейчас с ним договорюсь».

Командировали Геннадия Ставонина в Москву, он прослушал там много чилийских мелодий. Возвратился. И буквально через несколько дней после этого приносят мне сценарий. Тут уже я еду в Москву. Показываю сценарий сначала инструктору международного отдела ЦК (если не подводит память, Игорю Рыбалкину), который работал в Чили и хорошо знал Альенде, потом иду со сценарием в отдел культуры, а затем – в российское Министерство культуры к Юрию Мелентьеву и его заму Евгению Зайцеву. Получаю «добро» и обещание побыстрее протолкнуть сценарий через «лит».

И пошли репетиции. Но Глеб поторопился поднять шум. По городу появились анонсы «Хроники одного дня». События в Чили! Новый политический спектакль! И вот вызывает меня сменивший Усачева секретарь обкома по идеологии: «Ты что же это в политические авантюры лезешь? Никаких репетиций, пока нет “лита”»! Вызываю Глеба: «Перестань шуметь. Снимай все анонсы, но репетируй...»

Я более сорока раз смотрел этот спектакль, считая репетиции! На премьеру приезжают из ЦК КПСС, из Министерства культуры. Зал стоя вопит от восторга. Нас берут в Москву, в МХАТ, и мы даем там по два спектакля в день. Все чилийское руководство в изгнании, вся чилийская диаспора на каждом спектакле, и какой шумный восторг!

Вызывает всех – и меня, и авторов, и исполнителей – заведующий отделом культуры ЦК КПСС Шауро. «Молодцы, – говорит, – давно нужна была такая встряска! Есть мнение, чтобы вас представили к Государственной премии».

– *Ну а вас-то самого представили?*

– Не принято это было. Приезжаем в Воронеж, докладываю первому секретарю обкома Виталию Ивановичу Воротникову. Собирает нас всех Воротников: «Ну что ж, будем представлять к премии по предложению отдела культуры автора сценария, режиссера, композитора, артистов...» И вдруг Дроздов поднимается с места: «Виталий Иванович, а как же Тимофеев? Это же он, по существу, инициатор спектакля». Воротников мне: «Ну как, Евгений Алексеевич?» Отвечаю: «Да ведь это наша работа такая...»

– *Вы ведь долго работали в Воронеже с Воротниковым. Какое сложилось мнение о нем?*

– Да, он и пришел в обком, и ушел оттуда при мне. В те годы, когда он работал, область как никогда была на подъеме по всем линиям: и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в культуре. Это человек высокой культуры, с которым очень приятно было работать. Мы и сейчас с Виталием Ивановичем часто встречаемся в землячестве. Но с его преемником Игнатовым Воронежу и области явно не повезло. Особенно в отношении культуры, что и явилось главной причиной моего перехода на работу в Москву.

– *Итак, вы провели в Воронеже с 1950-го по 1977 год – 27 лет, а в Москве...*

– И здесь тоже – 27 лет.

– *Какие же впечатления все-таки пересиливают – от Москвы или Воронежа?*

– Самые лучшие, конечно, от Воронежа, и поэтому я теперь считаю его своей родиной. Он у меня весь перед глазами, как и вся его творческая интеллигенция. Мы жили в одном доме с писателем Троепольским, на улице Чайковского...

— *Троепольскому вы тоже как-то помогали в его творчестве, что-то советовали?*

— Нет, ничего не советовал, а если и помогал, то не в творчестве. Я учился у него мудрости понимания жизни. «Белого Бима» прочитал еще в рукописи. Мы с ним дружили, вместе на охоту ездили с его любимым псом Лелем. Как-то дает рукопись: «Почитай». А настроение у него тогда было очень плохое. Дело в том, что Гавриил Николаевич выступил в «Известиях» с резкой статьей в защиту малых рек. Умнейшая была статья, проблема ставилась очень своевременно. Но такой начался на него накат!

Не забуду один случай. Был я на охоте с офицерами окружной гидрометеослужбы. Батя-то у меня, помните, в округе работал, поэтому я часто ездил с военными охотниками. И вот возвращаемся с охоты. Видим: какой-то дохленький «москвичок» никак не может вылезти из грязи. Солидарность армейская срабатывает, вскакиваем, подходим (уже в свете фар) к «Москвичу», гляжу — Гавриил Николаевич! Обнялись с ним. Вытащили мы его машину, он поехал. «Что, знакомый твой?» — спрашивают у меня. «Да, это писатель Троепольский». — «Если бы мы знали, то хрен бы его вытаскивали!» Такой вот, к сожалению, настрой общественный был создан вокруг него.

Как-то группа воронежских литераторов «накатала» на меня «телегу» в ЦК: мол, заведующий отделом культуры обкома КПСС поддерживает не нас, партийных писателей, а беспартийного Троепольского, который пишет о собаках, а не о достойных людях. Благо в ЦК КПСС знали и Троепольского, и о чем он пишет.

— *А как вас провожали из Воронежа?*

— О, это на всю жизнь осталось в памяти! Откуда-то все знали, что я уезжаю. Домой пришли человек пятнадцать попрощаться, а на вокзал — человек сто пятьдесят... С цветами!

— *То есть не только коллеги по работе?*

— Нет, именно творческие работники, артисты, писатели, художники, композиторы... Захожу в купе — а оно тоже завалено цветами и бутылками. А на перроне скандируют: «Тимо-фе-ев! Тимо-фе-ев! Счаст-ли-во-го пу-ти!» Многие пассажиры оказались знакомыми и, услышав это скандирование, потянулись к купе. Бутылок хватило до утра.

– Евгений Алексеевич, хотя бы кратко расскажите о работе в Москве, в «Мысли».

– Должен сказать, что здесь вот уже двадцать семь лет мне работается довольно интересно. Ведь на книгах этого издательства воспитывалось не одно поколение россиян, и не только россиян. Наиболее известны сто тридцать пять томов мирового философского наследия, исторические труды Соловьева, Ключевского... Из последних изданий отмечу четырехтомную «Новую философскую энциклопедию», удостоенную Государственной премии за 2004 год, двухтомные «Социологическую энциклопедию» и «Политическую энциклопедию», антологии по различным отраслям общественной науки.

– Раньше ваша издательская деятельность была связана с идеологией. А теперь...

– Мы всегда старались и стараемся быть объективными. И в прежние времена получали выговоры от ЦК КПСС, когда начинали издавать, допустим, Флоренского, Лосева... А сейчас трудности у нас совсем иного рода.

– Нет государственной поддержки?

– Дело не в ней, а в том, что мы никак не можем выбрать-ся из глубокого кризиса науки и культуры.

– Говорят, перед нашей с вами встречей вы перенесли серьезную болезнь.

– Голову она не затронула, а остальное практически восстановилось. Работаю. А ведь мне чуть было не отрезали ноги. Московские профессора сказали: «Вы уже опоздали, теперь только резать». Но меня спасли наши ребята в Воронеже, в областной больнице... Конечно, сидячая работа влияет на здоровье, а вырываться на природу все сложнее и сложнее.

– А отдыхаете где?

– Сто тринадцать километров от дома до дачи на реке Дубна. Для Москвы это нормально, машину я вожу быстро.

– Но ведь в Москве такое движение...

– Иногда гаишники прихватывают, в основном за превышение скорости. Но у меня опыт большой – вожу машину более полувека.

– Чем еще занимаетесь во время отдыха, кроме дачи?

– Стараюсь, чтобы охота и рыбалка оставались в моей жизни. А ведь мечтал в свое время: шестьдесят стукнет – все! Уйду! Рыбачить и писать...

– В Воронеже бываете?

– А как же? Отец с матерью похоронены на Коминтерновском кладбище. Иду по кладбищу, вижу там многих своих бывших сослуживцев, друзей. Постою у могил Марии Мордасовой, Василия Криворучко, Гавриила Троепольского. Много хорошего вспоминается...

– А плохое?

– Тоже. Но его было меньше.

– Пожалуй, хватит о грустном. Скажите теперь, есть ли у вас любимые места в Воронеже?

– В самом городе, пожалуй, Помяловский спуск и детский парк. А вообще я любил выбираться в выходные на любой пруд и там душу отводил.

– А в Воронеже у вас живут...

– Многочисленная родня: дочь, сестра, внуки и правнуки, племянники и племянницы. Зять мой – генеральный директор предприятия подводно-технических работ «Петр», а моя дочь Елена Латарцева – его заместитель. За все годы работы предприятия (а работа начиналась еще с клуба «Риф») здесь обучились водолазному мастерству сотни молодых людей, в том числе трудновоспитуемые подростки. «Петр» выполняет не только производственные работы, но и занимается очень интересными подводными раскопками, например легендарной Фанагории. В нынешнем году на дне Черного моря удалось найти знаменитый храм Афродиты, о чем писали многие газеты.

– Все ли вы успели в жизни?

– Если по канону, то да: дом построил, сына и дочь вырастил, посадил много деревьев (кстати, было время, в Воронеже весь состав обкома, включая первого секретаря, выходил на улицы с лопатами). Но сейчас понимаю: ох как много остается неделанного!

– Вам, по-моему, необходимо сделать еще одно немаловажное дело: написать книгу воспоминаний. Поздравляя вас с днем рождения, желаю вам именно этого.

Беседовал Павел Попов.

Служение «Мысли»

Из 56 лет моего ещё незаконченного рабочего стажа 35 отдано издательству «Мысль». 3 мая 1977 года коллегия Госкомиздата СССР утвердила меня заместителем главного редактора издательства «Мысль» – главным редактором главной редакции научной и учебной литературы Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Должности с таким длинным названием у меня ещё не было.

Нынешнее поколение даже не знает, что в Советском Союзе это было главное теоретическое издательство страны, выпускающее не только научную и учебную литературу, но и научно-популярную и справочную, причём большими тиражами, по всем основным направлениям общественно-научного знания. Среди его авторов были известные учёные, общественные и политические деятели, как советские, так и зарубежные, писатели, журналисты, путешественники. Ежегодно тиражами от 10 до 300 тысяч выходило около 250 книг по истории Отечества и человечества, экономике – отечественной и мировой, классической и современной философии и социологии, географии СССР и зарубежных стран, юриспруденции, демографии и журналистике. Особой популярностью пользовались капитальные серийные издания: «Всемирная история» в 13-ти томах, «Философское наследие» (до сегодняшнего дня в ней вышло 136 томов), «Мыслители прошлого», полные собрания сочинений классиков отечественной истории С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, 20-томник «Страны и народы», «Заповедники СССР» и многие другие. Несмотря на большие тиражи, на некоторые книги мы не могли удовлетворить читательский спрос. Например, на ежегодник «На суше и на море» заказы превышали миллион экземпляров, а издательство не имело возможности выпустить более трёхсот тысяч из-за недостатка бумаги и производственной базы.

Когда я пришёл в «Мысль», издательство уже имело хорошие традиции. Оно было создано в 1963 году, но не на пустом месте: основу его составил знаменитый «Соцэкгиз», созданный ещё в 1930-м; к нему были присоединены «Географгиз» и «Издательство научной и учебной литературы Академии об-

ественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС». Вот эту-то третью часть мне и довелось возглавлять ближай-шие семь лет. Больше десяти прошло с тех пор, как по решению Секретариата ЦК КПСС я прервал учёбу в академии и уехал в Воронеж, чтобы стать секретарём горкома партии. Но тем же решением было определено, что я остаюсь аспирантом с правом защиты диссертации, ибо без этого мне не могли выдать диплом об окончании академии. Это обстоятельство, безусловно, было одной из причин моего выбора новой должности. За все годы работы в Воронеже я сделал всего одну попытку получить положенный мне творческий отпуск, но пришедший на смену А.А. Королёву молодой Алексей Попов был категоричен: ты в очередном отпуске был, на курсах в Ростове был, в больнице почти месяц был – какие ещё могут быть от-пуска? При упоминании о больнице я едва сдержался. Когда он сам находился в больнице, а второй секретарь со сломанной при катании на лыжах ногой сидел дома, я остался «на хозяй-стве» один в течение нескольких дней и ночей в ту страшную бесснежную и холодную зиму 67-го или 68-го. Пыльные бури от Ростова до Воронежа, температура за -40, промерзает водо-провод, авария на газопроводе, на электростанции кончается уголь... Бюро и аппарат горкома работали практически кругло-суточно. С ситуацией удалось справиться, но через несколько дней, когда все уже были на работе, я свалился без сознания прямо у себя в кабинете на глазах инструктора. Вот и «за-гудел» в больницу, диагноз – полное истощение нервной си-стемы.

Ну, это всё – в прошлом. Я снова в академии, но пока не до диссертации. Издательское дело оказалось сложнее, чем я предполагал. Никаких «дел» мне принимать не пришлось. Предшественник ушёл на пенсию незадолго до моего прихода, проработав здесь многие годы. Зато мне повезло с «начальни-ком штаба».

Зинаида Ивановна Багурцева (светлая ей память!) испо-кон веку работала секретарём главной редакции. Она знала всех и обо всех всё досконально (не только в редакциях, но и в академии), практически руководила коллективом эффек-тивнее начальства, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, вместе взятых. Она пользовалась авторитетом не

только среди своих, но и в академических кругах, была грамотнейшим (после её перепечатки можно было не проверять документы и материалы), образованнейшим, несмотря на отсутствие высшего образования, человеком, добрым и отзывчивым. Театралка, бывшая активная комсомолка с несложившейся личной судьбой. С её гражданским мужем их свёл комсомол, но она не захотела уезжать из Советского Союза на Кипр, где он был одним из руководителей молодёжного движения и вырос до члена политбюро коммунистической партии.

С Зинаидой Ивановной у нас сложились хорошие отношения на многие годы. Она стала моим надёжным помощником, другом моей семьи, а с её родственниками мы соседствуем по даче, да и в Москве регулярно бываем в гостях друг у друга. Я не стал ломать сложившийся порядок, а сосредоточился на творческой стороне работы коллектива.

Читать приходилось невероятно много, часов по 8-10 ежедневно. Чаще всего я читал работы не на стадии подписи в печать, а после редакторской правки, перед перепечаткой в машбюро. Эта газетная привычка позволяет не только ускорять процесс подписания в печать, сводя его к беглому просмотру, но, главное, видеть уровень автора, объём и качество работы редактора, его сильные и слабые стороны. Таким образом облегчается будущая работа при распределении рукописей, контроле процесса редактирования с целью оказания редактору помощи и при защите его от возможных нападков автора в случае необходимости, а иногда и от предвзятости заведующего редакцией.

Нередко в научных издательствах разделяют научное и литературное редактирование. В «Мысли» такой практики не существовало. Литературный редактор, не понимающий сути научного материала, может так «причесать» текст, что будет потерян всякий смысл. В издательстве традиционно была сильная корректорская служба – более двадцати штатных работников, обеспечивалась система постоянного воспроизводства кадров. В случае необходимости всегда в резерве были наши ветераны. Заведующие корректорской работали в тесном контакте со службами, отслеживающими изменения норм русского языка. Некоторые редакторы, надеясь на корректоров, не обращали особого внимания на правописание, сосредоточив-

шись на смысле, но, если проскакивала ошибка или опечатка, ответственность несла вся цепочка, по которой проходила рукопись. Уровень требовательности был очень высок.

Читая рукописи, я почувствовал, что некоторые редакторы чрезмерно преклоняются перед авторитетом кафедр и даже отдельных преподавателей. Они подчас боятся высказать свое мнение даже в тех случаях, когда внутренне протестовали против низкого качества редактируемой работы. Больше того, оказалось, что рукописи иногда принимались к производству вопреки издательской практике без предварительного редакторского заключения и одобрения. Это – типичная болезнь всех редакционно-издательских групп, и даже издательств, при учебных и научных организациях, а также ведомствах. Только в самостоятельных издательствах можно от неё излечиться, и тогда редакторы становятся на голову выше, так как книга уже приобретает новый характер. Теперь она во многом – плод совместной творческой работы автора и редактора. Все замеченные редактором недостатки (если ему удалось убедить в своей правоте автора) устранены, все новые идеи, содержащиеся в работе, получили серьёзное научное обоснование и точные формулировки, всё содержание работы, включая самые сложные фрагменты, донесены до читателя простым и ясным грамотным русским языком. Общественная польза от такого сотрудничества многократно возрастает. Но так бывает лишь при условии, если уровень теоретической подготовки и практического опыта редакторов достаточно высок. Совсем не случайно издатели и редакторы испокон веку относились к наиболее уважаемой части отечественной интеллектуальной элиты.

Только идеальному автору редактор нужен лишь для подстраховки. Но где их взять, идеальных авторов, особенно в наше нынешнее безвременье, когда стремительно падает и без того традиционно низкая общая культура не только населения, но и элиты общества? Через меня прошли тысячи авторов, вплоть до академиков и высоких государственных деятелей, но в полном смысле идеальным автором могу назвать лишь одного – Евгения Максимовича Примакова. С ним «Мысль» тесно сотрудничала с тех времён, когда он возглавлял Институт мировой экономики, под выпуск научной продукции которо-

го была создана специальная редакция. Евгений Максимович входил в редакционный Совет. В самом начале нового века мы издали две его книги: «Восемь месяцев плюс...» и «Мир после 11 сентября». Обе они пользовались большой популярностью, особенно первая. Её «Известия» справедливо назвали политическим бестселлером года. В ней автор дал глубокий социально-политический анализ положения страны в один из самых драматических моментов российской истории, и это объясняет, почему ему, единственному, удалось удержать страну на самом краю пропасти, когда, хоть и на очень короткое время, он стал Председателем Правительства России. Масштабность личности автора (настоящий академик, настоящий журналист, настоящий политик плюс высокая общая культура!) обеспечила успех книги. Писал он её сам (что уже редкость в нынешние времена среди деятелей высокого ранга, когда наёмники пишут не только диссертации и книги, но и целые «собрания сочинений»); несмотря на огромную занятость, всегда находил время для личной встречи с издательскими работниками, оперативно читал вёрстку и снимал вопросы. Не помню, кто из работников его аппарата мне рассказывал, что в том знаменитом полёте, когда Примаков развернул самолёт от Америки в знак протеста против бомбардировок Югославии, он читал нашу вёрстку. Я всегда искренне уважал Евгения Максимовича, изредка обращался к нему за советами. Как-то и он поинтересовался моим мнением, когда я по какому-то случаю находился у него в кабинете:

– Как Вы думаете, стоит ли мне принять предложение «Книжного союза» о президентстве?

– Думаю, что олигархический «Книжный союз», созданный в противовес демократической Ассоциации книгоиздателей, ищет себе высокую «крышу», – ответил я.

Примаков, задумавшись, промолчал, но через несколько дней президентом там стал Степашин.

К чувству глубокого уважения добавилось и чувство не менее глубокой благодарности за оказанное мне внимание со стороны Евгения Максимовича, в результате которого с помощью специалистов Института неврологии я в короткий срок восстановился после редкой и коварной болезни. Но это случилось гораздо позже...

Будучи членом дирекции, главной редакции и секретарём партийного бюро издательства (Октябрьский райком КПСС Москвы не мог упустить случая, когда к нему встал на учёт бывший секретарь горкома крупного города и заведующий отделом обкома, и, наведя справки в ЦК, тут же рекомендовал меня секретарём партбюро, на очередном пленуме ввёл в состав райкома и избрал председателем идеологической комиссии, а потом и членом бюро райкома), я был в курсе жизни всех подразделений, бывал на собраниях, производственных совещаниях и видел, что редакторы «Соцэка» (так сокращённо обычно называли группу редакций бывшего «Соцэкгиза»), особенно старшие научные редакторы, по уровню общей и профессиональной культуры значительно превосходят академических.

Вообще-то, что такое старшие научные редакторы такого уникального научного издательства, как «Мысль»? Они, вместе с выросшими из их же числа заведующими редакциями, — это мозг коллектива, его сила и гордость, носители его традиций. Почти для каждого из них «Мысль» — первое и последнее место работы. Они пришли сюда младшими редакторами, получив, как правило, университетское образование по профилю редакции. Им предстояло пройти освоение профессии под руководством опытных коллег по следующим этапам: редактор, старший редактор, научный редактор и, наконец-то, старший научный! Сразу надо сказать, что весь этот путь проходили только самые талантливые и самые трудолюбивые, на что им требовалось не менее десяти–пятнадцати лет. И все эти годы они продолжали учиться: на курсах переподготовки, в университете марксизма-ленинизма на смежных с их специальностью факультетах, в системе издательской учёбы и, конечно, самостоятельно. Кроме того, каждая отредактированная книга являлась своеобразным учебником науки и жизни. В результате объём знаний старшего научного редактора практически соответствовал объёму знаний ведущих специалистов профильного академического института. В то время в издательстве работало тринадцать кандидатов наук. Такая подготовка старших научных редакторов позволяла им уверенно себя чувствовать в работе с авторами любого уровня. Не случайно их периодически приглашали для подготовки документов каких-либо важных общесоюзных мероприятий.

Я понимал, что без «живого примера» мне труднее будет добиваться существенного роста квалификации в своём подразделении, и при первой же возможности добился перевода из «Соцэка» двух замечательных редакторов – Валентины Ильиничны Будариной и Евгении Фёдоровны Лепниковой. Первая стала заведовать экономической редакцией вместо ушедшего по состоянию здоровья ветерана и инвалида Отечественной войны замечательного человека Сергея Павловича Кудрявцева, а впоследствии заменила меня и возглавляла эту группу редакций до возрождения в 1989 году на их базе самостоятельного академического издательства, в котором она осталась директорствовать. Академия предложила пост директора мне, но я уже «прирос» к «Мысли» и потому отказался.

А тогда новые силы помогли мне поднять планку требовательности к качеству редакторской работы и ответственности за её результаты.

В повседневных творческих заботах текла жизнь на академическом «хуторе», как называли наше месторасположение коллеги из «Большой “Мысли”», размещавшиеся на Ленинском проспекте, в старинном здании под номером 15. Условия у нас были получше, чем у них, а академический буфет они любили особенно. На Ленинском сотрудники всех редакций собирались только на общих собраниях и по праздникам. Рабочий день у всех считался ненормированным, но только в сторону увеличения. Опоздания на работу без предупреждения и по неуважительным причинам не поощрялись. За пьянство пришлось уволить заведующего одной из редакций, сосланного к нам за те же грехи бывшего высокопоставленного чиновника, и отправить на пенсию редактора, больную этим же недугом женщину, которую не оставляли вниманием до самой её кончины.

Освоившись с новой работой, через три года я всё-таки выполнил свой долг перед академией: добил диссертацию, сотворив её из одной главы написанного пятнадцать лет назад текста (благо тема не стареющая – о роли социальной практики в формировании личности), обновив и дополнив его. Защита прошла успешно, хотя требования были далеко не нынешние. И только после этого мне вручили свидетельство об окончании Академии общественных наук. Наверное, я мог бы претендо-

вать на Книгу рекордов Гиннесса, причислившись в аспирантуре семнадцать лет. Вскоре был получен и диплом кандидата философских наук. Несмотря на рекомендации учёного совета, книгу по теме диссертации я так и не опубликовал, хотя её содержание по существу и ныне актуально. И вообще опрометчиво считал, что, не видя себя даже в перспективе на преподавательской работе, «остепеняться» мне ни к чему. Потому о докторской даже не думал, хотя вскоре понял, что в реальной жизни в борьбе за истину «корочки» оказываются, подчас, важнее твоей головы.

Забегу немного вперёд. В мае 1996 года общее собрание Академии политической науки избирало новых действительных членов Академии. Кандидатов было трое: легендарный Георгий Хосроевич Шахназаров – член-корреспондент Российской академии наук, директор Центра глобальных программ, Андроник Мигранян – молодой, но уже очень известный политолог, член Президентского совета, третьим был я. Когда очередь дошла до меня, президент Академии Анатолий Владимирович Дмитриев сказал: «А сейчас прошу поднять руки за то, чтобы избрать действительным членом нашей академии того, кто почти всем нам испортил немало нервов, но благодаря кому мы с вами становились учёными, кандидатами и докторами наук, академиками, авторами книг такого замечательного издательства, каким является “Мысль”». Проголосовали единогласно и аплодировали дружно, а потом многие подходили и поздравляли индивидуально, вспоминая какие-то интересные детали совместной работы. В такие минуты чувствуешь, что не зря живёшь.

А нервы авторам действительно иногда приходилось портить, причём себе – не меньше. Зашёл как-то ко мне Виктор К. (он учился в академии одновременно со мной, но в другой группе – *Е.Т.*), заместитель заведующего одной из кафедр академии:

– «Добил» вот книгу. Можешь предварительно посмотреть, что получилось?

В таких просьбах я обычно никогда не отказывал ни знакомым, ни незнакомым потенциальным авторам, потому что в конечном итоге это позволяло экономить и их, и наши время и силы. Иногда я поручал познакомиться с рукописью редакто-

рам, но чаще делал это сам в тех же целях. В данном случае, с учётом сложности и слабой разработанности темы внутрипартийной демократии, которую предложил автор и которая требовала хорошего знания практики партийной работы, целесообразнее было заняться рукописью мне. Я дал согласие, предупредив Виктора, что из-за загруженности делами смогу дать ответ дней через десять.

Просидел над рукописью не один вечер. В ней были попытки серьёзного научного анализа предмета исследования, ряд моментов вызывал интерес оригинальностью подхода и смелостью выводов. Не было достаточной чёткости, последовательности изложения материала, раздражали неоправданные повторы, неточность формулировок в самых ответственных местах и т.д., не говоря уже о мелочах, которые по привычке сразу же правил по тексту. Однако, когда через несколько дней я вернул рукопись Виктору, выглядела она ужасно: замечания и советы на полях, уточнённые формулировки – сверху и снизу, между строк и на приклеенных бумажках, текст испещрён обычной редакторской и заодно корректорской правкой (машинистка у него оказалась не очень грамотной). Виктор был в шоке от одного вида своего творения. Не дав мне сказать ни слова, он буквально заорал:

– Я знал, что редакторы умеют делать из любого дерева телеграфный столб, но чтобы так!..

Послав меня по-свойски подальше, побагровев от обиды, он выскочил из кабинета. Тут же влетела встревоженная Зинаида Ивановна:

– Что случилось?

– Да в принципе ничего особенного. Повышенная реакция обиженного автора. Ничего, он мужик разумный, успокоится и всё поймёт.

А сам уже корил себя за то, что, зная взрывной характер Виктора, допустил оплошность. Надо было сначала поговорить с ним, прежде чем отдавать рукопись. И вообще перед тем, как что-нибудь сделать, не мешает хорошо подумать: а как это скажется на людях? Как часто мы забываем об этом в суете дел! Так можно потерять даже друзей.

Он появился через несколько дней. Уже поздно вечером в дверь кабинета просунулась его голова:

– Жень! Прости меня, старого дурака. Можно к тебе?

– Заходи, – отлегло у меня на душе.

С виноватой улыбкой на лице он прошёл к столу и опустился на стул сбоку от меня.

– Да сын меня вразумил, сам прочитал и меня заставил прочитать всё, что ты там понаписал. Спасибо тебе, прости ещё раз!

Оказалось, что его сын – доктор философских наук, увидев разволнованного отца и поинтересовавшись причиной переживаний, обратился к их источнику и, убедившись, что рукопись не испорчена злоумышленником, сам напустился на отца: «Ты чего распереживался? Тебе же всё порасписали, где, чего нужно уточнить, где переставить местами, где просто сократить, что и в каком ключе добавить».

– Вот тут-то он и назвал меня дураком. Я всё прочёл и со всем согласен, кроме одного.

И он стал настаивать на каком-то положении, в чём я с ним согласился. В конечном счёте вскоре книга вышла и для того времени она наиболее полно раскрывала проблему.

Но бывали ситуации и «покруче». Как-то Людмила Родионова, старший научный редактор, готовившая к печати учебник по партийному строительству, обратила моё внимание на текст введения, только что доставленный с кафедры.

– Посмотрите, пожалуйста, что-то тут не то. Честно говоря, я бы не хотела разбираться сама с заведующим кафедрой, которого совсем не знаю. А писал он.

Заведующим кафедрой был назначен совсем недавно бывший первый секретарь одной из соседних с Москвой областей. Я с ним тоже не был ещё знаком.

– Пригласите его ко мне, будем знакомиться.

Он вошёл, высокий, худощавый, интеллигентного вида. Поздоровался, представился. Сделав то же, я пригласил его сесть. После нескольких общих фраз спросил напрямую:

– Скажите, пожалуйста, откуда вы взяли формулировку, с которой начинается введение к учебнику? Я имею в виду положение, что возрастание руководящей роли партии является закономерностью развития и общества, и самой партии.

– Как откуда? Из только что вышедшей в «Политиздате» книги заместителя заведующего орготделом ЦК. В ней – чёрным по белому, слово в слово.

– Извините, не читал, но верю, что такое может быть. Ведь автор там писал не научный труд, а пропагандистскую книгу, хотя и там уж элементарная-то логика должна быть. Вы же пишете учебник, представляете Академию общественных наук при ЦК КПСС. Неужели для вас не очевидно, что данная формулировка не различает специфики двух разных субъектов общественного развития?

– А как вы себе это представляете?

– Ну что ж, давайте порассуждаем. То, что данная закономерность должна работать для общества, обеспечивая его поступательное развитие, записано в нашей Конституции. Но для партии из этого следует прямой логический вывод: она на каждом этапе развития общества должна соответствовать тем требованиям, которые позволят ей обеспечить эту руководящую роль и теоретическим обоснованием этапов, и уровнем подготовки кадров...

Он не дал мне закончить фразу.

– Ишь ты, куда хватил! Разговаривать будем в другом месте.

И выскочил из кабинета.

Часа через два мне позвонил заместитель заведующего Отделом науки ЦК КПСС Рудольф Григорьевич Яновский.

– Что у вас за конфликт произошёл с заведующим кафедрой академии?

– Конфликта никакого не было. Просто я объяснил новому заведующему кафедрой, что учебник под грифом АОН при ЦК КПСС должен быть тщательно подготовлен в научном плане.

В деталях передал суть разговора.

– Хорошо. Я вас понял. С ним разберусь сам. Так состоялось моё телефонное пока знакомство с ещё одним замечательным человеком, который вскоре стал ректором академии и с которым плодотворно сотрудничали многие годы и сохраняли добрые отношения вплоть до 2010 года, ставшего последним в его жизни.

С руководством и заведующими всеми другими кафедрами академии, Московской ВПШ при ЦК КПСС и региональных высших партийных школ у нашего подразделения «Мысли» налажилось деловое взаимодействие, и это находило воплощение

не столько в количестве, сколько в качестве нашей научной продукции. Собираясь на свои ежегодные встречи, директора республиканских и областных школ обычно приглашали и меня в свой тесный круг, где за дружеским столом обсуждались наиболее актуальные проблемы жизни всей страны – от Минска, Киева и Кишинёва до Хабаровска. А они были люди, как правило, очень разумные и очень информированные. Помню, как объективно оценивал ректор Новосибирской ВПШ своего родного брата К.У. Черненко, бывшего в то время уже во главе партии; как критиковал Кравчука за недооценку роста националистических настроений в западных областях Украины и непринятие мер киевский коллега сибиряка...

С этим последним фактором редакторам «Мысли» пришлось столкнуться уже через несколько лет, когда мы с Институтом этнографии Академии наук СССР начали готовить капитальное издание в тридцати томах обо всех народах Советского Союза. Исходные материалы представляли Академии наук всех союзных республик. Совместное обсуждение хода работы и первых результатов решили провести в Ростове Великом, куда и отправились группа научных сотрудников Института во главе с директором Валерием Александровичем Тишковым, я, тогда уже главный редактор «Мысли», с командой, состоящей из старших научных редакторов и главного художника издательства Евгении Михайловны Омеляновской, а также представители республиканских академий. Жили и работали мы в помещениях знаменитого ростовского кремля.

Украинцы опередили всех, привезя первый вариант своего двухтомника. Но, когда мы начали с ним знакомиться, все были поражены научной несостоятельностью многих материалов и злобной националистической пропагандой некоторых из них. Откровенно высказали своё мнение украинским коллегам и вернули им тома на доработку. К великому сожалению, задуманный грандиозный проект так и остался неосуществлённым по независящим от нас причинам.

Главным редактором «Мысли» я стал в 1984 году. Ушёл на пенсию прежний – Фёдор Семёнович Худушин, бывший работник ЦК КПСС. В «Мысль», как правило, на руководящие должности приходили оттуда. Директор, Валерий Михайлович

Водолагин, сын секретаря Сталинградского обкома партии и мой однокашник по академии (но с другой кафедры – историк), тоже оттуда, но не сразу, а несколько лет отработав главным редактором «Политиздата».

Очень эрудированный, знающий хорошо литературу, сам пишущий и выпускавший свои книги, Фёдор Семёнович был очень добрым, внимательным к людям и очень ответственным за своё дело человеком, но в свои семьдесят с лишним лет он уже просто устал от долгой кабинетной работы. Навестив пенсионера Худушина на его даче, я увидел, с каким вдохновением и азартом он занимается физическим трудом.

Вопрос о главном редакторе решался довольно долго. Ходили слухи о нескольких кандидатурах. Кончилось дело тем, что Борис Николаевич Пастухов, бывший в ту пору Председателем Госкомиздата СССР, пригласил меня к себе в кабинет и после короткого разговора предложил занять эту должность. Получив согласие, он вошёл с моей кандидатурой в Секретариат ЦК КПСС, который и утвердил нового главного редактора издательства «Мысль».

Только на этом посту я по-настоящему понял, что такое «Мысль» во всём её объёме и значении. Приближалась очередная осенняя Московская международная книжная выставка-ярмарка. Надо было готовить пакет предложений на покупку и уступку прав, проконтролировать выполнение предыдущих международных контрактов. Мы регулярно обменивались информацией о готовящихся к печати книгах со многими из ведущих издательств мира и выставки использовали для оформления заранее подготовленных документов. А их было немало: до четверти названий наших книг переводилось за рубежом. Сами мы закупали прав значительно меньше. Одним из самых крупных и приоритетных зарубежных проектов была продажа итальянскому издательству нашей тринадцатитомной «Всемирной истории». На всех выставках-ярмарках стенд «Мысли» отмечался среди наиболее посещаемых.

Выставка выставкой, но текущие дела требовали к себе постоянного внимания. Заканчивалась работа над двухтомной «Иллюстрированной историей Москвы» сразу в трёх вариантах: подарочный на русском и английском языках по заказу

Совмина и ЦК КПСС по тысяче экземпляров и массовый тираж – 50 тысяч. По тексту они не отличались, но по величине – основательно, за счёт большего формата первых, разной плотности бумаги и объёма иллюстраций. В коробе, обтянутом кожей, подарочный двухтомник весил немногим менее пуда. Когда Горбачёв вручал этот подарок Рейгану, тот еле удержал его, благо предупреждённый заранее помощник успел подставить свои руки. Издание основательно задержалось в производстве: не успевали менять портреты генсеков.

Поскольку количество книг, находящихся в производстве, значительно превышало наши с директором физические возможности, мы контролировали прохождение только наиболее важных и сложных изданий, и то разделив между собою редакции, исходя уже из специфики нашей подготовки и нашего опыта (он – историк, я – философ). Но главной моей задачей было обеспечение высокого качества литературы ещё на стадии планирования, как текущего, так и перспективного. Качество зависит от двух факторов: актуальности темы и таланта автора. Но их желательно не угадать, а определить, вычислить. Есть, конечно, и темы, и авторы не стареющие, вечные. Их нашли наши предшественники, например, то же «Философское наследие». Там тема сквозная – как сделать жизнь грядущих поколений лучше, справедливее, в тесном единстве с природой и по её законам. Да и авторы (в противоположность большинству нынешних, не умеющих диалектически мыслить) были в определённой мере энциклопедистами и старались в меру накопленных знаний рассматривать все явления в их системе, взаимосвязи и целостности. С такими сериями работать относительно проще. В рекламе они уже не нуждаются, но требуют сверки или нового перевода, поиска новых достойных персоналий более поздних времён среди мыслителей разных народов, в том числе и отечественных. В 1985 году мы имели план выпуска философского наследия на двадцать лет из расчёта не менее четырёх томов ежегодно. На подготовку новых томов были заключены договора на пять лет вперёд. Подобная работа прошла по всем сериям в зависимости от их специфики.

Сложнее было планировать выпуск отдельных книг, так как работа над планом выпуска литературы, который выходил

для сбора заказов «Союзкнигой» тиражом 125 тысяч экземпляров, заканчивалась за год и три месяца до года выпуска. Какие-то особо актуальные книги приходилось объявлять отдельно и собирать заказ оперативным порядком. В значительной мере ежегодные планы формировались на базе перспективных согласований с научными учреждениями, в результате рассмотрения множества предложений, поступающих по почте и при личных обращениях авторов в редакции и к руководству издательства, но немало книг писалось и по прямым заказам издательства тем или иным ведущим специалистам страны. Отказов практически не было.

Одной из «любимых» мишеней нападков на советское время была цензура, которую представляли и представляют тотальным монстром. Я с этим ведомством имел дело с самых первых моих шагов в журналистике. Встречал всяких. С полной ответственностью могу заявить, что дураков в этой системе было ничуть не больше, чем в остальных, как и в стране в целом. Но подавляющее большинство цензоров профессионально, честно и тактично выполняло свои обязанности по защите государственных интересов. Многие книги нашего издательства нуждались в такой проверке, особенно географические, где объекты зачастую привязываются к координатам и подчас безобидные на первый взгляд сведения представляли интерес для политической и экономической разведки наших противников и конкурентов (это через несколько лет станет модным «дарить» государственные тайны кому попало). Поэтому, чтобы снять появившиеся у меня по тому или иному поводу сомнения до сдачи рукописи в производство, я не считал зазорным самостоятельно обсудить эти проблемы в Главлите.

Да, сегодня в той цензуре необходимость отпала. Все секреты уже проданы. Но все более актуализируется необходимость и общественного, и государственного контроля в нравственной сфере.

Иногда возникали проблемы и другого плана, прежде всего внешнеполитического, требовавшие консультаций на достаточно высоком уровне. Тогда шёл в ЦК КПСС. По своему служебному удостоверению главного редактора «Мысли» я имел право прохода в любой кабинет, кроме членов Политбюро.

В целом система книгоиздания в Советском Союзе была отработана довольно хорошо, но лишь в организационном плане. Материально-техническое обеспечение производства оставалось нерешенной проблемой и нашей постоянной головной болью. Даже центральным издательствам приходилось приспособляться под низкие возможности типографий в выборе форматов и объемов изданий, полиграфических материалов, качестве цветной печати и т. д. И всё это нужно было учитывать при составлении планов выпуска.

Наконец грянула долгожданная перестройка. Она назрела давно и потому была воспринята со всеобщим оптимизмом. Каких высот можно было достигнуть на этой последней волне народного энтузиазма! Это если бы с умом его использовать, а так – весь пар ушёл в песок. Впереди большинству народа была уготована трагедия, отозвавшаяся во всём мире. Но поначалу ещё жили надеждой на обновление, и мы с Водолагиным по нескольку часов в день мотались по Москве в поисках нового помещения для издательства. Ничего подходящего так и не нашли, а потому решили сделать капитальный ремонт в старом здании, где занимали 2300 кв. м, почти одну треть полезной площади. В результате условия работы всех подразделений значительно улучшились, а редакторы впервые получили, хоть и небольшие, но отдельные кабинеты.

Уже вскоре почувствовалось, что перестройка заводит страну куда-то не туда. Её планы и конечные цели так и не были оглашены, потому что, как выяснилось позднее, это были планы и цели, умело навязанные руководству страны западными кукловодами.

Почти каждый новый шаг руководства страны вызывал недоумение. Деидеологизация? А как без идеологии определить цель дальнейшего развития? Ведь провозглашённое в качестве цели внедрение рынка – абсурд. Рынок – только механизм, а механизм не может быть целью развития общества. И потом из опыта давно известно, что идеология не терпит пустоты. Если одна идеология устраняется из общества, её место тут же занимает другая. Какая? Плюрализм? Но ведь уже «расцветали все цветы». К чему это приводит, кроме раздробления нации? Не повторение ли это девиза всех древних деспотов: «Разделяй

и властвуй!?» Так кто же собирается властвовать над нами? А почему не прислушались к мудрому предостережению опытного Фиделя Кастро, что нельзя одновременно начинать две реформы: политическую и экономическую, можно потерять и экономику и власть? Так и случилось.

К такой «перестройке» были не готовы ни общество, ни его «руководящая и направляющая» сила. Партия, не прошедшая хорошей школы внутрипартийной демократии, ослабленная теоретически и идеологически, допустившая в свои ряды карьеристов и бюрократов, идейно и морально неустойчивых, случайных людей, оказалась неспособной к борьбе даже за собственное существование, а предательство в своём высшем руководстве окончательно её добило. Раскол в партии и в обществе произошёл не между сторонниками перестройки и её противниками-сталинистами, как вдалбливали в мировое общественное сознание зарубежные и продажные отечественные СМИ, а между приверженцами западных демократий и теми, кто стремился к преобразованию общества без изменения его социалистической основы. В отличие от бездумной подготовки и безграмотного проведения перестройки её провал и переход к контрреволюционному перевороту были тщательно спланированы противниками Советского Союза, которым совсем ни к чему было усиление конкурента в борьбе за мировое господство. И им было абсолютно безразлично, как всё это отразится на жизни советского народа. Им надо было компенсировать огромные средства, потраченные на устранение СССР с мировой арены.

Мы «всё это» прочувствовали на примере своей отрасли, которая, как и другие, развалилась практически моментально. Она тоже собиралась перестраиваться, но как? Прочитирую выдержки из своего выступления на совещании директоров и главных редакторов издательств в Госкомиздате СССР по первым итогам перестройки: «В чём же основные причины неблагополучия в издательском деле? Главное – в той недооценке роли общей культуры в развитии общества, которая... определяет отношение органов управления к книгоизданию. Отнесение его, как и всей культуры, к непроизводственной сфере обусловило остаточный принцип вложений в его раз-

витие и довело до уровня самой отстающей отрасли. Сегодня мы пожинаем плоды полного непонимания роли культуры в производстве вообще и, в частности, в воспроизводстве человека как главной производительной силы общества... Уже считается нормальным, что не типографии служат для того, чтобы печатать книги, а издательства существуют для заполнения талеров печатных машин... Практика руководства издательствами Главной редакции общественно-политической литературы доказала ненужность её как лишней управленческой инстанции. Такой же дополнительной инстанцией явится и новое Объединение, которое, судя по проекту, будет отвечать за всё в общем и ни за что конкретно. Зато чиновников в нём будет в полтора раза больше... Функции Генеральной дирекции представляются более широкими, а направленность вполне определённой: ликвидировать всё, чего добились отрасль в результате перестройки, то есть, прежде всего, самостоятельность издательств; под вывеской новой экономической формы управления идеологией и культурой реставрировать старые, чисто административно-командные, бюрократические методы, ибо на большее этот аппарат окажется не способен.

Об истории предательства и развала Советского Союза уже много написано, а будет ещё больше и, надеюсь, с достаточной степенью объективности. История «Мысли», её выживания в тех невероятных обстоятельствах, вполне типичная для тех и нынешних времён, тоже заслуживает отдельного исследования и описания. Даже название для него не надо выдумывать: «Второе хождение по мукам», но я не собираюсь его втискивать в эту книгу, а другую написать вряд ли успею.

И всё же ничего не сказать об этом периоде я не могу, ибо это будет предательством по отношению к коллегам, до конца выполнявшим свой долг перед народом, предательством по отношению к «Мысли», которой отдано почти четыре десятилетия моей жизни.

В первую очередь мы скорректировали свои перспективные планы выпуска литературы, отдавая преимущество тематике, связанной с теорией и анализом практики управления общественным развитием, созидательным потенциалом

человека, его духовными ценностями, эффективностью использования экономического потенциала перестройки, ролью государства в переходные периоды развития общества. Но разрушительные процессы с каждым днём всё более и больше били уже и по нам.

Неуправляемый рынок с жадностью голодного волка проглотил «Союзкнигу» вместе со всей системой сбора тиражей и организацией подписки. Все её отделения оказались банкротами в течение нескольких месяцев. Деньги мимо них уходили в карманы спекулянтов, которые теперь назывались предпринимателями. Механизм был достаточно прост. Издательство не имело права устанавливать свои цены на книги и отдавало их «Союзкниге» по утверждённому государством прейскуранту – 7 копеек за печатный лист. По этой цене, обозначенной на обратной стороне переплёта, книга приходила в государственный магазин, но весь заказ магазина оптом попадал в руки того самого кооператора-спекулянта, который за определённую мзду директору оплачивал всю стоимость по номиналу через кассу, а сам продавал книги, сдирая с покупателя как минимум на порядок больше. Например бестселлер того времени книга М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», первая, в подробностях повествующая о расстреле семьи царя Николая II, над которой наша редакция вместе с автором работала несколько лет, при цене по номиналу 2 рубля 40 копеек продавалась по 30-35 рублей. Ну как же было здесь не позубоскалить о явном превосходстве частной собственности над государственной в смысле экономической эффективности! При этом, как правило, умалчивается, что частная собственность в крупных размерах приносит социальный вред, несоизмеримый даже с её собственными доходами.

Короче говоря, государственные издательства оказались без налаженной сети распространения и вынуждены были напрямую работать с пиратскими кооперативами. Они за очень короткое время собрали огромный первоначальный капитал, позволивший им создать собственные издательства и сделать за взятки руководству бумажных комбинатов большие запасы бумаги и расходных материалов для производства книг. Но у них не было главной производительной силы книгоиздания –

редакторов высокой квалификации, и они пошли проверенным бандитским путём, начав нагло грабить интеллектуальное богатство, созданное многолетним высококвалифицированным трудом советских книгоиздателей. Без всякого угрызения совести перепечатывались лучшие книги профессиональных издательств без разрешения даже ещё живых авторов. Так называемые «редакторы-организаторы» (других у них не было) вынюхивали, что и где можно украсть или по дешёвке купить у ставших нищими государственных издательств, желательно в готовых плёнках. За пару лет этого беспредела практически все наиболее значительные книги «Мысли», в том числе и серии, и собрания сочинений, были опубликованы пиратскими издательствами, причём даже без ссылки на издательство, в котором они создавались. Мы уже были лишены возможности переиздавать свои же труды, хотя хорошо известно, что именно переиздания получивших популярность книг дают наибольшую прибыль, особенно в научном книгоиздании. Как-то по моему предложению автор предисловия к одной из украденных философских работ профессор Евгений Иванович Темнов позвонил в агентство по авторскому праву Ростова-на-Дону и пожаловался на издательство, уже занявшее видное место в масштабе страны по объёму производства. Там ему ответили, что принять от него заявление могут, но рассмотрят его в порядке очереди, которая подойдёт, по их расчетам, не ранее, чем лет через пять.

Вскоре началась охота и за нашими кадрами. Зачем годами растить первоклассных специалистов, если можно купить готовых? И начали предлагать нашим редакторам, техредам и корректорам высокие должности и зарплаты, на порядок превышающие даже зарплату директора «Мысли». Если несколько лет назад уровень оплаты наших работников был одним из наиболее высоких в отрасли, то сейчас он упал до самых низкооплачиваемых. Мы с директором посоветовались и, хорошо понимая, куда идёт дело, решили не препятствовать никому в переходе на другую работу. И пошли наши редакторы и специалисты, в первую очередь самые молодые, в коммерческие издательства на разные должности, вплоть до главных редакторов. А тех, что постарше и поопытнее, сманивали в разного

рода крутящиеся вокруг денег новообразованные организации, кто-то попал и в референты к членам правительства.

Этот процесс распада не только продолжился, но и усилился после развала Советского Союза. К чему идёт дело, совсем нетрудно было сообразить, если хорошо знакомые ответственные работники Минпечати доверительно говорили: у нас твёрдое указание – гробить государственные издательства. Нового удара по издательству ждать долго не пришлось. Вопреки закону у нас отняли помещение, в котором размещались многие десятилетия, и перевели на аренду. Пришлось основательно ужаться по занимаемой площади, подсократить штат, но мы никого не уволили до самого конца, не дав доработать до пенсии и без звания «Ветеран труда». А вот объём выпуска уменьшился более чем вдвое. Со многими авторами расторгли договора, выплатив им неустойку, но многие и отказались от этих выплат.

Но «Мысль» продолжала жить и работать. В самом конце восьмидесятых издательство в режиме «молния» выпустило несколько работ с анализом хода перестройки. Особенно запомнилось, как под научным руководством академика Л.И. Абалкина, в бытность его заместителем Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова, создавался сборник статей видных учёных, политических деятелей, оценивающих ход перестройки. Правительственный фельдъегерь приезжал в издательство по нескольку раз в день, привозя всё новые и новые материалы после предварительного просмотра их Абалкиным. Над ними тут же начинали работать редакторы, затем корректоры и техреды. Потом они поступали для контрольной читки ко мне. Я снимал по телефону вопросы с Леонидом Ивановичем, уточнял названия и согласовывал порядок размещения в сборнике. Книгу предложил назвать «Уроки горькие, но необходимые». Абалкин согласился. Весь процесс подготовки и изготовления тиража занял менее месяца.

Именно в конце восьмидесятых, на сломе эпох, «Мысль» начала готовить и выпускать полные собрания сочинений двух классиков отечественной истории – С.М. Соловьёва (24 тома) и В.О. Ключевского (9 томов), чтобы дать возможность оглушённому переменами читателю припасть к истокам. Уже в начале девяностых открыли две новые серии. В первой – «Историче-

ские россыпи» – наибольший интерес вызвали книги двух известных россиян, двух Дмитриев Ивановичей – Иловайского («Очерки отечественной истории») и Менделеева («Заветные мысли»). Любопытно, что сразу же после их выхода в программных документах, выступлениях лидеров самых различных политических партий замелькали цитаты из этих работ. Ещё бы, ведь насколько актуально звучали, например, вынесенные в эпиграф слова Д.И. Менделеева, написанные им 95 лет назад: «Россия, взятая в целом, думается мне, доросла до требования свободы, но не иной как соединённой с трудом и выполнением долга. Виды и формы свободы узаконить легко прямыми статьями, а надо ещё немало поработать мозгами в Государственной думе, чтобы законами поощрить труд и вызвать порывы долга перед Родиной».

Вторая серия – «Из классического наследия» – включила наиболее значительные труды патриархов мировой науки о государстве и управлении. В ней вышли: Аристотель «Политика. Афинская полиция», Платон «Государство. Законы. Политик», Макиавелли «Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия: о военном искусстве», Спиноза «Трактаты» и Монтескье «О духе законов». Последняя из этих книг явилась первым полным изданием текста на русском языке. Сверяя текст с французскими авторскими изданиями середины XVIII века, редактор Александра Васильевна Матешук обнаружила утрату значительного объёма авторских примечаний во всех последующих изданиях. Ей и пришлось воссоздавать полный текст для наших читателей.

Издательские редакторы нередко выступали составителями трудов, совместно с наследниками исследуя архивы учёных. Так рождались книги П.А. Флоренского, А.Л. Чижевского и других. В результате тщательной работы с архивами заведующей редакцией философского наследия Ларисы Владимировны Литвиновой (той самой, которая в настоящее время работает над созданием православной энциклопедии) российский читатель впервые познакомился с фундаментальным трудом Ф.И. Успенского «История Византийской империи». Первый том трилогии был опубликован ещё в 1913 году, неполный третий – в 1948-м, но полностью труд вышел лишь у нас в

1996–1997 годах. Впервые увидел свет и включённый в третий том «Восточный вопрос», целиком посвящённый влиянию падения православной империи на всю последующую историю Европы и мира в целом. О значении этого труда лучше всего свидетельствуют слова самого автора: «...утверждение знаний о Византии и выяснение наших к ней отношений в высшей степени обязательно для русского учёного и не менее полезно для образования, так и для направления на верный путь русского политического и национального самосознания».

А между тем чубайсовское детище – Госкомимущество – продолжало душить «Мысль». В середине марта 1994 года с письмом за подписью директора издательства В.М. Водолагина по предварительной договорённости я направился к заместителю Председателя Правительства Российской Федерации Ю.Ф. Ярову. Суть письма сводилась к следующему: «Договором № 12/13 от 16 февраля с.г. Госкомимущество РФ закрепило право полного хозяйственного ведения зданием по Ленинскому проспекту, д. 15, где размещается и издательство «Мысль», за оптово-розничной торговой фирмой «Книга». Этим же Договором «Книга» освобождается от арендной платы, передавая Госкомимуществу 1500 кв. м полезной площади за счёт уплотнения издательств и организаций, размещённых в этом здании. На основании данного договора издательству «Мысль» предложен проект договора на аренду, в котором занимаемая им площадь сокращается на две трети, при этом сумма арендной платы составляет 780 млн рублей в год, что в 50 с лишним раз превышает годовую прибыль издательства... Вполне понятно, что «Мысль» не сможет платить за аренду и прекратит своё существование, на что, видимо, и рассчитывают организаторы данной акции. Утрата одного из ведущих центров отечественного книгоиздания нанесёт серьёзный ущерб науке и культуре России. Обращаемся к Вам с просьбой оградить издательство от произвола и помочь ему в создании необходимых условий для продолжения деятельности».

Юрий Фёдорович внимательно выслушал меня, повозмущался, принял письмо, пообещав разобраться. Он действительно оперативно отправил поручения и Роскомпечати и Госкомимуществу, но они, проволочитив год, лишь понизили

ставку арендной платы. А помещение у нас всё-таки отобрали. Высокопоставленному чиновнику Госкомимущества было бесполезно объяснять специфику издательского производства:

– Мы оставляем вам по норме – четыре метра на каждого работающего, – упёрся он, очевидно, перепутав издательство с конторой. (Когда через несколько лет мы встретились с ним в компании с моим старым хорошим приятелем, занимавшим гораздо более высокое место в чиновничьей иерархии, чем он, В.А. не только признал, что совершил тогда глупость, но и калялся и даже предпринимал энергичные меры, чтобы искупить свою вину. Увы, было уже поздно.)

В наши недавно отремонтированные помещения вселялись новые арендаторы. Обиднее всего было расставаться с издательской библиотекой, собиравшейся более шестидесяти лет, в которой было, кроме справочной литературы и книг издательства, немало уникальных изданий. Мы широко объявили о ликвидации библиотеки, и почти неделю на лестничной площадке толпились наши авторы, преподаватели вузов и другие книголюбцы с сумками и тележками, выбирая самое интересное для своих домашних полок. Слезы наворачивались, наблюдая эту картину.

Прошло ещё два с половиной года. К нам нагрянула комиссия Госкомпечати России. Вот некоторые выдержки из справки по итогам проверки работы издательства за этот период:

– «Производственный, редакционный и договорной портфели издательства содержат значительные в научном и социальном плане произведения...

– ...Общий объём годового выпуска равен 1200 издательским листам, что свидетельствует о достаточно напряжённой работе коллектива, тем более, что основу портфеля составляют издания повышенной сложности.

– Если в целом редакционные и общеиздательские расходы в расчете на один издательский лист выросли за два года в 3,2 раза, то из них коммунальные и эксплуатационные услуги за тот же период – в 4 раза, аренда – в 3,5 раза, услуги связи – в 1,8 раза, расходы на автотранспорт – в 2,4 раза...

– Среднемесячная заработная плата 1 работника выросла с 548,0 тыс. руб. в 1995 г. и 778,1 тыс. руб. в 1996 г.

до 1040,4 тыс. руб. за 9 месяцев 1997 г. В то же время она несколько отстаёт от среднемесячной заработной платы в целом по издательствам непосредственного подчинения (1275,1 тыс. руб.)... Оплата этих (коммунальных и эксплуатационных – *Е.Т.*) услуг в месяц равна 50% суммы месячной заработной платы, получаемой всем коллективом издательства».

Претензии к издательству в основном касались проблем распространения выпущенных книг, но, главным образом, – ведения учётно-кадровой документации. Комиссия сделала два вывода:

1. Целесообразно сохранить за издательством статус унитарного государственного предприятия, исходя из социальной значимости выпускаемой им литературы.

2. Для обеспечения устойчивой работы коллектива необходимо принять меры по укреплению руководства издательства в целях сохранения уникального в своём роде издательства России в условиях рыночной экономики.

В отношении «укрепления руководства издательства» всем всё было ясно. Наш директор, Валерий Михайлович Водолагин, под напором бесконечных стрессов впал в отчаянье и выходил из него традиционным российским методом. Кандидат исторических наук, опытный издатель и руководитель, разумный и сдержанный в отношениях с людьми, в целом порядочный человек и хороший семьянин, он, совсем по Михаилу Светлову, выпив 100 грамм водки, становился совершенно другим человеком. И этот другой мог...

Я не раз говорил с ним один на один, говорил с его женой Аллой Леонидовной – дочерью знаменитого учёного-металлурга, Почётного сталевара СССР. Совсем девчонкой в годы Великой Отечественной она была санитаркой в войсках маршала Баграмяна. Говорил с его сыном Александром. Они тоже были обеспокоены состоянием здоровья, настроениями и поведением мужа и отца, но, как и мы, ничего сделать не могли: от лечения он категорически отказывался. «В штопор» он вошёл после президентских выборов 1996-го, когда рухнули его последние надежды на какое-то улучшение. Сорвался и на последней, недавно закончившейся книжной ярмарке, что и стало основной причиной появления комиссии.

Валерий Михайлович ушёл на пенсию. Весь коллектив переживал за него. Многие годы мы с ним довольно дружно работали, хотя и сложностей, особенно на первых порах, хватало (и в основном – по той же причине).

А вот цель, которую обозначила для издательства комиссия: «сохранение уникального в своём роде издательства России в условиях рыночной экономики», и тогда казалась мне гораздо менее реальной, чем возможность построения коммунизма в масштабах всего человечества, тем более что решать её предстояло мне, так как на собрании коллектива других кандидатур не было.

Все прочитанные мною труды мыслителей прошлого, весь личный опыт научной и практической работы убедили меня, что издательство «Мысль», сущность деятельности которого всегда состояла в том, чтобы вооружить людей пониманием и освоением многовековой человеческой мысли о построении совершенного общества, не сможет существовать в условиях, когда внедрение механизма рыночных отношений во все сферы общественной жизни стало целью государственной политики, основанной на попирании всех объективных законов, всех высших человеческих ценностей, извращении их и надругательстве над ними во имя обогащения узкого круга избранных в ущерб остальному населению.

Тупым самодуром я представлял себе налогового чиновника, который неоднократно возвращал «на доработку» новый вариант Устава издательства после переименования его в ОАО «Издательство “Мысль”». Причина была одна: в нашем варианте целью деятельности издательства назывался выпуск научной и научно-популярной литературы по актуальным проблемам общественного развития на высоком профессиональном уровне, а не как у него значилось в «шпаргалке» для всех – «получение максимальной прибыли». Со слезами на глазах Светлана Петровна Еремеева, наш главный бухгалтер, в очередной раз простоявшая с раннего утра до конца рабочего дня в очереди к окошку этого бюрократа, взмолилась:

– Да чёрт с ними, подпишите в их редакции. Всё равно этих паразитов не переубедишь.

В душе я послал «их» ещё дальше, но подписал, пожалев Светлану и не желая больше портить время на всякую мразь, с чувством высокого достоинства демонстрирующую свою элементарную безграмотность.

В отличие от подобного рода чиновников, в том числе и нашего ведомства, все сорок четыре штатные единицы, оставшиеся в строю к концу 1997 года, хорошо понимали нашу несовместимость со сложившейся рыночной реальностью. Научная книга, в противоположность развлекающей и развращающей, не является любимым продуктом для рынка, ибо по природе своей трудоёмка, малотиражна в большинстве случаев, долго реализуема при отсутствии централизованной системы распространения, которая уже давно рухнула. А значит, она не может дать высокой, быстрой и лёгкой прибыли – основной цели бизнеса. Куда проще нанять группу авторов, стремящихся стать писателями, вместо жизненного опыта вооружить их милицейскими протоколами, и они завалят рынок сериалами детективов и другого бульварного чтения. Именно в то время в телепередаче «Национальный интерес», посвящённой книгоизданию, руководитель одного из новых издательств сообщил, что за год он выпустил 14 миллионов книг. Тут же последовала реплика одного из участников дискуссии: «Но у вас в каждой книге глаза людям выдирают!» Ответ устроил и ведущего, и присутствующих: «Ну и что? Раз эти книги купили, значит они нравятся! И я горжусь, что смог удовлетворить интересы 14 миллионов читателей!» Я тоже горжусь, но тем, что наше издательство не выпустило ни одной такой книжки!

Несмотря на то, что общее состояние психологической угнетённости и неверия в будущее не покидало коллектив, творческий состав осознавал, что страна, опьянённая навязанным ей пониманием свободы как вседозволенности, потребительской психологией, потерявшая в результате развала систем образования и культуры ориентиры своего развития, не выберется из тупика без пробуждения общественного сознания, а потому необходимо, отбросив капитулянтские настроения, продолжать свои традиции и по силе возможностей способствовать возрождению России.

Само по себе директорское кресло меня никак не прельщало. Я никогда не испытывал интереса к чисто административной деятельности. Документооборот и «домашнее хозяйство», честно говоря, меня даже пугали. Но в такой обстановке приход «человека со стороны» неминуемо привёл бы к развалу коллектива. А между тем у нас уже вырос свой потенциальный директор.

Ещё в начале восьмидесятых, когда издательство активно оснащалось новой, компьютерной, техникой (во времена перестройки у нас её забрали в Единый технический центр), Госкомиздат навязал Водолагину на должность заместителя директора по производству «классного специалиста» – некоего О.М., оказавшегося обыкновенным аферистом. Он чуть ли не ежедневно стал заходить к директору с бутылкой водки и докладывать о своих успехах в разработке компьютерных программ, наглядно демонстрируя их. На самом же деле это были программы, взятые напрокат в 1-й Образцовой типографии. Партбюро вывело афериста на чистую воду, и он был уволен. По моему предложению (Валерий Михайлович посомневался, но потом согласился) на его место была назначена заведующая производственным отделом Роза Шарифовна Кожухова. За все последующие нелёгкие годы она прошла хорошую школу и при её высочайшей ответственности за дело, порядочности, доброжелательности к людям и безусловному профессионализму завоевала всеобщее уважение.

Я остался на двух должностях при одной зарплате, но отдав все финансовые дела в руки Розы Шарифовны и установив ей максимально возможный оклад (размер зарплаты директора, от которого рассчитывались остальные, нам продолжало утверждать Минпечати. Он был, как минимум, на порядок ниже, чем в коммерческих издательствах. Разница между максимальным и минимальным окладом была такая, что пенсии у всех оказались почти одинаковыми). Должность главного редактора оставалась свободной до тех пор, пока мы не оформили на неё, как говорят, «для авторитету», одного из основных распространителей наших книг, но ему не удалось решить наши проблемы, и нам пришлось с ним расстаться.

Никогда не любил набиваться на встречи в высоких кабинетах. Единжды, в далёком 1994-м, даже отказался от встречи на высочайшем уровне. Позвонила мне тогда из Администрации Президента бывшая жена моего друга, с которой моя жена на одном горшке сидела в детском саду, а я был знаком со студенческих лет:

– У нас завалилось твоё дело о присвоении звания заслуженного работника культуры. Поздравляю тебя, все документы подписаны. Я включила тебя в список на вручение удостоверения Президентом в Кремле.

– Спасибо за поздравление, но ты перестаралась. Можешь переиграть на министерство?

– Попробую. А почему?

– Не хочется пожимать руку твоему шефу.

Удостоверение мне вручил министр. Но тогда я обошёл правительственных и министерских кабинетов больше, чем за всю жизнь. Однако лишь в двух случаях встретил хотя бы взаимопонимание. Позвонил нашему автору, помощнику Президента Александру Яковлевичу Лившицу. Встретились у него в кабинете. После обстоятельного обсуждения ситуации он сказал:

– В отношении какой-то материальной поддержки на первое время – вопрос вполне решаемый. Но Вы правы, нужны кардинальные меры. Давайте встретимся через десяток дней, попробую чего-нибудь придумать.

Ещё до истечения назначенного срока он позвонил и сообщил, что получил новое назначение, а там ему будет не до наших проблем. Ну что ж, всяко бывает. Однако добросовестнейший Александр Яковлевич всё-таки направил в министерство письмо с просьбой оказать помощь издательству. Вместо реальной помощи я получил «втык» за обращение в Администрацию Президента.

Прошло не так много времени, и мне удалось через нашего бывшего редактора Светлану Крыштановскую, работавшую референтом у В.И. Матвиенко (тогда Заместителя Председателя Правительства РФ), пробудить интерес у своей шефини к судьбе издательства. Только-только с её помощником мы начали готовить предложения в Правительство, как Валентина Ивановна стала губернаторшей. Помощник опять-таки не на-

шёл ничего лучшего как направить в министерство моё первоначальное письмо, где остро критиковалась политика не столько министерства, сколько государства в области издательского дела. Тут уж я получил по полной программе в письменном виде с обвинениями в критиканстве и консерватизме. Мне очень хочется, чтобы Вы, дорогой читатель, прочли мой ответ. Надеюсь, получите представление о характерных чертах той эпохи (письмо отправлено в середине июня 2001 года).

МПТР
Начальнику Управления
издательской деятельности
и книгораспространения
Н.С. Литвинец (лично).

Уважаемая Нина Сергеевна!

Решил обратиться к Вам в письменной форме, так как ни в телефонном общении, ни даже при аудиенции у Вас в условиях аппаратной суеты обстоятельный разговор практически невозможен.

Меня удивляет одно: неужели в нашем ведомстве до сих пор не созрело понимание того, что на фоне чисто внешнего благополучия (растёт количество названий выпускаемой литературы!) уже разразился кризис отечественного книгоиздания, выражающийся в том, что книга из носителя культуры в основной своей массе превратилась в антикультуру? Или это сознательное продолжение политики конца восьмидесятых – девяностых годов, когда всё, даже то, что составляло национальное достояние народа, подвергалось уничтожению только потому, что имело отношение к советскому периоду развития России?

Не пора ли, наконец, горделиво провозглашая, что Россия снова становится самой читающей страной, спросить себя: а что читающей? Посмотрите внимательно на подборку сигнальных экземпляров в любом номере «Книжного обозрения», на рейтинг продаж. Вам не страшно за будущее страны?

Практика последних лет убедила общество, что дикий рынок сам по себе неотрегулирует общественных отношений, что необходима регулирующая роль государства, его

укрепление. Но эта тенденция пока никак не проявилась в нашей отрасли. Её руководители неоднократно заявляли, что видят свою задачу в том, чтобы создать всем издательствам, независимо от форм собственности, одинаковые условия для конкуренции на рынке. Но давайте вспомним историю, тот самый старт реформ, когда наряду с государственной появились частные формы собственности. Образно картину можно представить так: двум солдатам, молодому и старослужащему, командир ставит задачу совершить многодневный марш-бросок, но старослужащего заставляет снять сапоги, вещевой мешок с харчами и фляжку с водой (ты, мол, опытный, и так обойдёшься) и отдать всё молодому; а теперь – вперёд!

Практически все оборотные средства государственных издательств и государственной книжной торговли мгновенно были перекачены в нарождающиеся кооперативы, создав им условия не только для расширенного воспроизводства, но и для получения сверхприбыли. Государственные же издательства вынуждены были выживать за счёт сокращения выпуска, штатов, площадей, расходов на технику, замораживания зарплаты... И почти все выжили, сохранив определённый потенциал.

Наверняка коллективы государственных издательств добились бы большего, если бы политика МПТР искусственно не лишила их перспективы три года назад.

С Вашей точки зрения «Мысль» «утратила монопольную позицию в издании философской литературы». Но, во-первых, она никогда и не была монополистом, а сегодня это и противозаконно, а во-вторых, ведущие позиции в издании научной литературы измеряются не рейтингом продаж, а индексом цитирования, включённостью литературы в научный оборот. По этому показателю «Мысль», несмотря на значительное сокращение выпуска, не уступает большинству издательств страны и продолжает пользоваться авторитетом «одного из самых научно-академических» за рубежом. Значительная часть философской, исторической, географической литературы, выпускаемой сегодня другими издательствами, является перепевом изданного «Мыслью» ранее или отредактирована нашими работниками на внештатных началах.

По большому счёту на положение государственных могут претендовать... издательства, чей профиль непосредственно связан с осуществлением государственной политики. Наверное, в масштабах «процветающей» отрасли можно решить проблемы их эффективного функционирования, причём решить кардинально, а не спорадическими вливаниями на издание отдельных книг. Главный момент: обеспечение преемственности редакторских кадров научной общественно-политической литературы – этого золотого фонда отрасли, который определяет её уровень. Возродить воспроизводство кадров государственные издательства без бюджетной поддержки могут лишь при наличии государственной бюджетной книготорговой сети, обеспечивающей социально значимой литературой хотя бы библиотеки и центры регионов. Любую другую сеть сегодняшний дикий рынок сожрёт с потрохами...

Поэтому дело вовсе не в консервативном менеджменте государственных издательств (консерватизм – не всегда ругательное слово. Он бывает очень полезен), а в том, что их руководители не утратили ответственности перед государством и обществом, продолжают, несмотря на крайне неблагоприятную конъюнктуру, делать не деньги, а книги. Этого, к сожалению, не хотят понимать руководители отрасли, превратившейся в одну из разновидностей шоу-бизнеса, когда большинство выпускаемой литературы не помогает формированию личности, а разлагает её.

Когда понимание этого придёт, а оно не может не придти, не к нынешнему поколению, так к будущим руководителям наверняка, как стало обычаем на Руси, уже будет поздно, и опять всё придётся начинать с нуля. Так будем тешить себя надеждой, что лет через 30-40 в России снова возродится культура книгоиздания. Что такое потерянных ещё почти полвека для её тысячелетней истории? Пустяк, на который не стоит обращать внимания.

Тимофеев Е.А.

PS. Надеюсь, И.Я. (заместитель адресата – Е.Т.) проинформировала об обстоятельствах моего обращения в Правительство. Серьёзного разговора о перспективах отрасли директора госиздательств ждали все эти три года. Но

не дождались. Возможно, вопрос и обсуждался на издательском совете Министерства, но ни одного представителя госиздательств там нет, зато много «специалистов» из таких изданий, как «Спид-Инфо», «ТВ-Парк» и т.д. Мы же с некоторых пор даже не входим в своё (?) Министерство...

Искренне желаю здоровья и успехов.

Думаю, что особых пояснений здесь не требуется. Обещая не мучить в дальнейшем читателя историей злоключений «Мысли» и документальными свидетельствами того периода, процитирую ещё лишь одно своё письмо, второй экземпляр которого у меня случайно сохранился, человеку, достаточно хорошо известному и в советское, и в послесоветское время, который тогда занимал весьма скромный по сравнению с предшествующими пост Президента Ассоциации книгоиздателей России.

*Ассоциация книгоиздателей
Лаптеву И.Д.*

Многоуважаемый Иван Дмитриевич!

К сожалению, из-за болезни не смог оперативно ответить на Ваше письмо. Сказались нервные перегрузки и то, что восемь лет не был в отпуске. Прошу извинить, но пришлось проваляться в больнице.

Теперь о главном в Вашем письме. «Мысль» всегда активно участвовала в работе АСКИ, за что, подчас, и попадала в немилость у Минпечати. Ваш приход в АСКИ вселяет надежду на значительный рост её эффективности и авторитета, и мы с большим желанием готовы участвовать в этом.

Однако период выживания, на которое Вы нас (государственных издателей) когда-то (когда он был Председателем Госкомпечати РФ в правительствах В.С. Черномырдина, С.В. Кириенко и Е.М. Примакова и утверждал меня в должности директора – Е.Т.) ориентировали, чрезвычайно затянулся и, как Вы знаете, не по нашей вине. То, что мы могли, мы делали, и часто – сверх того. Жертвуя материальными благами и здоровьем, старались спасти для страны старейшее теоретическое издательство, школу научного редактирования. Но наши усилия не совпали с политикой Минпечати, проводимой от

имени государства. Вы лучше меня понимаете разницу между государственной политикой и политикой Минпечати). В результате финансовое положение издательства сегодня, особенно после ввода НДС, самое тяжёлое за последние пять лет. Перманентная реорганизация государственных издательств, ведущаяся уже третий год и в очередной раз объявленная к окончанию в июле с.г.(2002 – Е.Т.), отталкивает от сотрудничества авторов и партнёров, порождает неуверенность в будущем у коллектива.

Как в этой ситуации можем мы прогнозировать своё сотрудничество с АСКИ? Я уже не говорю о том, что мизерная, в принципе, сумма членского взноса является для нас чрезмерной в условиях, когда издательство по крохам набирает деньги на платежи в бюджет и с задержками – на зарплату.

Потерпите до осени, Иван Дмитриевич! В конечном счёте наши шесть пятьсот не решают финансовых проблем АСКИ. Если не удушат до осени – рассчитаемся. Сейчас идёт подготовка двух капитальных изданий: шеститомника «История суда в России» и двухтомной «Социологической энциклопедии». Эти заказы нас выручат.

А подробнее – при встрече. Есть о чём посоветоваться. Всего Вам доброго!

С уважением Тимофеев Е.А.,
директор издательства «Мысль».

Письмо относится к началу 2002 года. Но до этого времени ещё надо было дотянуть, пережив дефолт. А тогда, в 1998-м, только что утверждённому директору очень хотелось поднять настроение коллективу. Накануне 8 Марта весь наш, в основном женский, коллектив (соотношение хуже, чем в Иваново: на сорок женщин – три мужика) втиснулся в мой кабинет (в директорском разместили производственный отдел). Поздравив всех с наступающим праздником, пообещал, что в ближайшее время краха издательства не будет, главное теперь зависит от оперативности и качества нашей работы, которые коллектив продемонстрировал в предшествующем году выпустком пятитомника «Антология мировой политической мысли».

Эта «Антология» стала первой ласточкой нашего плодотворного сотрудничества с Национальным общественно-научным фондом, созданным успешным бизнесменом, в то время только входящим в большую политику, Геннадием Юрьевичем Семигиным, который был руководителем и спонсором всех наших совместных проектов. Его правой рукой, вице-президентом Фонда, главным творческим и организаторским двигателем проектов стала доктор политических наук профессор Любовь Николаевна Алисова, которую я знал ещё по совместной работе в Воронеже, когда был там секретарём горкома партии по идеологии, а она – секретарём Центрального райкома тоже по идеологии. Вот с нею мы на примере «Антологии» и отработывали методику совместной подготовки и издания капитальных трудов по основным направлениям общественного знания, так необходимых обществу на изломе эпох. Совместная работа специалистов Фонда и издательства с ведущими учёными академических институтов и вузов Москвы, других городов и даже иностранными начиналась с разработки плана и структуры издания, принципов подбора авторов (а их в некоторых проектах насчитывались сотни) и требований к качеству материалов и заканчивалась контролем редакционных коллегий на всех этапах осуществления проекта. В результате за рекордно короткие сроки последовали: двухтомная «Политическая энциклопедия», пятитомная «Антология мировой правовой мысли», четырёхтомная «Новая философская энциклопедия», двухтомная «Социологическая энциклопедия», шеститомное издание «Судебная власть в России. История, документы». Какой научный центр и какое издательство в те годы могли свершить такое! Не случайно Г. Ю. Семигин был объявлен Человеком года в области науки вместе с Жоресом Ивановичем Алфёровым, а за создание «Новой философской энциклопедии» наряду с руководителями Института философии Академии наук РФ удостоился звания лауреата Государственной премии. На презентации в «Национале» по случаю двух «человеков года» Нобелевскому лауреату не было необходимости демонстрировать свои заслуги. А вот Геннадию Юрьевичу пришлось выставить на больших стендах вдоль стен всю нашу совместную продукцию, и она выглядела очень убедительно. За этот вечер я общался с Жоресом

Ивановичем совсем немного, однако навсегда осталось ощущение духа его не только научной, но и житейской мудрости.

Наши редакторы доказали, что «есть ещё порох в пороховницах», работая один за десятерых. Все издательские службы также оказались на высоте. За эти же годы мы выпустили ещё ряд значительных работ: пятитомник «Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков», две книги Е.М. Примакова – «Восемь месяцев плюс...» и «Мир после 11 сентября» – и другие.

К великому сожалению, получив от своего Фонда то, что он смог получить, Г.Ю. Семигин не стал продолжать проект, и через несколько лет Фонд прекратил существование. Такая же участь ждала и наше издательство.

С начала нового века я ни разу не был в Минпечати. Из ГУПа нас превратили в ОАО, создали Совет директоров, в который, кроме меня, вошли два чиновника нашего министерства и два, в том числе и председатель правления ОАО, из Минимущества, но этот Совет так и не собрался за все годы его деятельности. Ведь «Мысль» – не Газпром. «С нищих взятки гладки», как говорят. Правда, председатель иногда привозил готовые протоколы липовых заседаний. От случая к случаю Агентство печати финансировало нам производство отдельных книг, но мы давно поняли, что жить можем только за счёт заказных изданий, а их было слишком мало, чтобы платить налоги, аренду, зарплату...

Очередной скачок арендной платы заставил нас ужаться до одного кабинета и срочно искать пристанища. Беспредел продолжался. Новоиспечённая по жульническим стандартам фирма (два фиктивных «физических лица» сбросились по пять тысяч и зарегистрировались) выкупила под давлением права на соби́рание арендных платежей у бывшей «Союзкниги» и стала пиратствовать. По слухам, давление было не только со стороны, но и сверху: директор молчал как партизан, но свалился с сердечным приступом.

Поехал посоветоваться к земляку, ректору успешно развивающегося Российского государственного социального университета академику Василию Ивановичу Жукову. Тот подсказал вполне разумную идею: передать находящиеся в государственной собственности акции «Мысли» Университету в доверительное управление и тем самым сохранить её. Мы об-

судили все выгоды и возможности такого сотрудничества, оно представлялось нам очень перспективным. Василий Иванович с кем-то переговорил по телефону, ему ответили, что это вполне реально, и мы тут же сочинили письмо в Правительство, договорившись по разным каналам проталкивать хорошее дело. А пока будет приниматься решение, была дана команда наши книги, архив и склад разместить на территории университета, а нас – в небольшой особнячок на Профсоюзной улице, сдаваемый университетом в аренду. Там для нас всем необходимым оборудовали несколько кабинетов. Это был седьмой наш переезд за последние пятнадцать лет, но первый – за пределы нашего родного здания на Ленинском проспекте, 15.

Стремясь ускорить решение жизненно важного для издательства вопроса, созвонился с Е.М. Примаковым и напросился на прием. Евгений Максимович посоветовал подкрепить наше ходатайство письмом на имя Суркова В.Ю., что я и сделал. Кратко изложив суть проблемы, попросил аудиенции.

В томительном ожидании шло время. Тем не менее издательство продолжало работать, хоть и потеряло ещё больше половины бойцов. Выпустили ряд монографий, в том числе и работу проректора университета по науке Г.И. Осадчей, две книги воспоминаний земляка-воронежца генерала армии Анатолия Ивановича Грибкова – бывшего начальника штаба Объединённых Вооружённых сил государств – участников Варшавского договора – первого заместителя Главнокомандующего ОВС, одного из активнейших руководителей операции «Анадырь», как называлась акция по размещению советских ракет на Кубе (обе книги выходили по заказу Совета ветеранов Великой Отечественной войны Москвы и оплачивались московским правительством); 60-летию Нюрнбергского процесса были посвящены два актуальнейших издания: «Без срока давности» и «Уроки Нюрнберга». Последним капитальным трудом оказался шеститомник А.С. Шушарина «Полилогия современного мира», привлекающий читателя широтой и глубиной анализа исторического процесса в двадцатом веке, высокой эрудицией автора, использовавшего для обоснования своей точки зрения более трёх тысяч источников. Автор не успел довести свой труд до печати. За него это

сделали дочь и жена, подготовив рукопись и оплатив работу издательства.

Параллельно шла работа по изучению специфики, потенциальных возможностей РГСУ, его издательской базы, подготовке плана совместной деятельности. Работали и напряжённо ждали, когда сработает чиновничья бюрократическая машина. Позвонил в секретариат Суркова, поинтересовался, где моё письмо. Оказалось, что оно передано заместителю начальника управления Островскому М.В. Звоню тому – он не может найти, просит, чтобы я прислал копию. Отправил копию и попросил принять меня. Тот пообещал на следующей неделе, потом сказался больным, потом уехал в командировку, а, вернувшись, сообщил, что письмо отправлено в Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом для принятия решения. Вот тебе и «идеологи»! От этого ведомства ничего разумного за пятнадцать лет ничего не видел. Осталось ждать реакции на наше совместное письмо.

Как-то в разговоре с новым проректором по науке М.И. Кодиным почувствовал, что он чего-то не договаривает. Понял, что он располагает какой-то информацией и скорее всего от Жукова. До него я очень длительное время не мог дозвониться ни по прямому телефону, ни по мобильнику, ни через секретаря, хотя знал, что он на рабочем месте. А через несколько дней всё стало предельно ясно: пришло письмо из Федерального агентства по управлению федеральным имуществом, в котором сообщалось, что в просьбе нам отказано, так как издательство «Мысль» внесено в план продажи на очередных аукционах и это будет сделано сразу после подписания плана Правительством. Зная уровень наших «государственных деятелей», рассчитывать на то, что кто-нибудь из них без личной заинтересованности приостановит данное решение, было бесполезно. Судьба «Мысли» была предопределена бюрократизмом и невежеством.

Когда-то В.И. Жуков выражал готовность даже купить издательство на аукционе, однако в письме недвусмысленно, хотя и вскользь, говорилось, что приобретение государственным учреждением государственного же предприятия вряд ли осуществимо. А потому проректор университета по хозяйственной части Олег Николаевич Шатров, так заботливо при-

ютивший нас в своё время, дал нам две недели на то, чтобы освободить помещение. Мы к этому уже были готовы: основная часть сотрудников находилась в отпусках без содержания, лишь небольшая оперативная группа заканчивала выполнение последних заказов. 25 июня 2008 года я сообщил Агентству по управлению федеральным имуществом о прекращении деятельности издательства «Мысль», а там никак не могли определиться с ценой. В конечном итоге нас продали за четыре с небольшим миллиона рублей. Так закончила своё существование «Мысль», оставившая глубокий след в культуре и науке России. Выпущенные нами книги будут нам вечным памятником. Я горжусь, что в течение более тридцати лет был удостоен чести работать в этом прославленном коллективе и сегодня кланяюсь тем, кто оставался со мной рядом до конца. Не могу не назвать их имена:

Кожухова Роза Шарифовна – заместитель Генерального директора;

Омельяновская Евгения Михайловна – главный художник;

Антонов Вадим Степанович – ведущий специалист по исторической литературе;

Рыжова Майя Алексеевна – ведущий специалист по философии и социологии;

Невзорова Ирина Анатольевна – ведущий специалист по географии;

Матешук Александра Васильевна – ведущий специалист по истории философии;

Тополев–Солдунов Юрий Викторович – ведущий специалист производства;

Орехова Татьяна Ивановна – заведующая корректорской;

Еремеева Светлана Петровна – главный бухгалтер;

Федюшкина Татьяна Геннадьевна – зам главбуха, кассир, кадровик;

Синцорова Инна Петровна – заведующая художественным архивом.

Каждый и каждая из них заслужили много добрых слов за их верное и самоотверженное служение «Мысли», но, увы, мои возможности и время ограничены.

И всё-таки история «Мысли» и моя на рассказанном не закончилась, однако писать об этом рано.

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Слово о настоящем человеке

Не помню, когда и как мы познакомились, но у меня такое ощущение, что он всегда был и остаётся в моей жизни, то где-то близко, то совсем рядом. И теперь, когда бываю в Воронеже (к сожалению, всё реже и реже), обязательно приезжаю на Коминтерновское кладбище, побываю у могилы отца и матери, а потом перехожу через главную кладбищенскую дорогу, туда, где почти напротив уже покоятся многие мои бывшие сослуживцы, друзья и товарищи, но дольше всего задерживаюсь у памятника Гавриилу Николаевичу Троепольскому и вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю...

Вместе с отцом (они с Г.Н. погодки, отец постарше) в составе группы военных охотников поздней дождливой осенней ночью возвращаемся с охоты на грузовой машине. Уже недалеко от Воронежа фары неожиданно выхватывают из темноты «Москвич», безуспешно пытающийся преодолеть крутой подъём на самом выезде с просёлочной дороги. Тормознули, быстро выскочили из кузова и почти на руках (а нас было больше десятка) буквально вынесли легковушку на шоссе. Водитель вышел из машины поблагодарить за выручку. Что-то знакомое в фигуре заставило подойти поближе, а уж когда он произнёс: «Спасибо, ребята!», сомнений не осталось:

- Привет, Гаврил Николаич!
 - О! Алексеич, здравствуй! Откуда тебя бог принёс?
 - С охоты.
 - Да я вот тоже выбрался.
- Из машины меня уже торопили.
- Ну, счастливо доехать!
 - Да теперь уж доеду. До встречи!

Залез в кузов, машина тронулась вслед за «москвичком».
— Что, знакомого встретил? — спросил кто-то из охотников.
— Да ведь это Троепольский, наш воронежский писатель!
— Что?! Знал бы, не пошёл бы вытаскивать ни за что. Шум какой поднял на всю страну!

Это было ещё одно тяжёлое для Гавриила Николаевича время. Он выступил в газете «Известия» с блестящей статьёй, критикующей непродуманную мелиорацию, с большим ажиотажем проводившуюся в стране, в том числе и в Воронежской области. Сам агроном, большой любитель природы, он мужественно защищал судьбу не только своей родной Потудани, но и других больших и, особенно, малых рек. На его беду одним из авторов проекта и прямым организатором его осуществления был Степан Дмитриевич Хитров, первый секретарь Воронежского обкома КПСС. А Степан Дмитриевич очень не любил, когда ему возражали, да ещё столь публично. Нет, Троепольского не травили, на него не давили, разве только намёками. Но вокруг него создалась такая атмосфера, что его как будто перестали замечать. И он это чувствовал и очень болезненно воспринимал, так как терпеть не мог несправедливости. Да и писалось ему в то время плохо. Дошло до того, что неотмеченным осталось даже шестидесятилетие Троепольского, а это уже выходило вообще за рамки приличия по отношению к писателю такого уровня.

Меня в то время в Воронеже не было (заканчивался второй курс аспирантуры в Академии общественных наук при ЦК КПСС), но ситуацию я знал со слов моего давнего друга Михаила Алексеевича Грибанова, который искренне любил Гавриила Николаевича и очень переживал за него. «Ситуация» изменилась самым неожиданным образом, и, между прочим, благодаря кадровой политике КПСС, исправлявшей последствия хрущёвских экспериментов. В Воронеже восстанавливался горком КПСС, и меня, не спрашивая и даже без всяких предварительных разговоров (правда, тогда меня и в Москве не было: в новосибирском Академгородке был одним из руководителей масштабного социологического исследования), дав двадцать дней на сдачу последних экзаменов и оставив за мной право защиты диссертации в академии, Секретариат

ЦК КПСС направил в распоряжение Воронежского обкома с рекомендацией избрать секретарём нового горкома. А Степан Дмитриевич Хитров немного позже и, конечно, другим решением был направлен на работу министром сельского строительства СССР.

Первым секретарём обкома избрали Николая Михайловича Мирошниченко, человека мягкого, интеллигентного, учёного с душой художника, который сам увлекался живописью. Жаль, что ему не хватило воли и характера, чтобы справиться с самим собой, и он вынужден был вскоре уйти с партийной работы. Буквально через несколько дней после его вступления в должность я позвонил ему и напросился на приём. Он тут же пригласил меня.

— Николай Михайлович! У меня к Вам пока только одна просьба: найдите, пожалуйста, время для встречи с Гавриилом Николаевичем Троепольским и как можно быстрее.

Я обстоятельно обосновал эту просьбу. Он выслушал, не перебивая.

— Хорошо, пригласите его ко мне завтра.

Позвонил Троепольскому, и на другой день он прибыл к назначенному времени. На беседе я по договорённости с Мирошниченко не присутствовал, но после неё Гавриил Николаевич зашёл ко мне в кабинет, и уже по его виду я понял, что результатом доволен.

— Да, всё в порядке, — подтвердил он...

Только-только успели воронежцы отметить шестидесятипятилетие Троепольского, награждение его орденом за вклад в советскую литературу, как новая повесть писателя «Белый Бим Чёрное ухо», вышедшая огромными тиражами на разных языках, покорила сердца читателей многих стран мира. А потом — триумф фильма и Государственная премия СССР. Вот что значит талант, помноженный на хорошее настроение!

Но в реальности Бима не было. Вернее, Бимов появилось много, даже очень много, но — после выхода книги и особенно фильма. Мой сын Серёжка тоже обзавёлся своим Бимом. На самом деле был Лель. И совсем он был не белый, а каштановый и шёлковый. И уши у него были такие же и без всяких пятен. А вот умным он был таким же, как Бим.

Когда я первый раз пришёл домой к Гавриилу Николаевичу, Лель, махнув приветственно хвостом хозяину, настороженно уставился на меня.

– Лель! Это наш сосед (мы жили несколько лет в одном доме на Студенческой). Познакомься!

Лель подошёл, обнюхал меня и вежливо посторонился, давая мне возможность пройти в прихожую. Увидев, что хозяин сбрасывает ботинки, он притащил ему тапочки и поставил правый – под правую ногу, левый – под левую, а потом сопроводил нас в комнату.

– Лель! Я сегодня газеты не читал.

Пёс возвращается в коридор, аккуратно берёт с тумбочки зубами стопку газет и протягивает их хозяину. Гавриил Николаевич довольно улыбается, из него так и выпирает гордость за своего питомца. А я люблюсь им: не часто приходилось видеть его в таком благодушном настроении, по-настоящему счастливым.

– Лель! Я тебя давно не видел, давай поговорим.

Лель становится лапами на колени Троепольского, почти упираясь своей физиономией (язык не поворачивается назвать её мордой) в лицо хозяина, и начинает то жалобно подвывать, то урчать про что-то. Но это понимает только сам Гавриил Николаевич.

Пока мы беседуем, пёс лежит рядом на ковре, явно прислушиваясь, но как только расставляем шахматы, Лель тут же вскакивает на свободный стул и наблюдает за поединком с таким выражением, что кажется: он вот-вот начнёт подсказывать хозяину.

В другой раз Троепольский похвастался своим новым ружьём, которое ему кто-то подарил. Оно действительно стоило того, чтобы им восхищаться: старинное, но в очень хорошей сохранности, лёгонькое, с отливающими серебром витыми стволами, автоматически убирающимся в приклад ремнём.

– Ну что, может, поедем под Чертовицк на уток? – предложил я.

– Нет, мне, честно говоря, на уток уже тяжело. Давай-ка махнём в том же направлении, но на вальдшнепа. Я тебе покажу своё любимое место. Тяга там всегда отличная. И этот друг, – кивнул он на Леля, – покажет, на что способен, а то совсем засиделся.

И на другой день, к вечеру, мы «махнули» по Задонскому шоссе, но свернули направо, не доезжая Чертовицка, почти сразу за аэродромом, где сейчас выходит на московское шоссе окружная дорога. Проехали совсем немного и остановились. Направо внизу тянулся длинный лог, по краям заросший лесом, а посередине – невысоким кустарником. Тяга была действительно отличная. Мы оба стреляли и не всегда мимо. И Лель проявил себя блестяще: не только подобрал битых птиц, но и взял двух подранков.

Несколько лет назад мы с сыном возвращались из Воронежа в Москву по окружной, чтобы избежать почти московских пробок в центре города. По моей просьбе он остановил свой «Ленд Крузер» напротив того места, где тогда стоял «москвичок» Троепольского, и мы перешли на другую сторону дороги.

– Вот здесь, Серёж, я и автор «Белого Бима» охотились на вальдшнепа.

Место было почти неузнаваемо: кустарник стал лесом, а над ним с удлинённой взлетной полосы аэродрома с рёвном вместо характерного хорканья проносились уж очень крупные «вальдшнепы».

Конечно, во время наших встреч мы не только играли в шахматы или стреляли по вальдшнепам. Обсуждали дела в писательской организации, обменивались мнениями о жизни города, области, да и всей страны. Я учился у него неторопливой мудрости, обстоятельности в оценке людей и событий, в разговорах с ним постигал то, что знать жизнь и понимать её, как говорят, – две большие разницы. В его искренности я был убеждён абсолютно. Это убеждение было основано на знакомстве с его творчеством. Книги лучше всего, объективнее всего характеризуют своих авторов, и я верил автору «Записок агронома», потому что видел подтверждение его позиции в реальностях жизни воронежских сёл; я верил в искренность его чувств и слов, когда читал повесть «В камышах», потому что много лет почти все выходные дни каждой осенью проводил в тех же камышах, встречал те же рассветы и закаты, дышал тем же вольным ветром, любовался той же красотой придонья. А уж «Белый Бим Чёрное ухо» – это вообще лакмусовая бумажка на человечность и бесчеловечность как для автора, так и для читателя!

Среди своих коллег Гавриил Николаевич всегда пользовался уважением, особенно среди писательской молодёжи. «Два деда», как любовно называли друживших между собой старейшин – его и Евгения Дмитриевича Люфанова – очень благоприятно влияли на климат в большом и довольно сложном коллективе воронежских писателей. Но однажды произошёл «всплеск», в котором совершенно неожиданно в «главных героях» оказался я.

Группа писателей «накатала» в ЦК КПСС жалобу, в которой обвинила заведующего отделом культуры Воронежского обкома КПСС (то есть меня) в том, что он поддерживает беспартийного писателя Троепольского, который пишет о собаках, а их, писателей-коммунистов, пишущих о Великой Отечественной войне, зажимает. Благо в Отделе культуры ЦК хорошо знали и Троепольского, и меня и прекрасно понимали, что «телега» – лишь проявление чёрной зависти в связи с триумфом «Белого Бима». Когда мне по телефону зачитали письмо, не называя фамилий авторов и в то же время не говоря, что это анонимка, я сам тут же назвал фамилии и предложил обсудить письмо на собрании писателей в присутствии представителя Отдела. Ответ был короткий: «Нам всё ясно. Разбирайтесь сами, копию письма пришлём».

Что касалось издания «Белого Бима», то рукописи такого уровня «проталкивать» было не нужно. За ними издатели сами охотились. Проблема в данном случае заключалась в том, чтобы соблюсти интересы автора, читателей, Воронежской области – родины писателя и страны в лице одного из столичных издательств. Решать эту нелёгкую задачу пришлось Председателю Госкомиздата СССР Борису Ивановичу Стукалину, земляку-воронежцу, а для Троепольского – дважды земляку (Борис Иванович – острогожец, и он тоже знал, ценил, уважал и любил Гавриила Николаевича. Ну что уж тут поделаешь!).

На судьбу рукописей двух авторов письма я действительно в какой-то степени повлиял, согласившись с мнением издательства об их крайней слабости. Я до сих пор вспоминаю тот неудавшийся роман о войне одного из них, когда смотрю некоторые современные фильмы о Великой Отечественной. Сплошная профанация! Что мог написать про войну человек,

не имевший отношения к армии, просидевший огненные годы в Ташкенте? Для меня, выросшего в армии, ещё недавнего военного журналиста, было бы кощунством рекомендовать этот бред к печати только потому, что автор – член партии и когда-то Максим Горький, вроде бы, похвалил один его рассказ. Второй автор жалобы, явно спровоцированный первым, – активный участник войны, боевой капитан, освобождавший Прагу, но простодушный до того предела, когда казалось, что юношескую наивность он отложил на послевоенное время. Не его вина, что война отняла у него возможность учиться и сама стала его высшей школой. А там учили стрелять, а не писать. Свои искренние чувства и богатые впечатления он вполне доходчиво излагал в своих выступлениях в различных аудиториях, но облечь их в литературные формы ему было крайне трудно: сказывался недостаток общей культуры. Знал я и секрет ещё недавних «творческих удач» обоих. Пока в издательстве работал редактором талантливейший Иван Толстой (уже сама фамилия ко многому обязывает), некоторые местные писатели спокойно отдавали ему свои полуфабрикаты, и Иван самоотверженно делал из них довольно приличные книги. Это была большая утрата для воронежской культуры, когда в сорок четыре года Иван Толстой умер.

На собрании я ничего этого не говорил, просто зачитал письмо, высказал своё мнение, что, если авторы считают повесть «Белый Бим Чёрное ухо» произведением о собаке, они не имеют права называть себя писателями, и попросил высказаться по этому поводу, а также привести конкретные факты «давления» со стороны Отдела культуры обкома. Никто из собравшихся и выступавших не поддержал жалобщиков, а сами они отмолчались. Всем всё было ясно. Не случайно зависть называют самым страшным грехом, с неё начинается большинство преступлений.

Тропольского на собрании не было. Он всегда остро реагировал на любую несправедливость и глубоко переживал её, но предпочитал это делать в одиночку.

Довольно часто Гавриил Николаевич бывал в Москве. Ездил туда, как правило, на своей машине сам за рулём и по ночам. Ездил проведать двух самых близких ему людей – родную дочь и старого друга Александра Твардовского. Как-то,

вернувшись из очередной поездки, он был в весьма мрачном настроении. После заседания редколлегии журнала «Подъём» даже не остался, как обычно, сыграть в шахматы. Мы вышли вместе. По дороге я не удержался, спросил:

– Чего не в духе, Гаврил Николаич?

Он ответил не сразу. Я уже подумал, что вообще отмолчится и собирался извиниться, но через несколько шагов вдруг услышал произнесённое с болью:

– Да к Александру Трифоновичу прилипла мразь всякая окололитературная. Пользуется его бедой, спаивает и ворочает им, как хочет...

Подробностей я не ждал. И так было сказано слишком много. Он настолько любил и бесконечно уважал Твардовского, что буквально страдал от ощущения своего бессилия приостановить уже неотвратимое падение друга. Я понимал это, но кого он имел тогда в виду, узнал только сейчас, почти через сорок лет, в результате «чистосердечного признания» одного из адресатов проклятий Троепольского. В передаче канала «Россия» «Подстрочник», горячо рекламируемой Леонидом Парфёновым, госпожа Лилиан Лунгина, расписывая «заслуги» диссидентского движения, вспоминает с улыбкой, как вместе со своими друзьями приглашала к себе домой Твардовского и «под водочку» обсуждали с ним дела журнала «Новый мир». И у меня на глазах при упоминании водочки самодовольная улыбка госпожи Лунгиной превратилась в злобно-торжествующую: «Вот мы их как!». Да, в этих руках и «сладка водочка» становилась змеиным ядом!

У меня и сейчас, когда пишу эти строки, перед глазами выражение лица Гавриила Николаевича, на котором одновременно отразились и вся сила любви к другу, и вся сила ненависти к его убийцам. И только сейчас я постиг основы духовной связи Троепольского и Твардовского. Они значительно шире понятия «любовь». Истинно народный писатель не мог не сойтись с истинно народным поэтом, потому что и тот и другой в своём творчестве воплощали сущность русского человека с его чрезвычайно развитой совестью и неудержимым стремлением к справедливости и оба соответствовали этой сущности. Но прозаик оказался крепче характером, чем поэт.

После моего перевода в Москву в 1977 году мы с Гавриилом Николаевичем, к великому сожалению, не встречались, лишь обменивались периодически приветами через общих знакомых. Но одна встреча всё-таки состоялась, правда, заочная. Судьба свела меня в двухместном купе «Красной стрелы», отправлявшейся в Ленинград, со Станиславом Ростockим, с которым я познакомился на юбилее Троепольского. Мы всю ночь проговорили о нём: о том, как сложно рождался фильм про Бима; о том, получился ли в его хозяйне автопортрет хозяйина Леля; о том, как создавался ролик юбилейного приветствия Бима Гавриилу Николаевичу; о том, кто такой настоящий художник и настоящий человек в наше время....

В моей памяти Гавриил Николаевич Троепольский навсегда остался светлым человеком. Кто-то считал его угрюмым, замкнутым, но на самом деле он был очень общительным, однако очень требовательным и к себе, и к окружающим. Он редко улыбался, но в такие моменты мне казалось, что улыбка на его тёмном морщинистом лице светится, излучая какую-то мудрую святость, а точнее – святую мудрость.

Каждый раз, когда воронежцы, живущие и работающие в Москве (а нас здесь много) собираются на свои традиционные встречи и когда говорят о земляках, составляющих славу не только своего родного города, но и всей России, среди первых называется имя Гавриила Николаевича Троепольского. И так будет от поколения к поколению!

Еще одна несбывшаяся мечта

Земля Кольцова и Никитина – так называют Воронежскую область. Оба эти замечательные поэта составляют славу России, и оба пользуются особой любовью у своих земляков. Это сегодня, когда Россия вновь стала, по словам Ивана Саввича, «царством взятки и мундира», их творчество почти забыто. Но как растить молодых патриотов (а необходимость этого уже, вроде бы, начали признавать) без такого литературного наследия? Нельзя сызмальства не знать таких строк:

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.
Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

Но в сценическом плане больше повезло Алексею Кольцову. Давно уже в воронежском драматическом театре, носящем его имя, был поставлен спектакль о нём, вышел художественный фильм, а в молодом театре оперы и балета ничего подобного не было. Как-то, обсуждая с руководством театра перспективы репертуара, я внёс предложение подумать о «фирменном» спектакле. Меня поддержали директор Михаил Ефимович Грач и народный артист РСФСР Евгений Иванович Пойманов. Тут же пришли к общему мнению, что это должна быть опера об Алексее Кольцове, а её автором должен быть не кто-нибудь, а сам Свиридов, так потрясаяще умеющий выразить в музыке душу русского народа.

Во время первой же служебной командировки в Москву я предпринял попытку связаться со Свиридовым. В секторе музыки Отдела культуры ЦК КПСС мне сказали, что Георгий Васильевич болен и никого не принимает. Разыскал Андрея Эшпая (ближе его у меня в Союзе композиторов никого не было, нас связывали давние приятельские отношения), и он уговорил Свиридова на встречу.

Георгий Васильевич принял меня, сидя за столом, но вид-но было, что даётся ему это с большим трудом.

– Печень проклятая замучила, – объяснил он передёрнувшись от боли лицо, когда приподнялся, протягивая мне руку.

Очень коротко я изложил суть дела. Он задумался, но не надолго:

– Это очень интересно. Очень люблю Кольцова. Я бы с удовольствием взялся за такую работу... Но, честно скажу, боюсь Вас подвести. Я бы посоветовал связаться с вашим земляком, Славой Овчинниковым. Этот мальчик многое может...

Я понял, что настаивать не имею никакого морального права. Поблагодарил за совет, пожелал скорейшего выздоровления и попрощался. Увы, моё пожелание не сбылось: вскоре этого удивительного властителя русской души не стало.

Прежде чем по совету Свиридова искать «мальчика», навёл всё-таки о нём справки. Вячеслав Овчинников действительно наш земляк – воронежец. Его творческое дарование заметили ещё в раннем детстве, а уже, если не ошибаюсь, в восемь лет он стал победителем конкурса молодых композиторов. Родителям настойчиво рекомендовали продолжить его музыкальное образование в Москве. Возникшие в связи с этим проблемы решил С.В. Михалков, взявший опеку над мальчишкой, принявший его в свою семью и практически ставший ему вторым отцом. (Тепло их отношений я почувствовал позже. Мы с Вячеславом ужинали в ресторане Дома литераторов, когда туда зашёл Сергей Владимирович. С радостным криком «Батя!» Слава бросился навстречу, они обнялись. Ужин мы продолжили втроем.)

К тому времени, когда мы впервые встретились с Овчинниковым, он был уже автором музыки к таким знаковым фильмам, как «Война и мир», «Андрей Рублёв» и другим. Он единственный из композиторов по итогам последней пятилетки был награждён орденом Трудового Красного Знамени, чем чрезвычайно гордился. Но в композиторской среде отношение к нему больше определяло его поведение, чем его талант. Да и как можно относиться к человеку, который, например, во время одного из торжественных мероприятий Союза композиторов в ресторане «Арагви» прыгнул прямо на стол руководства Союза, протопал по нему от начала до конца, давая тарелки с закусками, и вышел из ресторана (сам я этого не видел, но, узнав Славу поближе, нисколько не сомневался в его возможностях).

Известен был Вячеслав и в Югославии, где поклонником его музыки был сам маршал Броз Тито, который, как рассказывал мне уже сам Овчинников, поселил его в своей резиденции на каком-то острове, где Слава написал музыку ко многим югославским фильмам. Наверное, и в этих легендах есть преувеличения, но они были основаны на реальностях.

А мне надо было заполнить этого уже разбалованного славой Славу в авторы оперы для провинциального театра. Неожиданно он тут же согласился. Более того, увлёкся этой идеей и сразу начал действовать. На другой день мы помчались на дачу к Ларисе Васильевой, тогда уже известной поэтессе, но ещё не автору «Кремлёвских жён». Слава быстро уговорил её написать либретто. Уехать с дачи так же быстро не удалось. Отец Ларисы, один из создателей танка Т-34, высокий, широкоплечий и, несмотря на солидный возраст, крепкий и стройный, с удивительно добрыми и умными глазами, настойчиво пригласил нас к столу, накрытому на свежем воздухе:

— Ну-ка, молодёжь, дело сделано, теперь попробуйте мое-го последнего изобретения.

С этими словами он водрузил на середину стола бутыль довольно крупного калибра с содержимым цвета масла танкового двигателя после длительного марш-броска или ожесточённого боя. Он тут же наполнил стоящие перед нами бокалы тоже отнюдь не мелкого калибра и предложил тост за успех нашего дела. Но на всякий случай предупредил:

— Здесь не тридцать четыре, а тридцать шесть травок. Не спешите закусывать, дух переведите.

Чтобы не опозориться перед столь уважаемым человеком, мы «махнули» залпом и застыли в ожидании эффекта. Хозяин насмешливо наблюдал за нами.

Сначала горло обожгло, но лишь на мгновение, а затем бархатное тепло, словно частица самой Природы, мягко прошло по пути этой божественной влаги. Как-то по-особенному свободно и легкодохнула грудь, и сами собой расправились плечи. Мы дружно одобрили напиток. Конечно, одним залпом дело не обошлось, выпили и за Т-34, и за «Т-36», и за здоровье хозяина и хозяйки, однако в Москву вернулись довольно бодрыми и в хорошем настроении.

Васильева не подвела, и вскоре Вячеслав позвонил мне в Воронеж, что либретто уже у него. (Одна из копий до сих пор лежит где-то у меня в бумагах.) Через несколько дней он приехал, и мы отправились в дорогу дальнюю: я провёз его по красивейшим местам области, по Хопру и Вороне, где он вдохновлялся природой, впервые наблюдал за жизнью воронежских сёл. Венцом нашего

путешествия стала самая чистая и самая красивая река чернозёмного края Савала, протекающая по знаменитому, занесённому в энциклопедии Савальскому лесу, посаженному в начале прошлого века местными крестьянами под руководством французского садовника, нанятого здешней помещицей. Здесь рощи растут по породам деревьев: берёзовая, дубовая, сиреневая... Здесь все посадки пересекаются аллеями с романтическими названиями: Аллея любви, Аллея коварства... Вот здесь-то в колхозном Доме отдыха Вячеслава ждал уютный номер с полным довольствием и привезенным из Воронежского музыкального училища и хорошо настроенным пианино. Здесь ему и предстояло работать. Ограничение было одно: сухой закон, нарушаемый только при моих редких наездах (от Воронежа всё-таки двести километров!). Конечно, условия не как у Тито, но для творческой работы самые подходящие, ибо роскошь всегда предрасполагает к разврату.

Слава работал довольно продолжительное время, но потом какие-то дела позвали его в Москву, и на Савалу он так и не вернулся. Однако заверял, что продолжает писать.

А театр уже готовился к постановке новой оперы. Художественное руководство прикидывало, какие солисты могут быть в ней заняты, кого надо искать и приглашать, но всё оказалось пустыми хлопотами.

Как раз в это время состоялся мой перевод в Москву, и я рассчитывал, что уж здесь-то удастся «додавить» Овчинникова. Несмотря на основательную загрузку на своей новой работе, договорился о встрече, приехал к нему. Он жил тогда в самом начале Ленинградки, в большом угловом доме через железнодорожные пути от Белорусского вокзала. Огромный балкон его не менее огромной (по тем временам) квартиры, доставшейся ему после какого-то генерала КГБ, почти нависал над этими путями. Два рояля красовались в одной из комнат, которая больше напоминала сцену. Слава тут же похвастался:

– Позавчера здесь пели Магомаев и Синявская...

– Это хорошо, – прервал я, – Магомаев есть Магомаев. Ты всё-таки можешь хоть что-то показать из сделанного тобой?

– Могу. У меня оставалось оркестровое время от записи музыки фильма «Они сражались за Родину», и я записал один фрагмент. Послушай!

Он включил кассетник. Не знаю, сколько времени длилось прослушивание, потому что мелодия захватила сразу с подлинно свиридовской мощью, но всё же по-другому, по-своему, переходя от тоски к радости, от силы к нежности, от раздолья к чему-то потаённому... А когда совсем неожиданно звучание оркестра сменило лирическое соло балалайки, так искренне выплёскивая глубину девичьей души, спазм перехватил горло и на глаза навернулась слеза. Да, это был самый настоящий катарсис, который всегда свидетельствует о силе большого искусства.

Я не помню, что тогда сказал Овчинникову, но смысл был приблизительно такой: дурак ты, Славка! Ты не имеешь права бросить оперу на полпути. Ведь это так здорово! Плюнь ты на своё увлечение дирижёрством, не отвлекайся от главного! Не теряй времени, пиши музыку! Здесь твоё призвание, и в этом твой талант!

Он молча слушал и кивал головой в знак согласия. Но остановиться уже не смог, несмотря на обещания. Страсть самовыражения на публике полностью захватила его, самовлюблённость стала основой его существования.

Какое-то время мы ещё перезванивались: я – в надежде, слабеющей с каждым разом, усадить его за работу; он – как правило, в редкие моменты, когда просыпалась совесть. Он каялся, но уже ничего не обещал. Последний раз после долгого перерыва он позвонил из уличного автомата, предупредил, что дома боится появляться, так как жена, занявшись бизнесом, попала в неприятную ситуацию, и теперь им угрожают бандиты.

– Я на время исчезаю. Как только всё уляжется, дам знать.

Судя по трезвому взволнованному голосу, Вячеслав был действительно сильно напуган. Я тогда тоже, хоть и не так наивно, надеялся на какой-то разумный выход из того кошмара, но ничего не наладилось, не утряслось, а всё пошло вразнос.

Прошло много лет. Как-то вечером, пробегая кнопками по телевизионным каналам в надежде найти что-нибудь путёвое, увидел Овчинникова, дающего кому-то дежурное интервью, как обычно это делается по случаю юбилея. Захватил самый конец передачи, но Вячеслава успел разглядеть: он стал «круп-

ной фигурой», заслоняющей своим животом почти весь экран. Не знаю, о каких своих достижениях он говорил; скорее всего, о старых. Я не стал его разыскивать, ибо потерял веру в него, не простил, что по его вине мы оба оказались вечными должниками своих земляков, что не сбылась моя мечта подарить воронежцам большую радость. Он обманул не только меня, не только воронежцев, но и действительно великого русского композитора, который поверил в него, увидел в нём своего возможного преемника. Какими разновеликими оказались они, даже не по таланту, а по масштабу личности!

Если до тебя, дорогой мой Вячеслав Александрович, каким-либо чудом дойдут эти строки, не обижайся: я сказал о тебе правду и искренне хочу, чтобы ты, уже основательно повзрослев, понял это, как понял и то, что талант человеку даётся, чтобы служить людям. И ещё один упрёк: в том, что сегодня попса доедает культуру России, есть и твоя личная вина!

Анна-Мария

После напряжённого дня посещения предприятий и организаций, встреч и бесед мы с удовлетворением приняли предложение хозяев поужинать в знаменитом древнем замке Шпильберг, некогда бывшем самой страшной тюрьмой Европы. Впрочем, гитлеровцы «обновили» его имидж в годы оккупации Чехословакии, превратив старый замок в гестаповские застенки, где пытали героев сопротивления нацизму вплоть до мая 1945 года, когда советские войска 2-го Украинского фронта освободили Брно от фашистов.

Мы – это делегация из Воронежа, города-побратима Брно, первая партийная делегация после событий августа 1968-го. Нас трое: два Николая – Гаврилыч и Егорыч, первый – маленький (метр с кепкой, как Лужков), второй – большой (2 метра 4 сантиметра), но первый и есть первый секретарь Ленинского райкома Воронежа Катасонов, а второй – заведующий горно (городской отдел народного образования) Шаповалов; третий и глава делегации – ваш покорный слуга, бывший в те годы секретарём Воронежского горкома партии.

После краткой экскурсии по камерам пыток мы, наконец-то, поднялись в ресторан, расположенный в бывшем каземате крепости, расселись на длинной и широкой лавке вдоль длинного и широкого стола, занимавшего почти всё пространство. Слева от нас, в торце стола и частично – напротив, разместилась небольшая группа туристов, как оказалось, из Западной Германии. Это даже по форме был уже совсем другой стол, чем тот, за которым два года назад в составе делегации Воронежского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы я сидел во дворе знаменитой Швейковской пивной в Праге. Тот был значительно длиннее и уже: на расстоянии протянутой руки, глаза – в глаза, представители всех братских славянских народов, положив друг другу руки на плечи вдоль рядов, пели песни своих стран, раскачиваясь волнами по обеим сторонам в такт мелодии и подпевая друг другу. И казалось, что эта духовная общность – на века.

Но август 1968-го изменил ситуацию. Насколько?.. Вот это-то – прочувствовать на себе и сделать выводы – и составляло основную цель нашей командировки. Совсем не случайно перед отъездом у меня состоялись обстоятельные беседы не только в отделе соцстран ЦК КПСС и МИДе, но и с секретарём ЦК К.В. Русаковым и секретарём ЦК КПЧ Й. Ленартом.

В том, что обстановка изменилась кардинально, мы убедились ещё в аэропорту Праги, когда нас никто не встретил. Через «Аэрофлот» связался с нашим посольством. Вскоре за нами приехали из ЦК КПЧ и отвезли в свою гостиницу, пообещали связаться с Брно. Я попросил, чтобы о нашем приезде сообщили помощнику первого секретаря ЦК КПЧ Карелу Нойберту, которого знал в бытность его первым секретарём Южно-Моравского обкома КПЧ. Вскоре он пришёл к нам, объяснил, что в Брненском горкоме КПЧ потеряли нашу телеграмму, а потому утром за нами прилетит на вертолёте первый секретарь горкома Владимир Ленц. Предупредил, что зайдёт попозже, поговорить. Пришёл часа через два, увёл меня в какую-то небольшую комнату вблизи буфета, и мы проговорили с ним почти до утра, попивая лёгонькое вино и нещадно дымя сигаретами. Разговор шёл о том же, о переменах.

— Увидишь всё сам, — напутствовал он меня. — В Брно типичная картина. Новый первый из правых, физик, ни партийного, ни политического опыта нет, но поговорить любит. Зденек (второй секретарь. — *Е.Т.*) на месте, привет ему!

А рано утром ввалился к нам долговязый и бледнолицый, явно очумевший от тряски в военном вертолёте Володя Ленц.

— Что хотите со мной делайте, но обратно на вертолёте я не полечу!

Пришлось добираться до Брно машинами, но на митинг мы опоздали...

Уже пора вернуться к столу. Выбор блюд мы доверили нашим сопровождающим из горкома КПЧ. Они предложили фирменное под названием «Анна-Мария». Мы согласились и не пожалели. Перед каждым появилась большущая тарелка, на которой румянились три солидные отбивные разного вида на фоне нескольких гарниров, зелени и приправ. Словно две умелые и душевные хозяйки, соревнуясь в доброте, старались удержать усталых путников за столом, по крайней мере на половину дня. Быстро погасив аппетит, перешли к той стадии ужина, когда разговоры уже занимают больше времени, чем еда.

Я заметил, что сидящий почти напротив меня юноша внимательно прислушивается к нашей беседе и время от времени переводит содержание разговоров своим старшим компаньонам. Немцы уже заканчивали трапезу, были в хорошем настроении. Неожиданно один из них, по возрасту, пожалуй, самый старший, повернувшись к нам, нещадно перевирая мотив и путая слова, запел:

— Вольга, Вольга, мутер Вольга...

Окончательно запутавшись в словах и мелодии, он замолк. И тогда я, обращаясь к парню, сказал:

— По-русски это называется «не в ту степь».

Не знаю, как он перевёл, но немцы дружно засмеялись. А мы так же дружно, вместе с чехами, спели пару куплетов этой народной песни. Немцы откликнулись бурными аплодисментами, перешедшими в прощальное помахивание руками, и направились к выходу. Через некоторое время последовали за ними и мы, передохнувшие и пресытившиеся.

Перемены чувствовались на каждом шагу. На стенах зданий, транспарантах то тут, то там всплывали злорадно-торжествующие цифры: 4:2 – с таким счётом хоккейная команда Чехословакии нанесла поражение сборной СССР (спорт тоже стал политикой)... Осмелившихся пойти на встречу с нашей делегацией в Обществе чехословацко-советской дружбы пионеров, которые, несмотря на прохладную погоду, были в белых рубашках и красных галстуках, сопровождали то восхищённые их мужеством взгляды, то бешеные зрочки быков, реагирующих на красный цвет... Приглашая нас в горком партии, Зденек предупредил: «Откровенного разговора не будет. Наши хотели бы, чтобы встреча прошла без участия Ленца»... Дачу заместителя приматора Брно, на которой мы побывали после официальных мероприятий, в ту же ночь подожгли, оставив на заборе записку: «Будешь знать, как дружить с русскими!»

И в то же время на границе с Австрией чехословацкие пограничники, вспоминая недавнее тревожное напряжение, вызванное активностью натовских войск, дружелюбно переговаривались со своими коллегами по ту сторону реки, патрулировавшими её высокий берег. Капитан Мартушка, по комплекции копия Катасонова, даже принес пару спиннингов и предложил половить форель. У меня, одетого, чтобы не мозолить глаза, в пограничную форму, сорвалась блесна и улетела чуть подальше середины реки, на мелководье. Австрияк, наблюдавший это, гостеприимно предложил: «Ком! Ком!» Оглянувшись на капитана Мартушку. Тот согласно кивнул. Забрав блесну, в знак благодарности помахал рукой, получил такой же ответ.

Разной была и ситуация на предприятиях. Неизменной осталась только высокая культура производства, какая у нас, как правило, была только в оборонке. На один из крупных заводов мы приехали в сопровождении Ленца. После краткой беседы в парткоме пошли по цехам. В самый большой вошли не через двери, через ворота, настолько он был огромен под высоченным застеклённым сводчатым потолком. Справа чуть не во всю стену – знакомые цифры, опять 4:2. Под ними – небольшая группа рабочих пожилого и среднего возраста. Только я направился к ним, чтобы поговорить, как распахнулись противоположные ворота и в цех ввалилась шумная колонна

молодёжи. Их было значительно больше сотни. Впереди – типичный представитель демшизы, беспрестанно орущий одну и ту же фразу: «Оккупанты, сволочи!». На репетиции у них явно не хватило времени, и дружного скандирования не получалось.

Я оглянулся: за мной трое моих товарищей, Ленц, директор и секретарь парткома, работник горкома и переводчик. Ленц вполголоса предложил: «Надо уходить». Как молния, в голове мелькнула сцена на Грибановском заводе всего пять лет назад. Там на меня шли полторы тысячи. «Надо вперёд», – ответил я и направился навстречу толпе. С небольшим отрывом за мной последовали остальные, к которым примкнула и группа рабочих.

Мы сошлись почти в центре цеха. Я смотрел в налитые злобой глаза парня и шёл прямо на него. Между нами оставалось буквально несколько шагов, когда заметил, что в его глазах бешенство сменилось удивлением: его не боятся. Почему? Ведь он так громко орёт и за ним гораздо больше людей, чем за мной?

И тут я начал орать на него. Я, конечно, не записывал свою «речь», диктофона тоже не было. То, что там не было нецензурных слов, тоже не гарантирую. Переводчика не звал, не та ситуация, тем более, тогда русский язык в Чехословакии знали многие, во всяком случае, понимали смысл сказанного практически все.

А смысл попробую приблизительно изложить: «Сопляк ты паршивый! Ты кричишь об оккупации, но сам понятия не имеешь, что это такое. Вот спроси у своих старших товарищей, что это такое, и они тебе расскажут, как пытали в гестаповских застенках замка Шпильберг настоящих патриотов Чехословакии. А ты не патриот, ты – провокатор! Провокатор, живущий не своим умом. Тебе напели в уши враги твоего народа, мечтающие о том, чтобы разрушить дружбу наших народов, скреплённую кровью в совместной борьбе против фашизма. И ты теперь служишь им, сбивая с толку молодых ребят. А они, как бараны, слепо идут за тобой. Да, вы все – бараны, не соображающие, что творите. И это может очень плохо закончиться, прежде всего, для вашего народа. Мы приехали сюда как друзья Чехословакии, чтобы вместе решать наши общие проблемы, вместе преодолевать трудности нашего общего движения

к социализму. А вы выступаете как предатели нашего общего дела».

Вот в этом духе и прошла наша «беседа». Заводила сначала пятился под моим напором, а потом отступил в сторону, толпа раскололась пополам, уступив нам дорогу, и уже при полном молчании мы вышли из цеха.

Поздним вечером раздался стук в мой гостиничный номер. Вошёл секретарь парткома этого завода.

– Я пришёл поговорить.

– Проходи, садись. Выпить не хочешь? – предложил я, понимая, что и для него день выдался нелёгкий, разрядка обоим не помешает.

– Нет, пить не будем, – насупился он.

– Ну не будем, так не будем. Значит, разговор серьёзный.

– Да, серьёзный, очень серьёзный.

Он поставил свой портфель справа от стула, сел и сразу начал:

– Мне понравилось, как ты вёл себя в цехе. Да и рабочим тоже. Но я хочу всё-таки понять, что случилось тогда, в августе. Ко мне домой ночью вломились ваши солдаты, вскинув автоматы, скомандовали: «Руки на гора!» и под конвоем, с поднятыми вверх руками, повели к заводу как преступника, а там потребовали сдать оружие народной дружины. Ты же знаешь, что у нас секретари парткомов возглавляли дружины, а на складах – всё стрелковое оружие, вплоть до лёгкой артиллерии (честно говоря, этого я не знал. – *Е.Т.*). Но я же не только командир дружины. Я – коммунист, секретарь партийного комитета. Ты говорил о гестаповских пытках в Шпильберге. Там запытали досмерти моего отца, участника сопротивления фашизму, когда мне было шестнадцать лет. С восемнадцати я в партии и боролся за социализм. И вот – результат: свои же меня как врага народа позорят на весь город! Ты можешь понять, какая обида захлестнула меня тогда?! И признаюсь: она не прошла и до сих пор.

Он перевёл дух, а я, глядя в эти наполненные до слёз смертельной обидой глаза, не готов был хоть что-то сказать ни ему в утешение, ни себе в оправдание. На мгновение представив себя в его положении, я был в полном шоке. Он сам помог мне, буквально подсказав, как нам искать корень истины:

– Я чувствовал и понимал, что кому-то очень хочется помешать нам идти своим путём, что назревает что-то страшное. Но почему же так со мной обошлись? Почему не поверили? Почему не обратились к таким, как я, чтобы мы сами навели у себя порядок?

– Ну, прежде всего, ты уверен, что твой коллега, такой же секретарь парткома с соседнего завода, не поднял бы свою дружину против таких, как ты?

Он ненадолго задумался, а потом твёрдо сказал:

– Уверен, но в обратном. Он – правый, он – сволочь. Он вполне мог пойти на это. И не один он.

– Да, плохо, что мы часто не знаем даже тех, кто с нами рядом. Я вот тоже совсем неожиданно узнал, что моя недавняя сокурсница по Академии общественных наук при ЦК КПСС, которую заканчивали многие ваши политические деятели, оказалась предательницей. Бросив учёбу, она вернулась в Чехословакию. Мы думали, что из-за своих троих детей. Нет, она эмигрировала из страны и теперь в числе тех, кто руководит оппозицией из-за рубежа. Так что, по-твоему, надо было подождать, пока у вас здесь не начнётся гражданская война? Пока снова не прольётся кровь? Я понимаю, что тебе пришлось пережить. Но зато появилось хоть какое-то время, чтобы обмозговать ситуацию и в чём-то подкорректировать её

– Так-то оно так, – согласился он. – Но почему так сразу, неожиданно.

– Ну не так уж неожиданно, хотя, конечно же, многое проспали, самоуспокоились, особенно ваше руководство. Руководители компартий всех соседних стран неоднократно обращали внимание ЦК КПЧ на необходимость противодействия внутренней оппозиции и её зарубежным «кукловодам». Но каждый раз ваше ЦК заверяло, что держит ситуацию под контролем, чего не было на самом деле. Да и партийные организации на местах были дезориентированы, плохо информированы. Если бы тогда обратились к таким, как ты, патриотам, то ещё можно было бы избежать тяжёлых последствий. Последний раз 15 июля в ЦК КПЧ было отправлено письмо пяти компартий стран-соседей, но и на него не последовало никакой реакции, и время уже было упущено. Судя по всему, даже в

вашем высшем руководстве единства не было. И здесь у вас в Брно до сих пор аппарат горкома разобщён, растерян, а с приходом нового первого секретаря не похоже, чтобы что-нибудь улучшилось.

– Я согласен. Мы действительно многого не знали и не понимали. Будем надеяться, что поймём. Давай выпьем за наше будущее.

Он полез в портфель. Я решил, что за бутылкой, а потому поторопился достать из своих запасов водку и красную икру. Когда вернулся к столу, увидел на его краю пистолет.

– Я же не знал, чем кончится наша встреча, вот и прихватил на всякий случай, – пояснил он, снова запихивая пистолет в портфель.

– Это правильно, никогда не надо торопиться прибегать к оружию, пока не использованы все другие аргументы.

И мы выпили по первой...

На этом можно было бы и завершить рассказ о нашей командировке. Но, коль я его начал с Анны-Марии, то и закончу этими же именами. Жизнь подчас непредсказуема. Через день, вернувшись в гостиницу как всегда поздно, мы подошли к портье за ключами. Вручив их моим товарищам, он попросил меня на минутку задержаться и объяснил, что номер открыт и там меня ждут два генерала с жёнами.

– Они сказали, что будут ждать, пока вы не появитесь. Неудобно было оставлять их здесь, тем более одного из них я знаю, это начальник гарнизона Брно генерал Дзур.

То, что они были с жёнами, успокоило. Ребята мои уже ушли, и я отправился к себе.

Едва открыл двери, как ко мне метнулась Анна, активистка Южно-Моравского областного Общества чехословацко-советской дружбы, не раз бывавшая за последние годы в Воронеже, к тому же наша землячка.

– Евгений, здравствуй! Рада тебя видеть. Мы уже заждались. Узнала, что ты здесь, и не могла не повидаться. Знакомься, – и она представила свою подругу.

Ещё до того, как та произнесла своё имя, я уже подумал, что это будет Мария. Так и случилось. Настала очередь генералов, которые представились сами:

– Заместитель министра обороны генерал-полковник Шмолдас.

– Начальник гарнизона города Брно генерал-майор Дзур.

Обменялись рукопожатиями и визитками, я пригласил всех к столу, уже накрытому дамами. Достал из холодильника неизменную «Столичную», икру и поставил рядом с коньяком и «Бехеровкой».

Оказалось, что Мария, как и Анна, – наша землячка из Новохопёрска, обе они до сих пор остаются гражданками СССР. Как Анна своего Дзура, так и она своего Шмолдаса встретила в 1943-м в Новохопёрске, где тогда формировался знаменитый 1-й Чехословацкий армейский корпус генерала Людвика Свободы, в будущем Президента Чехословакии и Героя Советского Союза.

За столом дамы в основном говорили о том, что они по-прежнему любят свою родину и очень переживают, что августовские события основательно подпортили традиционно добрые отношения между нашими странами, что, к сожалению, не все понимают, какую помощь чехословацкому народу оказывает Советский Союз (ведь каждая третья булочка – из русско-украинского зерна), что их мужья достойно вели себя в это сложное время, оставаясь верными не только своим жёнам, но и дружбе с СССР. Мария, войдя в раж, договорилась до того, что, если бы было иначе, то они (дамы) удушили бы своих генералов в постелях. Генералы смущённо молчали. Мне было искренне жаль их.

Никакой откровенной беседы просто не могло получиться. Умудрённые опытом боевые генералы, соратники самого президента, занимающие высокие государственные должности, не будут делиться своими мыслями с незнакомым человеком только потому, что он оказался земляком их жён. Да и я, в силу своего положения, не мог откровенничать с ними. Поэтому разговор носил общий характер, свёлся в основном к воспоминаниям о прошлом и довольно быстро закончился.

А вскоре закончилась и наша командировка. Осмыслив и доложив результаты работы делегации в ЦК КПСС и МИДе, мы вернулись в Воронеж. Я неоднократно бывал в Чехословакии, которая мне очень нравилась и природой, и людьми, при-

нимал немало различных делегаций оттуда, имел много знакомых и друзей. От этой поездки в памяти моей остался новый образ любимой Чехословакии – птица с перебитым крылом.

Два майора, или Наука логики

В пятидесятые годы кумирами многих воронежцев, особенно представительниц прекрасного пола, были два красавца майора.

Майор Валерий Петров, сын легендарного генерал-майора Ивана Петрова, дирижера сводного оркестра Советской армии, без которого не обходился ни один парад в Москве, служил в те годы в Воронеже. Изредка забегал к нам: передать привет от отца моему тестю – своему троюродному брату.

Валерий, как и его отец, был дирижёром, руководил оркестром Воронежского военного округа. Весь город любовался им, блестящим офицером в парадной форме, красивым и стройным, с безупречной выправкой, когда он вышагивал во главе оркестра по праздничным улицам и площади Ленина, поднимая настроение воронежцам, большим любителям духовой музыки ещё с довоенных времён. На всех крупных и многих других предприятиях, во Дворцах культуры, профтехучилищах были свои оркестры. Поэтому после ликвидации Воронежского военного округа в 1960 году духовая музыка не ушла с улиц, площадей и парков. В праздничные дни на демонстрациях мощно звучал сводный городской оркестр, а теплыми вечерами музыка доносилась из садов и парков.

С Валерием мы виделись с тех пор один лишь раз. Он разыскал меня через наших воронежских родственников, когда я учился в Академии общественных наук и пригласил к себе домой, но деталей той встречи не помню.

Другим (именно другим, не вторым) майором был Арсений Степанович Миловидов (вот уж где фамилия полностью соответствовала своему носителю!), с которым я лично тогда не был знаком. Молодой преподаватель логики в Суворовском училище ничем не уступал своему «сопернику», только таланты у них были разные. На его открытые лекции в Актовом зале

пединститута ломились студенты всего города, как московская молодёжь в Политехнический. Отлично поставленный голос, образцово, по всем канонам риторики построенные фразы, отточенная мысль, а главное – глаза, не уткнувшиеся в текст, которого вообще не было, а постоянно встречающиеся с глазами слушателей. Лишь в нагрудном кармане кителя несколько маленьких листочков с цитатами и кратким планом. Вот этому-то образцу с тех пор я и стараюсь следовать, когда приходится выступать перед любой аудиторией.

О том времени я напомнил в середине восьмидесятых заведующему кафедрой психологии и социологии Военно-политической академии им. Ленина генерал-майору Арсению Степановичу Миловидову после его лекции нам, слушателям краткосрочных курсов офицеров запаса перед присвоением очередных воинских званий (через пару месяцев как-то вечером заехал ко мне домой военком, вручил выписку из приказа министра обороны, и мы с ним «обмыли» нового полковника).

Арсений Степанович с удовольствием вспомнил свои молодые годы, но в перерыве между занятиями особенно не поговоришь. Мы договорились созвониться, обменялись визитками, однако так и не собрались. Уже несколько лет прошло после его смерти, но я храню память об этом замечательном человеке, посвятившем себя служению Логике, которая нынче исчезла не только из школьных и вузовских программ, но и из нашей Жизни. На её место пришла логистика, однако эти понятия далеко не равнозначны для общей культуры общества, и эта утрата непосредственно сказалась и продолжает сказываться на судьбе России.

Я не раз пользовался миловидовским оружием, но один случай особенно запомнился. Так уж сложилась моя жизнь, что, будучи по университетскому диплому филологом, учителем русского языка и литературы, я никогда не занимался регулярной педагогической деятельностью, за исключением двух лет практики в Московском городском университете марксизма-ленинизма в годы аспирантуры Академии общественных наук. Но периодически приходилось выступать с лекциями и докладами в самых разных аудиториях. Как-то по приглашению земляков-чекистов даже в Академии КГБ вёл двухчасо-

вую беседу на тему: «Специфика работы с творческой интеллигенцией». Однако после защиты кандидатской диссертации по философии я выполнял роль «скорой помощи» (т.е. был резервным преподавателем) на кафедре идеологической работы АОН, которую возглавляли мои друзья-однокашники Жан Тощенко и Александр Закалин.

Ранний утренний звонок секретаря кафедры застал меня уже на работе: «Выручайте! Закалин заболел, а в двенадцать вводная лекция к курсу идеологии на международных курсах экономистов: секретари и заведующие отделами ЦК компартий соцстран, наших республик и областей». – «Хорошо, буду».

Хорошего, впрочем, было мало. Представьте себе обстановку конца восьмидесятых, когда самой модной стала тема деидеологизации, да ещё и аудитория – извечные «злейшие враги» идеологов – экономисты. Но надо, так надо. В конце концов не хуже, чем на встрече с оголтелой оппозицией в Чехословакии после всем известных событий. На листке для записок прикинул план, подобрал из своего архива тройку цитат, сунул их в нагрудный карман пиджака и – вперёд! Уже по дороге в академию продумал тактику общения со столь специфической аудиторией.

Пока шёл к столу, внимательно вглядываясь в лица. Возраст разный, но молодёжи нет – все «тёртые калачи», однако по-студенчески медленно успокаиваются после перерыва, испытующе вглядываются в очередного лектора, не скрывая пренебрежения к предмету. Всё как и ожидал.

– Здравствуйте! Мне поручено прочитать вам вводную лекцию к курсу «Идеологическая работа».

Короткая пауза. Глаза – в глаза. В их взглядах – насмешливое превосходство.

– Среди вас есть идеологи?

Шок! А затем дружно, торжествующе:

– Нет! Нет!

Отвернувшись к доске и, не доставая листочка из кармана (зрительная память срабатывает четко), пишу крупными буквами: «Идеологи – умные руководители» (В.И. Ленин. ПСС, т.5, с. 363). Поворачиваюсь и, не дав им опомниться от очередного шока, бросаю вызывающе:

– Ну, так есть среди вас идеологи?!

– Есть! – громко, дружно и уже без всякой иронии.

А дальше я управлял их вниманием, как хотел. Вторую половину занятия отвёл двусторонним вопросам и ответам. Лишь к концу всё же почувствовал, что горячий спор был не напрасным. У кого-то что-то осталось в голове, кто-то крепко задумался. К сожалению, начинать задумываться было уже поздно: шли к концу восьмидесятые и неумолимо накаты-вался развал всей системы социализма и самого Советского Союза.

Ещё совсем недавно один из главных виновников этой катастрофы, самодовольно улыбаясь, провозгласил: «Процесс пошёл!» Но у него, хотя он не экономист, а юрист, не хватило ума понять, что запущенный им процесс пошёл вопреки Логике цивилизационного развития Человечества.

В одной команде с Рузвельтом

Я действительно был знаком с Рузвельтом. Больше того, мы были с ним в очень хороших, даже приятельских отношениях и состояли в одной команде – сборной Воронежского военного округа на первенстве Советской армии по стрельбе, проходившем летом 1953 года во Львове. Коренной сибиряк капитан Володя Рузвельт служил в Курской дивизии нашего округа, был мастером спорта по стрельбе, душой нашего дружного коллектива, заводилой в часы отдыха. То организует игру в волейбол, то потащит всех купаться, то ещё что-нибудь да придумает. Весельчак по характеру, он и нас заряжал отличным настроением. Невысокий, плотный, черноволосый, с неизменной улыбкой и искоркой в глазах – таким он и запомнился мне на всю жизнь. Особенно благодаря одному случаю.

Соревнования окружных команд уже шли к концу. Мы довольно успешно отстреляли все упражнения. Настроение у всех было хорошее. В один из последних дней нашего пребывания во Львове Володя, никому ничего не сказав, нарушив инструкцию, запрещающую выход за пределы части по

одному, надев штатский костюм, отправился в город. Ну не мог он вернуться домой без подарка любимой дочке, которой недавно исполнилось два годика. А деньги уже подошли к концу.

Спрятав в карман значок «Мастер спорта СССР», Рузвельт зашёл в городской парк, нашёл там тир и показал класс стрельбы. Полученных призовых хватило на ставку на ипподроме, где ему тоже повезло. Купил-таки дочурке ботиночки и детскую шарманку. Осталось даже на то, чтобы перекусить и «обмыть» покупки в попутном кафе (на ужин-то он давно уже опоздал). В отличном расположении духа Володя отправился в часть.

Жили мы всей командой в одной из казарм военного городка. Всей командой готовили встречу опоздавшему. Хотя после отбоя прошло порядочно времени, но никто не спал. Уже начали волноваться, когда в коридоре послышались шаги. Тут же все притворились спящими.

Едва Володя приоткрыл дверь, на него опрокинулся почти полный воды цинковый ящик из-под патронов; в темноте потянулся к выключателю, но тот был основательно обмотан крапивой; по стенке добрался до своей койки, благо она была крайней от двери, и присел на край, а потом, не раздеваясь, завалился на... пол. Все пружинки кровати были отогнуты и держались на нитках: сюрприз готовила вся команда.

Мы под одеялами давились от смеха, но такого финала не ожидали. Наш расчёт на то, что Володя, перебрав норму, так и уснет на матрасе под кроватью, рухнул.

– Я же знаю, паразиты, что вы не спите, – раздался вдруг его довольно бодрый голос. – Вы мне спать не дали, ну и я вам не дам.

Он вылез из-под кровати, нашёл в темноте купленную шарманку и, усевшись на пол, до самого утра крутил совсем не убаюкивающую мелодию: «Барыня ты моя, сударыня ты моя...» Настоящий офицер всегда остаётся офицером. Впрочем, утром, когда рассвело, обнаружилось, что один детский ботиночек Володя всё-таки потерял.

С аккордеоном по Европе

Давным-давно это было. Я отдыхал в военном санатории. По какому-то поводу мой партнёр по шахматам полковник в отставке рассказал одну историю. В самом конце войны его, только что вернувшегося из госпиталя после ранения, назначили комендантом маленького немецкого городка. Был он тогда ещё майором.

— В один из первых же дней, — продолжал вспоминать полковник, — когда я только осваивался в новой должности, позвонили из штаба и предупредили: через час мимо тебя будет проезжать Батов, встречай!

Батова боялись. Ходили по армии слухи, что он, если разозлится, может и палкой, на которую опирался, «врезать». Встречаю на окраине города, представляюсь.

— Садись ко мне в машину, майор! Показывай своё хозяйство!

Перебрался в его «Виллис», поехали. Едем — кругом тишина, всё, вроде бы, в порядке. И вдруг навстречу, качаясь из стороны в сторону, явно пьяный солдат с аккордеоном. Идёт, играет и поёт какие-то частушки. У меня сердце замерло, глаза невольно стали искать палку, а она — на месте, справа у бортика. Батов водителю:

— Ну-ка, подъезжай к нему!

Подъехали. Солдат увидел — вытянулся, звякнув медалями и не переставая качаться:

— Здравия желаю, товарищ генерал!

— Ты что же делаешь... — начал было Батов, но солдат, выпучив глаза, тут же перебил:

— Гуляю по Европе, товарищ генерал!

Ну, думаю, всё, труба. А Батов неожиданно расхохотался, и лицо его стало по-отцовски добрым:

— Гуляй, гуляй, герой!

Надолго замолчал, махнув рукой водителю — поехали. А отпуская меня на выезде из города, сказал:

— Не наказывай парня, майор.

Вот и вся история. Я вспомнил её, когда увидел по телевидению, как «гуляют по Европе» на сверхдорогих машинах

наши современные «герои», которые, увы, никогда не будут служить Родине как тот солдат. Но впервые я вспомнил эту историю значительно раньше, почти четверть века назад, когда случай свёл нас с Павлом Ивановичем Батовым за одним обеденным столом на улице Грановского. Было огромное желание спросить, помнит ли он этот эпизод, так ли всё было, однако ни место, ни время, ни насущная направленность застольной беседы не предоставили мне для этого ни одного подходящего момента. И наверно, мне просто повезло: ведь я забыл о палке, а она была рядом, ручкой опираясь на стул хозяина. Судя по всему, та самая, фронтовая. Ведь Батов имел полное право сказать мне: «Как ты смеешь перепроверять боевого офицера? Перепроверяй тех, кто сожалеет о нашей Победе, кто, сам не нюхая пороха, продав душу дьяволу, берётся судить людей и времена!»

Да, в конечном итоге важно лишь то, какая память о войне живёт в народе: основанная на глубоком, подлинно научном анализе реальных событий, на свидетельствах очевидцев, непосредственных её участников или навязываемая молодым поколениям политическими спекулянтами, забивающими юные головы тополиным пухом злонамеренной лжи. И это касается не только войны, но и всей многострадальной истории России. А именно историческая память формирует характер новых поколений.

Сосед

Мне повезло с соседом по даче. Уважительный мужик!

Обычно я встаю рано, а тут завалился. Устал вчера, почти весь участок покосил, да и уснуть сразу не смог. Сосед, зовут его Петя, решил ночью музыку послушать, вот и врубил в машине приёмник, а чтоб аккумулятор не разрядился, «Шкоду» свою завёл. Впрочем, какую свою? Уже несколько лет жена его, Люба, на ней ездит, его самого за руль не пускают: из доверия вышел. Так Люба в свои-то годы, а ей уже – с гаком, сдавала всё-таки на права. Два года сдавала, многократно ревела от досады, но поклялась, что взятку давать не будет. И добилась,

получила права, хоть и с огромным восклицательным знаком на заднем стекле. Всем поселком отмечали её победу!

Вообще Люба – женщина хозяйственная, деловая и добрая. Давно бросила своё учительство и занялась цветочным бизнесом, сделала его семейным. Да и на участке она в основном пятой точкой в зените хорошо заметна: меж нами за четверть века забора никогда не было. Сын их, Ванюшка, нынешний аспирант МГУ, вырос, бегая по обоим участкам, а сейчас уже его годовалый Мишка иногда заходит.

Так вот, Люба вкалывает, а у Пети другой распорядок дня. Раньше он выпивал периодически. Даже бывало без всякого «подогрева» дождливыми вечерами мы потихоньку пели дуэтом старинные русские песни и романсы, песни военных лет и нашей молодости (современные так не поются, в них нет души). Теперь же с восходом солнца, ещё не продрав глаза, он уже похмеляется пивком и, закулив, шествует к туалету в конце участка. Это – самый дальний его прогулочный маршрут, не считая походов в магазин. Стоит ему увидеть меня, он тут же переходит границу (узенькую сточную канавку) и настойчиво начинает предлагать:

- Может, закурим по одной?
- Нет, Петь, натошак не курю.
- Тогда, может, пивка холодненького?
- Нет, Петь, с утра не пью.
- А, может, по маленькой? Я вчера ящик «Парламента» взял (Петя и пьёт, и курит в основном «Парламент»).
- Я же тебе сказал, что с утра не пью.
- Ну, давайте закурим.
- Петь, извини, работать надо!

Такие заходы делаются один за другим. Обиженный Петя уходит, принимает очередную дозу и снова выходит на участок. Наконец, дойдя до кондиции, он исчезает в доме до вечера, а проспавшись, всё начинает сначала.

Сейчас скандалить стал заметно реже, а бывало... Разнимать приходилось. Теперь душа прорывается лишь в песне. Но если раньше он действительно пел и пел вполне профессионально, то теперь о буйном его состоянии свидетельствует лишь пьяный ор, слышный далеко окрест.

Особенно непотребно это выглядит, когда Петя по праздникам надевает концертную белоснежную генеральскую форму со звездой Героя и в ней идёт в магазин, докладывая всем: «Небрежной походкой пошёл я за водкой». В основательном подпитии он рассказывает о своих встречах и дружбе с сильными мира сего, о творческих подвигах, повторяясь многократно, но с неизменной оговоркой: «Извините за тавтологию, повторение то есть». С Патриарха он перескакивает на Горбачёва или Ельцина, с них – на папу римского и великих итальянских певцов, которых он значительно превосходит по диапазону от профундо до тенора, и тут же пробует это доказать. Тот, кто впервые слушает эти басни, может и поверить в их реальность, но я-то слушаю их уже много лет и по ним просто определяю степень его кондиции.

Зато в церковные праздники я слушаю лекции о каждом из них. Петя читает эти лекции в любом состоянии, словно они записаны у него в мозгу на дискете. А перед каждым постом я получаю полный набор скромного меню со смакованием отдельных блюд. В православном плане он подкован основательно, однако насколько искренне он верит в Бога, если пьёт так безбожно?

Ко мне он относится очень уважительно, часто ссылается на собственного отца: «Папа мой, а ведь он дожил до девяносто двух лет, Вас всегда уважал, и я уважаю». С Иваном Кирилловичем мы вместе работали до его ухода на пенсию. Это был очень работающий и творческий человек, настоящий русский интеллигент. Но Петя не в него, хотя чувствуется, что задатки были неплохие. Однако самовлюблённость и ранняя звёздная болезнь, осложнённые внешними обстоятельствами, уготовили ему типичную судьбу «непризнанного гения».

Как-то кто-то подарил ему мощный секатор с длинными красными ручками. Пете он очень понравился. Целый день щёлкал им по разным растениям, а вечером вдруг предлагает:

- Давайте я Вам калину подравняю.
- Спасибо, Петя, я сам завтра этим займусь.

А утром смотрю: все пять кустов калины обчекрыжены чуть не до корня.

- Петя! Ты чего натворил с калиной?!

– Да я ж старался... Я со всем уважением, – обиделся он.
...Так вот, значит, лежу я, совсем не выспавшийся, в постели, раздумывая, что сегодня предстоит сделать, и вдруг – лёгкий стук в дверь, и она тут же открывается. На пороге Петя, уже успевший принять утреннюю дозу:

– Ваня вчера пилу бензиновую купил, так я хочу березу, которая вас затеняет спилить.

– Не надо ничего сейчас пилить, люди спят ещё.

Он ушёл, а я поднялся и сел за стол, решив рассказать вам о Пете. Только успел написать первую страницу, слышу шум за окном, выскакиваю: с соседнего одичавшего участка на мою молодую яблоньку падает высокая берёза.

– Ты что делаешь, Петя?!

– Так я же ручной пилой, чтоб не шуметь...

И всё-таки забора между нашими участками я ставить не буду. Когда мы отгораживаемся друг от друга высокими глухими заборами, жизнь утрачивает свою прелесть, а наши садовые и дачные участки начинают напоминать лагерные зоны.

Федя

Федя – это его псевдо, вольный перевод по созвучию с родного языка на русский. Но, когда я вошел в больничную палату, он представился этим именем. О том, что он далеко не «Федя», сразу говорили его сверкающие, стремительно бегающие, внимательные и умные глаза и такие же суетящиеся в жестах руки. Что-то хищническое ощущалось во всём его облике. Пространство вокруг него, когда он не спал и когда выключал наушники, сразу заполнялось его голосом – вьедливым, поучающим, о чём бы ни шла речь. Он судил обо всём безапелляционно и каждый раз с присказкой: «Вот такая геополитика!».

Но за его безапелляционностью чувствовалась убежденность, основанная на личном опыте. То он, демонстрируя ловкость рук рыночных «кидал», рассказывал, как раскручивался этот бизнес, то со знанием дела раскрывал механизм завладения квартирами пенсионеров, то с воодушевлением, даже с

азартом, рисовал картины схваток собак бойцовских пород на тайных площадках. Причём в каждом случае перечислялись нарушаемые законы и должностные лица, которые помогают их обходить за определённую плату, размер которой он знал как твёрдую таксу.

Его всезнайство всколыхнуло в памяти давний рассказ моего школьного товарища Саши Козлова, учившегося в самом начале пятидесятих годов прошлого столетия у знаменитого И. В. Курчатова. Одну из лекций Игорь Васильевич начал с просмотра видеоматериалов. В то мгновение между выключением света и включением проектора в аудиторию врывается опоздавший студент и восклицает:

– Ну и темнота! Как у негра в ж...

В полной тишине раздаётся спокойный голос Курчатова:

– Ребята! Включите свет. Хочу посмотреть на молодого человека, который в свои года успел везде побывать.

Я, поддавшись искушению, озвучил эту историю, чтобы «макнуть» всезнайку. Он обиделся, но не надолго. И снова пошли назойливые монологи: о девчонках – соседках по столовой, с которыми он намерен завязать «отношения», для чего обрил свою чёрную недельную щетину, делавшую его похожим на террориста; о том, как быстро и легко делать деньги на людских слабостях, и, конечно, о сегодняшней безграничной свободе для бизнеса, гарантированной нынешней Конституцией, знание которой он тут же подтверждал цитатами. И опять же с присказкой о геополитике.

Нас в палате пятеро, все – люди разные, но у всех, по крайней мере, одно общее есть – автомобили. Двое – профессиональные водители: старожил Сашка и новичок Михаил. Впрочем, он такой же Михаил, как и Федя, но в нём исламский дух больше похож на буддийское благородство. Он держится не столько лекарями, сколько своей внутренней силой, борясь с невероятными болями после тяжелейшей травмы на строительстве. Его тело исполосовано шрамами от многочисленных операций. Ночами он, стараясь отвлечься от боли, с любовью рассказывает о жизни в селе на Тамбовщине, ставшей ему родной.

Сашка разрисован не шрамами. Он весь расписан татуировкой – память об отсидке за драку. Тюрьма не отбила в

нём чувства нежности и обожания женского пола, на вещи смотрит трезво, умеет понимать людей, немногословен, но откровенен.

Ещё один Александр, совсем новенький. Мы с ним почти одногодки, я чуть постарше. Он похож на старого профсоюзного деятеля не очень крупного завода, а вот в характере его пока не разобрались. Он только вливается в коллектив, хотя в этой больнице старожил.

Всех четверых уже стала раздражать Федина почти непрерывная болтовня, и я решил «макнуть» его уже напрямую, без деликатничанья.

– Федя! А ты хоть знаешь, что такое геополитика? Кто такой Карл Хаусхофер?

Федя заткнулся и молча выслушал мою краткую лекцию.

На другой день я почувствовал, что он меня «зауважал». Вечером, как бы оправдываясь, он откровенно рассказал о себе. Как и следовало ожидать, он – довольно типичный продукт времени смены эпох.

На рубеже восьмидесятых во избежание возможных хлопот и неприятностей не в меру энергичного и избалованного бакинского школьника родители по благу пристроили в Суворовское училище в Москве. Перестройка застала его уже офицером в составе Группы советских войск в Германии. Горбачёвское предательство, поспешный вывод советских войск деморализовали многих молодых офицеров, лишившихся определенности в своём будущем. Он хватался за любую возможность заработать на жизнь, на семью, действительно прошёл путь базарного «кидалы», гонял машины из Европы в Союз, активно участвовал в криминальных группировках по захвату чужих квартир, торговал наркотиками и собаками бойцовских пород и до сих пор держит злобную пару. Он действительно прошёл огни и воды криминального бизнеса и, наконец, создал какое-то подобие благополучия в семье, работая охранником в двух организациях и не упуская возможности ухватить где-нибудь и что-нибудь. Он действительно любит своего девятилетнего сына и готов любыми средствами создать ему счастливое будущее: у сына самые дорогие мобильники, компьютеры, он обучается иностранным языкам и т.д. и т.п.

Длинными ноябрьскими и декабрьскими больничными вечерами и у нас, и в других палатах не смолкали разговоры о нашей жизни сегодняшней, о свободе, которой не умеем пользоваться, о справедливости, которая кажется всё более недосягаемой, о выборах, которые напоминают бои без правил или схватки бойцовых собак, и о многом другом, что мешает жить.

Мы с Федей выписались из больницы в один день и ехали одной электричкой до Белорусского вокзала. Состав уже медленно катился вдоль перрона, когда он спросил:

– А что я делал не так?

– А ты посчитай, сколько людей «кинул» за свою жизнь...

Он задумался. Его лицо вдруг изменилось, словно с него сдёрнули маску хищника. С большим трудом он выдавил из себя:

– Ты прав, батя...

Я не очень поверил в его искренность, тем более, в раскаянье. Уж очень он гордился тем, что по своим доходам пробыл в то, что нынче называется «средним классом». В этом отношении он был единственным из нас пятерых. Невольно вспыхнула мысль: сколько же надо было «кинуть» людей тем, кто сегодня на верху социальной лестницы? Подсчитать оказалось легко: весь народ и по нескольку раз. Причём для тех, кто грабит государство и народ в особо крупных размерах, это квалифицируется как «превышение должностных полномочий», а всё награбленное остаётся в их собственности. Впервые в мире в нашей стране осуществляется принцип: «Только ворованная в особо крупных размерах собственность является священной и неприкосновенной». И всё это под флагом борьбы за свободу и права человека. Подобного цинизма ещё не бывало!

Любовь, деньги и совесть

Она свалилась, как сосулька на голову, – неожиданно и ошеломляюще. Секретарь не успела опомниться, как она уже ворвалась в кабинет:

– Всё, я больше не могу молчать. Двадцать лет жду. Я, наконец, должна увезти Вас с собой в Америку. Вы заслужили спокойной жизни. Не думайте ни о чём. Я всё решила. Денег на всё хватит...

Она быстро и громко говорила и говорила, благо за двойной дверью в приёмной не было слышно. А я лихорадочно прокручивал в голове ситуацию, узнав в посетительнице дочь своего бывшего сослуживца, успешного московского бизнесмена, которую первый раз в жизни увидел около месяца назад в ресторане на юбилее нашего земляка, где она была с отцом и даже пригласила меня на танец. Во время танца она призналась, что помнит меня с детских лет и знакома с моей дочерью, которая старше неё.

Оказалось, что она прекрасно осведомлена о практически уже неизлечимой болезни моей жены и даже о незавидном положении дел на работе. И на всё у неё уже были готовы рецепты:

– Жену мы устроим в хорошую клинику. Сколько тебе (!) нужно денег, чтобы решить проблемы на работе? Я дам, поправишь дела и уедешь. Мы с мамой через месяц едем в Америку, там у нас свой дом. За этот месяц надо успеть всё сделать...

Честно говоря, я, очумевший от этой психической атаки, пока ещё не произнёс ни единого слова. Наконец нашёл выход: с трудом вспомнив, как её зовут, сославшись на необходимость ехать на совещание и вежливо отклонив предложение «подбросить» меня, выразил полную готовность завтра или послезавтра выкроить время и посетить их с мамой, чтобы спокойно обсудить все проблемы.

Едва она вышла, набрал телефон её отца:

– Сева! У меня только что была Наталья...

– Всё-таки не удержалась, – перебил он меня. И рассказал не очень весёлую историю.

Действительно, его дочь буквально заболела девичьей любовью ко мне уже более тридцати лет назад, хотя видела меня лишь изредка на каких-либо публичных мероприятиях, на которых мне приходилось бывать в силу служебных обязанностей. Вскоре меня перевели в Москву, и её родителям показалось, что всё прошло. Дочь даже успела побывать замужем, но быстро развелась, занялась каким-то весьма прибыльным бизнесом и сказочно разбогатела, купила в Америке дом, начала сорить деньгами, изрядно выпивать, но личная жизнь так и не сложилась. И вот, увидев меня на том юбилее, она решила наверстать упущенное. Тщательно подготовившись, проводя

глубокую разведку моей деятельности и обстоятельств личной жизни, ринулась в атаку, не допуская мысли, что я устою перед соблазном поменять безнадежно больную жену на симпатичную (вдвое моложе) богатую даму, а трудные заботы о разваливающемся под ударами беспредела девяностых годов издательстве – на спокойную и обеспеченную жизнь.

Всеволод боялся лишь одного: как бы я грубым отказом не толкнул его дочь на очередное безумство, которое могло для неё плохо закончиться. Положение осложнялось тем, что его бывшая жена поддерживала стремления дочери. Мы договорились, что я буду информировать его о всех контактах, а он будет стараться или предупреждать их, или как-то помогать мне в сложных ситуациях. Но как самую главную мы поставили цель – скорее и на максимально длительное время отправить дочь с матерью в Америку. Наш план реализовался и в значительной мере потому, что удалось привлечь на свою сторону мать Наталии. Несмотря на то, что она одолевала меня бесконечными телефонными звонками на работу и домой, с самой Натальей мы встретились всего два или три раза, но лишь в присутствии отца или матери. А через месяц мать и дочь благополучно отбыли в Америку. И без меня. Больше я её никогда не видел.

Как-то позвонил Всеволод и передал привет из Америки. Я не стал любопытствовать, но по его тону понял, что судьба дочери его уже не так беспокоит, как раньше. Он откровенно признался, что не хватает сил противостоять старой коварной болезни. Вскоре его не стало.

Вот и вся эта маленькая и, вроде бы, простая история. Но из неё, как из любой истории, маленькой или большой, как из басни следует мораль. А она, на мой взгляд, такова:

- чувства всегда должны подчиняться разуму и совести;
- большие деньги сносят башку больше, чем любовь, а дурные большие деньги – тем более;
- любовь чаще всего окрыляет, даёт ощущение силы духа: «Я всё могу!»;
- дурные деньги, освобождая человека от тормозов культуры, придают ощущение не свободы, а вседозволенности: «Мне всё можно!»;
- любовь и деньги – понятия трудносовместимые.

УРОКИ СОЦИОЛОГИКИ

Почему падают святыни?

Трудно нормативной лексикой выразить своё отношение к позорнейшему факту маразма, совершенному группой молодых нелюдей в храме Христа Спасителя. Но у мудрого Даля всё же удалось найти соответствующее: святотатство и святохульство в извращённой форме (на счёт формы – моя добавка, ибо в те времена такого не было). У Даля проще: «Святотатство – преступление это. Законы карают святотатство строже, чем простую кражу». Вот и предоставим суду установить всех, причастных к этому преступлению, объективно оценить вину каждого и определить меру наказания. А перед российским обществом стоит другая задача: осознать, наконец, истинные причины таких фактов и истинную глубину моральной деградации нашей жизни.

К сожалению, этих причин довольно много и все они требуют серьёзных научных исследований. В рамках же газетной статьи можно лишь попробовать выделить основные, коими, на наш взгляд, являются:

- традиционное, идущее ещё с советских времен, непонимание того, что воспитание, каким бы оно ни было, лишь один из факторов формирования личности, которое является продуктом всей социальной практики человека;

- крах общественных идеалов в результате развала СССР и отсутствие таковых весьма длительный период. Молодёжь оказалась в шоковом состоянии от изменения на противоположную всей системы ценностей: коллективизм уступил место крайнему индивидуализму, культ труда отступил перед ненасытной жадой наживы, честность сменилась бессовестностью, порядочность стала пороком, не позволяющим «делать

деньги». Самыми успешными стали бандиты и воры, а также примкнувшие к ним чиновники, представители старой номенклатуры, скрывавшие своё подлинное лицо, маскировавшиеся в советских людей. Любовь – и та оказалась товаром. Как давно доказано историей, пороки легче приживаются и быстрее распространяются, чем положительные качества человека;

- развал систем образования, в том числе профессионально-технического, культурно-воспитательной работы, молодежных организаций;

- массивированная психологическая (скорее – психическая) атака не столько на недостатки советского строя, сколько на духовные ценности прадедов, дедов, отцов и старших братьев нынешней молодёжи, благодаря труду и воинским подвигам которых оставлено наследие, до сих пор проедаемое Россией. Это привело к дикому конфликту поколений, практически исключило семью из факторов цивилизационного формирования личности молодых людей;

- порочность политики либерализма, не соотносимой с уровнем общей культуры населения, сведение свободы к вседозволенности, провокационные девизы типа: «Бери от жизни всё!». Не помню кем, но мудро сказано: «Нельзя пускать детей в аптеку!»;

- принятие интуитивных решений, автоматически обретающих форму закона, которые не способствуют единению общества, а ещё более разобщают его. Примеров тому много. Одно из последних разрешило регистрацию партий, насчитывающих пятьсот и более человек. Когда-нибудь мы научимся делать выводы из опыта других или каждый раз будем на себе испытывать груз ошибок? В Китае давно «расцветали все цветы» и оказалось, что чем их больше, тем дурнее они пахнут. В настоящее время выдвинуто ещё одно, мягко говоря, неумное предложение: повысить оклады высшим чиновникам до 15 млн рублей в год. Оно было бы правомерным, если бы вносилось в пакете с увеличением минимального размера оплаты труда до 150 тысяч рублей со всеми вытекающими отсюда последствиями, то есть пересмотром всей системы оплаты труда в стране, исходя из требований цивилизационного закона минимизации разрыва доходов самых богатых и самых бедных слоёв населе-

ния. Но для разрешения этого основного противоречия власть пока ничего реально не сделала, что не предвещает социальной стабильности в обществе;

– непродуманные шаги отдельных политических деятелей и откровенных политиканов, провоцирующие социальные конфликты. Многие граждане напрямую связывают инцидент в храме Христа Спасителя с организацией рок-концертов на Красной площади, попытками надругательства над прахом В.И. Ленина и памятью о нём множества людей, приходящих и приезжающих к Мавзолею из разных стран мира.

Со святынями надо обращаться как со святынями. Даже если они принадлежат другим народам. Только варвары разрушают святыни, а в благодарной памяти человечества остаются люди, уважающие и сохраняющие их. До сих пор старая Вена добрым словом поминает советского маршала Фёдора Ивановича Толбухина, который, со своими войсками освобождая Европу от гитлеровского фашизма, в ожесточенных сражениях сумел сохранить её замечательные памятники истории и культуры, составляющие общечеловеческую ценность.

И когда всё вышесказанное осмысливаешь, то в твоём сознании явные преступники становятся одновременно и жертвами, к которым испытываешь не только жалость, но и сострадание. Да, они – жертвы эпохи перехода от кошмара девяностых к неизвестно чему. Оглянитесь вокруг себя, на каждом шагу вы увидите приметы тлетворного влияния общества потребления. Пробежите глазами последние полосы популярной молодежной газеты, забытые объявлениями с предложениями интимных услуг на дому и на выезд. А сколько молодых россиянок в качестве живого товара вывезено в другие страны и попали в сексуальное рабство?..

Вот, откинувшись на сиденье в вагоне метро, сидит совсем молоденькая девчонка. Перед ней немощная старуха, которую она видела, но делает вид, что не замечает. На лице девчонки смертельная усталость то ли от ночной дискотеки и тоников, то ли от спиртного или наркотиков. В ушах затычки, там беспрерывно звучат песни её кумира, «звезды» шоу-бизнеса. Глупые, бессмысленные слова и примитивные мелодии его песен – единственное, что она знает и помнит хорошо, чтобы вечером на его концерте вторить словам, размахивать в такт

руками и пританцовывать, а потом с безумной страстью стараться приблизиться к нему, попасть на глаза: вдруг заметит...

Внучка соседки, шестиклассница, чуть не плачет: «Бабуля! У всех в классе уже новые мобильники, модные, а у меня прошлогодний». Бабушке врачебной зарплаты на модный не хватает, но допустить, чтобы девочка чувствовала себя в классе ущербной, тоже не хочется. Приходится ополовинить повышенную недавно пенсию прадеда, ветерана Великой Отечественной войны, бывшего боевого комбата.

Они быстро взрослеют, нынешние малолетки. В основном благодаря двум «ящикам»: телевизору и компьютеру, которыми владеют лучше взрослых, особенно в поиске «развивающих» программ о «красивой жизни» крупных бизнесменов и «звёзд» шоу-бизнеса. Они уже хорошо усвоили, что только большие деньги, неважно, каким путём полученные, открывают возможности жить «клёво», купаясь в наслаждениях со своими бой-френдами (спросите на вологодчине опытного рыбака, как называется молодой самец при старой щуке, и он даст вам точный перевод на русский этого слова). И потому многие девчонки мечтают стать не знаменитыми ткачихами и даже не космонавтками, а непременно «звёздами», всё равно какими: кино, телевидения или шоу. Ведь для этого и учиться-то практически не надо. Для телевидения достаточно специального образования в три сезона КВН, а для шоу-бизнеса – конкурса на фабрике «звёзд», где пекут кадры даже из отбросов. Главное – понравиться режиссёру, продюсеру или мадонне, приглянуться богатому покровителю, привлечь к себе внимание. А чтобы стать знаменитой даже при отсутствии ума и таланта, нужен большой скандал.

Вот и попробовали девчонки устроить его сначала на Лобном месте Красной площади. Скандал прошёл безнаказанно. Теперь осквернили Храм, чувства верующих и вообще всех нормальных людей. Если и на этот раз примерно не накажут, на что они или другие замахнутся в очередной раз?!

Но выводы из таких историй надо делать и государственным органам. Недопустимо, чтобы проблемами морали и нравственности занималась только Церковь и на всю Россию оставался только один идеолог – Патриарх.

Традиционно на Руси ценились ум, красота и скромность. Когда-то ансамбль «Берёзка», гастролируя по всему миру, разрушал представление о России как империи зла. Нынче на мировой арене его заменили «татушки». Продолжается торжествующее шествие пошлости по стране, разрушая остатки многовекового культурного наследия. Секс-символ стал героем нашего времени. Деградировали все виды и жанры искусства, а главным направлением стал шоу-бизнес, активно поддерживаемый некоторыми политическими деятелями в политических же целях. В него выродились даже бывшие профессионалы, свидетельством чему является петросяновское «Кривое зеркало». Вспомните в него, господа! Не видится ли в нём будущее ваших дочерей и внуков? Смеяться над этим можно только сквозь слёзы.

Не пришло ли время осознать, что без решительных мер государства по преодолению нравственного кризиса, повышению общей культуры населения бесполезными окажутся все усилия вырваться из нынешнего весьма плачевного состояния, все планы на будущее и само это будущее.

*Материал с небольшими изменениями
опубликован в газете «Московская правда»
23 апреля 2012 года на 1–2 полосах.*

К вопросу о национальной идее

*Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно слитых:
Голод голодных и сытость сытых.*

М. Цветаева

Вновь идут ожесточенные споры о необходимости национальной идеи, без которой невозможно успешное развитие любой страны, поскольку без цели немислимо устойчивое поступательное движение к идеалу. А между тем нужно лишь обратиться к истории общественной мысли и добавить немного элементарной логики. Но сначала попробуйте ответить для себя на некоторые вопросы, не всегда получающие адекватные ответы на нынешних дискуссиях на эту актуальнейшую тему:

– Не смешиваем ли мы понятия «национальная идея» и «государственная идея», и кому это выгодно?

– Много ли осталось в мире мононациональных государств?

– К чему ведут расизм, национализм?

– Надо ли в современном контактном мире изолироваться настолько, чтобы ставить целью создание сильного мононационального государства?

– Какая может быть национальная идея в многонациональном государстве?

– Вред или благо для будущего человечества кровосмешение между представителями разных наций и рас? Не в этом ли состоит смысл совершенствования человека как биологического существа, а человечества как части природы?

– Не закончилась ли эпоха национальных государств и национальных идей?

– Какова судьба национальных культур: развитие или забвение? И т.д. и т.п.

И наконец, главный вопрос: хочет ли человечество в своем развитии достичь высшей гармонии с природой, счастливой мирной жизни всех стран и народов, всех людей в их едином сообществе или предпочитает жить в мире разногласий, ненависти, жестоких войн, нарастающих противоречий – межгосударственных, межнациональных, между богатыми и бедными странами, между богатыми и бедными людьми, между белыми, чёрными и жёлтыми, между Севером и Югом, Востоком и Западом – до неминущей в этом случае глобальной катастрофы, угрожающей существованию и всего человечества, и самой нашей планеты?!

Ответ на все эти вопросы лежит в самой истории человечества, для которой важен опыт буквально всех стран мира, больших и малых, от Америки, Китая, Индии до Монако и Катара, и, безусловно, опыт России дореволюционной, а особенно – Советского Союза и современной России. Необходимо лишь здраво осмыслить этот опыт, ибо не сама по себе история учит людей, а сделанные из неё выводы на будущее.

Владимир Соловьёв ещё в позапрошлом веке писал: «...ни один народ не может жить в себе, через себя и для

себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определённое участие в жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или иную нацию в этой вселенской жизни, – вот её истинная национальная идея, первично установленная в плане Бога» (Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 187).

Ему вторит Николай Бердяев: суть «русской идеи» – построение на Земле «совершенного христианского социума» (Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской философской мысли XIX и нач. XX века. М.: Политиздат, 1990. С. 208).

Заметьте, что ни первый, ни второй, отмечая неразрывную связь между национальными идеями других народов и жизнью человечества в целом, даже не намекает на какую-то особую роль России в конечном результате осуществления «русской идеи», хотя Бердяев и делает акцент на христианском социуме.

Что же такое этот «совершенный христианский социум» при ближайшем рассмотрении? Да это такое же, как и в других мировых религиях, социальных учениях и в мировой культуре общество Высшей справедливости, в котором Добро наконец-то побеждает Зло во всемирном масштабе.

На практике зачастую понятие справедливости стараются ограничить сферой быта, так называемой «социальной сферой», где неправомерно заужен смысл понятия «социальное». Лишь тогда, когда социальная сфера осознается как весь объём бытия, как ноосфера, становится возможным определить истинное значение справедливости в организации жизни человечества. В этом случае уровень достижения справедливости выступает объективным критерием степени цивилизованности общества, его общей культуры. Именно этот критерий определяет степень решения извечных проблем на каждом этапе общественного развития: соотношение Добра и Зла, цели и средств её достижения, свободы и равенства, морали и права, образованности и воспитанности, силы и разума, а также взаимодействия природы и общества, единства материального и духовного и, наконец, динамики и стабильности прогресса.

Построение общества максимальной справедливости (полной, как и в понимании абсолютной истины, быть не мо-

жет) – это и есть объективная общенациональная идея любого государства, стремящегося к достижению высшей объективной цели человечества – организации максимально справедливой жизни мирового сообщества.

Когда внутренняя и внешняя политика государства соответствует этой идее и этой цели, страна ускоряет своё движение по лестнице социального прогресса, если политика расходится с объективными интересами народа, движение не только замедляется, но может приобрести и обратный характер.

В современной России отрицание всего опыта социалистического развития в Советском Союзе стало практически государственной политикой. Лишь очень ограниченные люди не могут подняться до объективной оценки роли СССР в ускорении общественного развития многих стран мира по пути достижения справедливости. Не случайно А. Тойнби, которого трудно заподозрить в любви к социализму, назвал СССР «цивилизационным проектом общечеловеческого масштаба» (Цит. по: Наш современник. 1997. №11. С. 21).

Ведь нельзя отрицать, что именно опыт СССР дал возможность добиться значительных сдвигов в продвижении к справедливости практически во всех странах мира: в большинстве из них снизилась эксплуатация трудящихся, повысился уровень жизни и защиты их прав, многие страны избавились от колониальной зависимости; там, где правительства поняли, что на пути к справедливости главное – это разрешение противоречий между трудом и капиталом, значительно сократился разрыв в уровне доходов самых богатых и самых бедных слоев населения (в той же Франции – в десять раз), установились более гармоничные общественные отношения.

Важен научный подход не только к положительному, но и к отрицательному опыту Советского Союза в борьбе за справедливость, который, безусловно, имел место в тех чрезвычайных обстоятельствах, в которых он рождался. С таким анализом ничего общего не имеют фальсификации и преувеличение негативных сторон как зарубежными, так и доморощенными оракулами, сделавшими антисоветизм своей основной профессией. Бесполезно искать порядочных людей среди тех, кто бурно радовался и радуется до сих пор развалу СССР, как и

среди тех, кто залихватски пляшет на могиле отца или матери. Нормальный человек не может радоваться трагедии сотен миллионов людей, трагедии, финальный акт которой организовала кучка антисоветчиков – провокаторов, именующих себя демократами, ненавидящих народ и рвущихся к власти. И они получили её благодаря предательству тогдашнего лидера страны.

Что бы ни говорили противники СССР, но историческим фактом являлось существование такого общенационального единства, как советский народ, на одной шестой части территории Земли. И этот народ во многом успешно двигался по пути к утверждению справедливости в стране и на мировой арене. Этот народ внес решающий вклад в разгром фашизма, в спасение от него не только беспамятной Европы, но и многих стран на других континентах, дал миру уникальный опыт построения посткапиталистического общества, чем заслужил высокий авторитет и был одной из главных сил, способных решать судьбы человечества на планете. И это было справедливо.

Цивилизационная роль СССР всё более осознаётся думающими людьми и у нас, и за рубежом на фоне тех катаклизмов и угроз, которые потрясают Россию и весь мир после и в результате искусственного устранения советской державы с мировой арены.

Причины развала СССР требуют отдельного обстоятельного анализа, мало общего имеющего с многочисленными фальсификациями на эту тему. Поэтому ограничусь лишь некоторыми замечаниями.

Исходя из классической в таких случаях посылки «искать того, кому это выгодно» – искать-то не приходится. Всё и вся указывает на администрацию США как исполнителя воли верхушки мирового капитала. Устранение СССР как главного конкурента США в мировой политике и главного сдерживающего фактора в достижении ими мирового господства составляло основную цель «холодной войны», открыто провозглашённой сразу после окончания Второй мировой войны, победа в которой далась Советскому Союзу ценой огромных людских и материальных потерь, а Соединённым Штатам принесла огромные барыши и стратегические преимущества. И эта цель была достигнута мобилизацией мощнейших ресурсов империали-

стических сил и использованием ведущей роли в таких международных организациях, как ООН, МВФ, МВБ, НАТО и др. Противники СССР не стеснялись в выборе средств: планомерная деятельность по созданию «пятой колонны», финансирование и поддержка диссидентского движения, тотальная антисоветская пропаганда в зависимых от них СМИ, по характеру и наглости не уступавшая геббельсовской, фальсификация истории в науке и т.д., вплоть до откровенных провокаций. Все эти приемы отработывались на странах социалистического содружества.

Способствовала ослаблению страны и совокупность целого ряда внутренних факторов: после смерти И.В. Сталина личности в руководстве государства не стало, а культ остался; эта смерть стала глубоким потрясением для всего народа, за очень небольшим исключением, в основном по личным мотивам. Неумное «разоблачение культа» нанесло огромный вред и стране, и международному социалистическому и национально-освободительному движению; партия была ослаблена непродуманной политикой руководства, отсутствием новейших научных разработок теории социалистического строительства, реорганизациями, снижением требовательности к членству в партии, перегрузкой её организаций производственно-хозяйственными проблемами, что снижало ответственность аппарата советской власти на местах; сказывались недостаточная теоретическая подготовка руководящих кадров, промахи в идеологической работе и др. Истощенная войной страна, изумляющими мир темпами восстанавливающая народное хозяйство, при своих крайне ограниченных возможностях слишком много тратила на помощь освобожденным странам Европы, бедным, но борющимся за лучшую жизнь странам других континентов. Советский Союз, как и дореволюционная Россия, были уникальными империями в том смысле, что всегда больше внимания уделяли национальным окраинам в ущерб коренному населению, прежде всего, сосредоточенному в сёлах центра России. (Вспомним вошедшие в историю слова трагически погибшего героя-партизана, возглавлявшего тогда коммунистов Белоруссии Петра Мироновича Машерова: «Когда же мы начнём помогать своему старшему брату?») Руководители СССР пятидесятых-шестидесятых годов упустили благоприятный

исторический момент мирного времени и относительного паритета военных угроз для значительного роста уровня потребления и качества жизни всего населения страны за счёт временного сокращения военных расходов и мобилизации других источников. Не были использованы возможности этого периода и для преодоления когда-то жизненно необходимой изолированности страны от мирового сообщества, прежде всего в сфере науки и новых технологий.

Перечень недостатков, ошибок и неиспользованных возможностей не исчерпан, но всё сказанное свидетельствует лишь о сложности того исторического пути, который прошёл советский народ в борьбе за счастливое будущее человечества, для которого опыт немалых достижений СССР и трудного пути к ним бесценен.

Безусловно, к началу 80-х Советский Союз в результате многих объективных причин и субъективных факторов был основательно ослаблен. Но непосредственной причиной его развала явилось то, что в условиях осознаваемой и партией, и народом необходимости перестройки у руководства страны не было её продуманного плана. Так что неправомерно называть Горбачёва «отцом перестройки». Не верится и в то, что он сейчас говорит, будто сознательно шёл к нынешнему результату. Очередной пиар обанкротившегося политика. Просто он, одобрительно похлопываемый по плечу коллегами из «дружественных» стран, не добившись единства в Политбюро, слишком много взял на себя, начав одновременно и политическую, и экономическую реформы, что категорически противопоказано историческим опытом. А поскольку его собственной компетенции не хватало даже на одну из этих реформ, он в скором времени потерял и экономику, и власть и скатился к прямому предательству интересов страны.

В результате компрадорские и чванливо-властолюбивые персоны, называющие себя «демократами», под общим руководством многочисленных зарубежных «спецов» по «цветным революциям», фальсификации выборов, шоковой терапии и другим разрушительным провокациям организовали контрреволюционный верхушечный переворот вопреки воле народов при полном попустительстве и прямом содействии тупых и

безответственных политиков, неспособных предвидеть последствия своих решений и поступков, которые иначе как изменой народу не назовешь. Это, разумеется, Горбачёв, Ельцин, Кравчук и Шушкевич. Горбачёв также ответствен за Беловежский сговор, поскольку не принял никаких мер к недопущению этого преступления.

С точки зрения цивилизационного развития был совершён именно контрреволюционный переворот, коснувшийся не только Советского Союза и Восточной Европы, но и всего мира. Если Советский Союз пытался построить (и во многом продвинулся к этой цели) посткапиталистическое общество, то новая Россия оказалась отброшенной на полторы эпохи назад, в период первоначального накопления капитала. В территориальном же отношении она вернулась в XVI век.

Разве могут быть жизнеспособными общество и государство, где основополагающим стал принцип «ворованная собственность священна и неприкосновенна», где свобода трактуется как вседозволенность, где работает один закон – постоянного роста крупного капитала, где главный цивилизационный показатель (соотношение доходов самых богатых и самых бедных) не сокращается, а растёт бешеными темпами, где почти не осталось своих производителей, а культ потребления процветает, где «элита» по развращённости превзошла всё, что было в мировой истории?! А ведь многие мыслители, в том числе и российские, предупреждали, что «цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей» (*Розанов В.В. Избранное. Мюнхен, 1970. С.176*).

В мировом масштабе развал СССР привёл к усилению США в стремлении к однополярному миру, к развязыванию рук крупному капиталу в эксплуатации народов и природы, в переделе территорий и собственности, к угрозе новой мировой войны. Значительно возросло влияние транснационального капитала – этого мирового разбойника, не считающегося ни с национальными законами, ни с международными организациями. Весь мир сделал огромный шаг назад в своём развитии.

А ведь было время, когда можно было договориться всем странам и народам о согласованном развитии человечества на всей нашей планете. И такие разговоры шли ещё в ходе Второй

мировой войны, когда лидеры «большой тройки» – Рузвельт, Сталин и Черчилль – определяли политическое устройство мира после войны. Но дальше этого дело не пошло из-за смерти Рузвельта. А после него в Америке уже не было личности такого масштаба. Такая судьба постигла и другие страны-победительницы. Последователи же не сумели воспользоваться предоставленной мирной передышкой между большими войнами для решения актуальнейших проблем мирового развития. Организация Объединенных Наций так и не стала штабом по утверждению принципа справедливости в отношениях между народами, а постепенно превратилась в проводника политики США под флагом борьбы за «демократию», ничего общего не имеющую со справедливостью.

Сегодня только объединенная воля всего человечества, сплоченного идеей торжества справедливости, может спасти жизнь на планете Земля, ибо мир уже задыхается от накопившихся противоречий. Видимо, пришло время, о котором мечтали древние мудрецы, время, когда миром должны управлять философы, люди, умеющие видеть и понимать сущность, взаимосвязь и взаимовлияние всех явлений в природе и обществе, люди бескорыстные и справедливые. Нужен независимый от какой-либо отдельной страны штаб по выводу человечества из чрезвычайной ситуации, на роль которого никак не годится ООН в её нынешнем состоянии. Инициатором таких предложений могла бы выступить и Россия, пока её голос ещё слышен на международной арене и где не перевелись ещё умные люди.

Но чтобы иметь право выступать с такой инициативой, России самой следует определиться, по какому пути развиваться, чтобы избежать очередного краха, и, не довольствуясь «рассчитанными» на десятилетия «заморочками» (не хватит ли «пудрить мозги» народу?), предпринимать конкретные шаги по разрешению перезревших противоречий, основным из которых на сегодня является позорная разница в доходах самых богатых и самых бедных её граждан. Не сделав этого, бесполезно даже говорить о каком-то единстве народа, какой-то общенациональной идее, да и вообще о разумности государственной политики.

Пока (но это время сокращается с каждым днем) власть ещё может сверху осуществить ряд мер, способных оздоровить ситуацию в обществе. Сначала необходимо объективно оценить результаты политики либерализма с российской спецификой – главной причины деформации общества.

Либерализм для России – понятие не новое. Модным он был ещё в XIX веке, когда помещик, что-то слышавший о французской революции и захотевший выглядеть в глазах общества либералом, сидя на диване и дымя сигарой, рассуждал о необходимости свободы, а встав с дивана, шёл пороть крепостных, выбивая из них семь шкур и добиваясь покорности (что и было засвидетельствовано в русской классической литературе). Помним мы и либерал-демократов Межрегиональной депутатской группы, протаскивающей на съезде народных депутатов закон об отмене смертной казни за экономические преступления. Они уже тогда знали, что будут воровать, и воровать по-крупному. Потом потихоньку они же убрали из законодательства статью о конфискации ворованного имущества. И всё это – под флагом свободы. А в результате свобода обернулась вседозволенностью и воровать стали в космических масштабах совершенно безнаказанно.

Свобода, как и другие общечеловеческие ценности, всегда должна соотноситься с уровнем общей культуры общества – основного показателя степени цивилизованности последнего и соответствовать критериям справедливости («Нельзя детей пускать в аптеку!»).

А насколько отвечает этим требованиям, например, деятельность одного из ярких представителей современного российского либерализма, бывшего министра экономики и нынешнего «передовика капиталистического труда» мистера Грефа, добившегося увеличения сверхприбыли Сбербанка, в том числе и за счёт снижения доходов по пенсионным вкладам до уровня в два с лишним раза меньше даже официальной инфляции?! Невольно возникает вопрос, что стоит за деятельностью господина Грефа: улучшение обслуживания населения или его ограбление, стремление ростом прибыли оправдать непомерно высокие зарплаты и доходы руководства банка? И сколько таких «передовиков» в сегодняшней России, не говоря

уже о прямых расхиителях государственных средств? Впечатляющими примерами изобилуют СМИ и Интернет, но руководство страны отделяется неопределенными обещаниями, которым люди уже перестали верить. «А Васька слушает да ест».

Сочетание буржуазной демократии с либерализмом на российской почве после распада СССР привело к созданию криминального государства. Сам Ельцин, уходя с поста президента, сделал то, на что не хватило ни ума, ни совести у Горбачёва, – попросил прощения у народа за то, что он натворил. Сталин тоже просил прощения у русского народа, но то был акт совершенно другого уровня и значения. И просил он прощения во время триумфа Великой Победы советского народа, а не в дни великого позора России.

Нынешняя власть, её многочисленные помощники и советники, её «теоретики» и практики упорно держатся за горбачёвско-ельцинское наследие, хотя уже стала очевидной ошибочность ряда основных постулатов либерализма.

Кто сегодня поверит, что государство должно уйти из экономики, что государство должно быть слабым, и тогда экономика станет сильной, что «рынок сам всё отрегулирует»? Жизнь убедительно доказала, что слабое государство может выжить только среди себе подобных, а рынок может стать эффективным регулятором лишь при стабильности в мире (чего в принципе не может быть при отсутствии хотя бы относительного равенства партнеров), либо на изолированной от внешних влияний территории типа американской, и то при определенных условиях.

Кто-то из российских либералов вполне искренне заблуждается, большинство же действует абсолютно сознательно, но все они черпают идеи той экономической школы, которая всегда блюла политические интересы США и мирового капитала. Традиционная научная несостоятельность западных либералов, а соответственно и их апологетов в России состоит в узко экономическом взгляде на общественный процесс, в отсутствии диалектического мышления. Эту «болезнь» экономистов отмечал ещё в начале 20-х годов прошлого столетия один из первых советских социологов Л.А. Войтоловский:

«...оперируя одной экономикой и не принимая во внимание всей совокупности общественных отношений, мы бродим ощупью и бываем нередко совершенно беспомощны в выборе ближайших путей» (*Войтоловский Л.* Психология масс. В 2-х т. Т. 1. М.–СПб., 1924. С. 7). Для принятия судьбоносных решений, а тем более программ, требуется всегда широкий мировоззренческий, по существу философский, подход, позволяющий соотнести весь спектр социальной практики с объективными законами развития природы и общества, т.е. то, что на бытовом уровне называется мудростью. Надо отдать должное западным либералам: в последнее время они опубликовали ряд исследований, в которых выходят за рамки традиции и довольно объективно оценивают современный капитализм. У наших же либералов пока просветов не видно.

Либеральный подход к экономике сродни политехнологическому, ибо и тот и другой предназначены для манипулирования сознанием и действиями масс в чьих-то политических целях, но не в интересах самих масс. Даже в ближайшем окружении президента и премьера находятся «специалисты», не понимающие (или умышленно делающие вид, что не понимают?) разницы между эффективностью экономической и эффективностью социальной. Или они сознательно организуют геноцид старшего поколения, прикрываясь мизерными подачками, практически постоянно понижая уровень его жизни? Или сознательно отталкивают от высшего образования малоимущие слои населения? И уже точно сознательно втирают народу очки, сравнивая нынешние «достижения» с «советским периодом 1989–1990 годов», т.е. со временем, когда советская экономика была уже разрушена. И уже сверхсознательно (читай – умышленно) подают создание среднего класса как доказательство успеха своей политики, умалчивая о том, что основу этого нового класса составляют не специалисты производства, не представители малого и среднего бизнеса, не интеллигенция, а многочисленная обслуга олигархов и криминальные чиновники. Так можно ли и нужно ли этим гордиться?!

Рухнула заведомо несостоятельная политика, уповавшая на то, что рынок сам всё отрегулирует. Рынок – всего лишь механизм обмена продуктами человеческой деятельности, а

механизм не может быть целью развития общества. Он – не вечный двигатель и нуждается в управлении, но управлении более высокого уровня, подлинно научном, системном. Только тогда он будет эффективно работать на достижение определенной цели. А вот достойной цели у постсоветской России ещё не было.

Кризис в стране приобрел системный характер, затронув все сферы общественной жизни ещё до начала мирового экономического кризиса. На смену человека труда, производителя материальных и создателя духовных благ пришёл жадный, кто от нищеты, а кто от пресыщенности, потребитель, приученный «брать от жизни всё». Прямым следствием этого явилась полная криминализация России при полной беспомощности власти. Морально-нравственное разложение захватило не только новую «элиту», но и, во многом благодаря СМИ, широкие слои населения. Прогрессирует внутренний колониализм, вследствие чего метрополия теряет признаки государства: территорию, язык и культуру, традиции совместной жизни и совместного созидательного труда. Национальный вопрос по-прежнему является основной угрозой целостности России. Да и может ли быть иначе, если народы не объединяются ни общей идеей, ни общим делом?

Власть, много обещающая на словах, становится всё слабее и слабее, в основном не управляя, а приспособляясь к процессу социального загнивания. Власть не решается оторваться от пагубного горбачёвско-ельцинского наследия.

Но сегодня настал момент истины. Давайте задумаемся, наконец, будет Россия строить единое суверенное социальное государство, идущее вместе с другими странами к всеобщему миру и согласию на Земле, или будет продолжать создавать олигархическую криминальную империю под руководством и по образцу Соединенных Штатов Америки с перспективой стать евроазиатским штатом последней.

Представляется, что в интересах народа может быть лишь первый вариант. Но тогда Россия обязана будет сделать незамедлительно решительные шаги в главном направлении – модернизации жизни общества на основе принципа справедливости. И первыми такими шагами должны стать подготовка и

проведение референдума по изменениям в Конституции России, Федеральные законы о категорическом запрещении повышения тарифов и цен в тех отраслях, сетях и монополиях, где доходы владельцев и топ-менеджеров, идущие на личное потребление, превышают стоимость потребительской корзины в 10 и более раз, и о введении прогрессивной налоговой системы. Предел (не более 10 МРОТов) должен быть установлен и для государственных чиновников. Необходима также разработка мер, обеспечивающих безусловное выполнение этих законов. Тогда и чиновники, и бизнесмены будут заинтересованы в повышении уровня жизни всего народа.

Конечно, каждый человек в мире хочет быть свободным в меру своего понимания этого феномена. Но сегодня просто здравый смысл не расходится с законами природы и мышления в понимании свободы как осознанной необходимости выбора между трудной и долгой дорогой к относительной справедливости и короткой, но ужасной дорогой к уничтожению всего живого на Земле. Между Адом и Раем дороги нет, её не купишь ни за какие деньги. Это Закон, Закон Природы, а его не обойдёшь.

За нами осталось право свободного выбора...

*Статья опубликована
в журнале «Берегиня. 777. Сова», 2012, № 2(13). Воронеж.*

К вопросу о справедливости

*Я не верую в Бога, но искренне молюсь
за его скорейшее пришествие на Землю
олицетворением торжества **справедливости**.*

ГОРЕ ОТ УМА

Основной закон Природы заключается в её стремлении к единству, целостности и гармонии множеств, её составляющих. Все формы материи существуют и развиваются по этому закону. Все процессы: физические, химические, биологические и т. д. — идут, подчиняясь этому закону. Все, кроме свя-

занных с человеческой деятельностью. Природа совершила большую ошибку, допустив появление homo sapiens – человека разумного, обладающего способностью самостоятельно мыслить, но лишённого врождённого инстинкта самосохранения. Тем самым человечество обречено на собственном опыте познавать законы Матери-Природы и вырабатывать в себе то самое чувство, которое, как компас, направит его по правильному пути. Чувствуете: «направит», «правильному» и дальше, по далевской цепочке: сделанный законно, по правде, по совести, по правоте – СПРАВЕДЛИВЫЙ! Справедливость – вот то качество, которое Природа не дала человеку готовеньким инстинктом, надеясь, что, используя дар разума, он сам вырабатывает его в результате практической деятельности. Но с этой задачей человечество не справилось до сих пор.

Свидетельств тому уйма, на каждом шагу по всему миру, на всех уровнях. Нет сегодня ни одного уголка на Земле, где торжествовали бы принципы справедливости. Нет её и там, где люди, хоть и кратковременно, ощущают себя счастливыми, нет её даже на кладбищах, где, казалось бы, всех уравнивает смерть.

Именно категория справедливости позволяет оценить объективно всё, чем живут сегодня люди, каким ценностям поклоняются, чего ждут от будущего. Причём не только в России, переживающей национальную катастрофу, но и во всём мире, ибо во многом спровоцированный развал СССР и всей системы противодействия монополизму в мировой политике своим главным последствием имел разрушение достигнутого к определённом времени относительного паритета сил Добра и Зла на планете. Причём я ни в коей мере не считаю, что какая-либо из сторон была носителем только Добра или только Зла. Но это было время, когда у человечества появился шанс договориться в условиях мирного сосуществования о стратегии и тактике дальнейшего своего развития, о путях разрешения противоречий, о достижении хотя бы относительной справедливости в международных отношениях, возможно, даже о создании мирового правительства вместо дискредитировавшей себя ООН. Но этот шанс был упущен и человечество в своём развитии откатилось на эпоху назад. Многочисленные негативные последствия распада СССР сегодня лихорадят всю планету и ставят

её на грань существования. Таковы плоды деятельности безголовых политиков, не умеющих предвидеть результаты принимаемых ими безответственных решений.

Почему так происходит? Почему мы живём в каком-то зазеркалье, где искажены все фундаментальные понятия, выработанные человеческой мыслью и проверенные практикой? Почему нарушается, казалось бы, всеми признанный принцип разделения властей и исполнительная власть подминает остальные ветви? Почему развитие демократии сводится к учреждению безликих и в большинстве случаев бесполезных общественных организаций, а народ всё дальше и дальше отстраняется от реальной власти? Вопросы можно продолжать до бесконечности. Но все эти ненормальности имеют под собой вполне объективные основания, сводящиеся к субъективизму органов власти, создающих объективные условия жизни народа, не соответствующие его интересам. Делается это по незнанию законов общественного развития, недомыслию или умышленно, под давлением каких-то сил – опять вопрос.

Одной из главных причин, не дающих стране выбраться из системного кризиса, в котором Россия обречена пребывать ещё долгие годы, является кризис общей культуры народа, начавшийся ещё в советский период, но дошедший до полного маразма в последние два десятилетия. Этому способствовало множество факторов: беспредел ельцинского правления, «шоковая терапия», замена всех ценностей деньгами, добытыми любыми средствами, чаще всего – преступными; морально-нравственное разложение «новой элиты»; пессимизм большинства народа; потеря интереса молодежи к образованию и профанация высшей школы; алкоголизация и наркотизация населения и т.д. и т.п. Поп-культура, всегда служившая средством оболванивания масс, стала образом жизни страны. На этом уровне и в этом стиле функционируют практически все сферы общественного бытия – от сельского хозяйства и промышленности до науки и искусства. Можно с малолетства научить людей манипулировать кнопками управления аппаратурой, но надо всегда помнить: тот же компьютер вам может выдать только то, что в него вложено другими людьми, далеко не всегда самыми умными и самыми порядочными. Кроме

того, никакая компьютеризация не может заменить процесс формирования личности гражданина.

Сложившаяся в течение многих десятилетий традиция пренебрежения основательной теоретической подготовкой руководящих кадров, недооценки необходимости философского системного осмысления всех сложностей современного мира в их динамике, отсутствие постоянного внимания к преподаванию общественных наук, устранение из школьных и вузовских программ логики – всё это привело к тому, что культура мышления и даже элементарная логика исчезли из нашей жизни. Только недоучившийся юрист, даже в Московском университете не получивший элементарной философской подготовки, мог выдвинуть идею «деидеологизации общества», которую такие же «умники» (а, скорее, предатели) активно стали внедрять и внедряют до сих пор. А что такое идеология? Это теоретическая разработка цели, стратегии и тактики развития общества. Как без этого двигаться вперёд? Как «ёжик в тумане»? Так у ёжика срабатывает инстинкт. А где человеческий разум? Где выводы из прошлого опыта? А где же сами идеологи нового времени? Неужели всех перевели? Или они сами вымерли за ненужностью, поскольку уже более четверти века живём по чужим советам и образцам, слепо копируя их? Наверно, опять не прав В.И. Ленин, утверждавший, что «идеологи – умные руководители» (ПСС. Т. 5. С. 363)?

Вполне возможно, что у руководства страны и есть своя, тайная, идеология. Но если она неизвестна народу и не разделяется им, то как же строить будущее без народа? А вот у правящей партии уж точно нет никакой идеологии, зато есть крепкая чиновничья дисциплина. Сегодня это партия В.В., завтра – Д.А., но что она будет делать, если вдруг на очередных выборах победит В.Ж.? Опять, вторя одному известному «демократу», панически кричать: «Россия! Ты сошла с ума!»? Но об этом можно не беспокоиться, ибо испокон веку и до сих пор в России всё идёт сверху.

Практическая деятельность органов власти зачастую не укладывается в сознании нормального человека и вызывает недоумённые вопросы:

– почему в стране работает только один закон – постоянного роста крупного капитала?

– в чьих интересах ведётся либерализация криминала?

– почему ничего не предпринимается для сокращения разницы в доходах самых богатых и самых бедных слоёв общества – одного из основных показателей цивилизованности последнего?

– до каких пор страна будет наполнять свой бюджет за счёт двух труб и, подобно ранним меркантилистам XVI века, законодательных манипуляций с тарифами и акцизами, которые в конечном итоге тяжёлым бременем ложатся на малообеспеченные слои населения? И это вместо того, чтобы развивать производственную сферу, единственно создающую общественное богатство и решающую проблему занятости населения, но обделенную вниманием по сравнению со сферой обслуживания, ориентированной прежде всего на высокообеспеченные слои с их сверхпотребностями, граничащими с морально-нравственным разложением;

– может ли быть сильным государство, утратившее своё влияние в основных жизнеобеспечивающих сферах общественного развития? Не является ли навязчивый призыв «Государство должно уйти из экономики!» очередной провокацией в пользу тех, кто спит и видит Россию устранённой из мировой политики?

Стоило только в период предвыборной кампании и начале нового президентского срока В.В. Путину, пока ещё больше на словах, чем на деле, коснуться решения этих вопросов, проявить твёрдость во внешней политике, как некоторые ретивые политики типа Ромни стали называть Россию «врагом № 1» и обещать её президенту жёсткий приём в США. Это лучшее свидетельство, что даже на Западе понимают: перестав оглядываться на то, что скажет забугорная княгиня Марья Алексевна, и эффективно начав разрешение внутренних проблем, Россия основательно становится на самостоятельный путь развития. Безусловно, стажёр в президентском кресле, на собственных ошибках учившийся управлять государством, «их» устраивал больше, чем уже набравший опыта и основательнее подготовленный изначально Путин. Но на сей раз Россия ока-

залась непослушной. Уже одно то, что новый-старый президент не стремится, чтобы его одобрительно похлопывали по плечу иностранные VIP-персоны (мы очень хорошо помним на примерах его предшественников, чем это оборачивалось для России), даёт надежду, что ему удастся что-то реальное сделать для воссоздания единства страны, в которой сегодня торжествует несправедливость, тождественная геноциду собственного народа.

Окончательно обнаглел крупный бизнес. Получая огромные сверхдоходы, он непомерно большие средства оставляет на личное потребление членов высшего руководства компаний, но постоянно требует повышения тарифов и цен, продолжая грабить население. В моду вошли высокие бонусы, достигающие фонда годовой заработной платы 100-тысячного города. А за что? Было бы понятно, например, если бы руководство «Газпрома», рекламируемого словно в насмешку «народным достоянием», вместе с наиболее отличившимися работниками отрасли получило бонусы в разумном размере за завершение полной газификации России или переход от тарифов к ренте. За что получает бонусы руководство того же Сбербанка? За снижение ниже уровня инфляции процентов по вкладам, даже пенсионным? За закрытие своих отделений на периферии? За рост оплаты услуг, даже до парадокса, когда сумма оплаты выше суммы платежа? А может быть, за общий рост платежей? Так здесь заслуга ГАИ, сотнями миллионов штрафных квитанций обеспечивающей сверхдоходы Сбербанка.

К великому сожалению, инициатором этого всероссийского «движения» за обогащение выступила сама власть, выдвинув в качестве ноу-хау новый принцип оплаты чиновников – не по количеству и качеству труда, а «чтоб не воровали», тем самым открыв для них безграничные возможности. Результат от этого нововведения был только один: госслужба достигла небывалой престижности, но ни одна из ветвей власти не стала работать эффективней и с меньшими издержками. Разве что полиция в соответствии с новым названием стала лучше защищать власть от народа, освоив в этом направлении передовой зарубежный опыт.

Однако на достигнутом не принято останавливаться, и вот уже один из недавно выдвинутых (в результате многохо-

довой «рокировочки» между аппаратом президента и правительства) на ещё более высокую должность чиновников, ранее более всего известный в народе тем, что женат на мультимиллионерше, внёс уже новое предложение: повысить высшим чиновникам зарплату до 15 миллионов в год, «чтобы они не уходили в бизнес». И это притом, что автор не может не знать о чрезвычайной напряжённости бюджета и стоящих перед страной проблемах!

Если следовать принципам справедливости, даже весьма относительной, ориентируясь на наиболее благополучные страны, сделавшие из советского опыта больше выводов, чем мы, то такое предложение может рассматриваться одновременно с не менее чем трёхкратным увеличением минимального размера оплаты труда и соответствующим пересмотром заработной платы бюджетников, пенсий, стипендий и всех других пособий, что необходимо делать в первую очередь. В нормальных странах в период кризисов сокращают зарплаты высокооплачиваемым категориям и запрещают выплату бонусов, а у нас кризис системный и выбираться из него придётся долгие годы, ибо предстоит преодолевать недомыслие прежних времён.

Представляется, что было бы весьма полезным размер любого денежного вознаграждения в таблице о рангах обозначать не в безликих рублях, а в МРОТах. Тогда все заинтересованы будут в его постоянном росте, и, может быть, даже у самых заядлых либералов проснётся совесть (хотя, по утверждению Ежи Леца, «либералы – люди с чистой совестью, не бывшей в употреблении»). Тогда и у власти появится инструмент мягкого, но объективного регулирования рынка: личные доходы руководителя превышают, допустим, 10 МРОТов – не имеешь права повышать тарифы или цены. Да и вообще основными источниками получения прибыли должны стать рост производительности труда и снижение издержек прежде всего за счёт повышения уровня квалификации и ответственности руководящих кадров и значительного сокращения непомерно разросшегося класса чиновников. Только разумными и решительными мерами можно остановить дальнейший распад общества и начать, постепенно увеличивая темпы за счёт поддержки изб-

ранного курса народными массами, движение по пути совершенствования жизни всего народа.

В природе всё стремится к совершенству, а в человеческом обществе никак не найдут компромисса между Добром и Злом, которого не может быть по определению. Это и называется «горе от ума», но ума несовершенного, не желающего прислушаться к голосу мудрых предков. Ещё Платоном сказано: «В совершенном государстве должна быть осуществлена справедливость» (ПСС. Т. 3. С. 207).

ЗАКОНЫ НАМ ДАЮТСЯ СВЫШЕ

Совсем не случайно в любой религии высшей инстанцией, которая устанавливает высшую справедливость, является божий суд. Но это там, на том свете. А здесь, на Земле? Неужели человек, разумное существо, не может совместно с другими, себе подобными, выработать свои, земные, законы, которые подчинили бы всю человеческую деятельность торжеству справедливости, дух которой ощущается в стремлении природы к совершенству? Так почему же совершенным не сделать мир людей, который бы в полном согласии с природой продлил её и своё существование, хотя бы до естественной гибели планеты, а не погиб в результате варварского обращения с ней в досрочной глобальной катастрофе, призрак которой ощущается уже очень реально? Именно такой представляется объективная цель развития человечества.

Все люди хотят жить лучше, хотят, чтобы всё лучше и лучше жили их дети, внуки, правнуки и последующие поколения. И это справедливо. Но беда в том, что некоторые (их — абсолютное меньшинство) хотят жить не просто лучше, а обязательно лучше других и за счёт других. А это уже совсем не справедливо! В этом и заключается сущность всех противоречий в жизни человечества. Поэтому-то справедливость и есть тот оселок, тот ключ, который позволяет объективно воспринимать все другие ценности, определяющие качество жизни человеческого общества на каждом этапе его развития: свободу, равенство, право, демократию, гуманизм, нравственность и т.д.

Зачастую вместо понятия справедливости используют отнюдь неравнозначное – «социальная справедливость». Но в обществе всё социально. Однако смысл подмены вполне очевиден: свести социальную политику только к заботе о нищих и убогих, не решая основных противоречий общественного развития. Мы категорически против такого узкого понимания справедливости, так же как и против того, чтобы относить эту категорию лишь к правовому и социально-политическому сознанию (вообще не очень корректно так препарировать этот человеческий феномен. Точнее, наверное, говорить о правовых и социально-политических представлениях человека как об определённом уровне отражения в его сознании реалий соответствующих процессов общественной жизни).

На наш взгляд, справедливость – это отражённая человеческим разумом объективная потребность в достижении гармонии отношений между всеми людьми на земле, между человечеством и природой в целях самосохранения и постоянного улучшения качества жизни. Путь осуществления этих целей давно известен: максимально возможное на каждом этапе развития разрешение противоречий. На базе такого понимания в ходе социальной практики у человека формируется (или не формируется) чувство справедливости. От этого в огромной, решающей степени зависит уровень общей культуры и личности, и общества. Можно прямо сказать, что развитое чувство справедливости – стержень высокой общей культуры, это и есть тот самый дух законов, о котором давным-давно писал Монтескье. Это чувство наиболее тесно связано с разумом и контролируется им, что в конечном итоге определяет культуру всех чувств и отличает человека от животного, ибо чувства, не контролируемые разумом, суть инстинкты.

В наше время, к сожалению, уже не вызывают особого удивления факты, когда, казалось бы, наиболее образованные представители нынешней элиты не усвоили прописных истин или забыли их. В передаче Владимира Соловьёва «Поединок» сошлись Михаил Веллер и Генри Резник, хорошо известные отечественному зрителю. Вполне закономерно, что модный адвокат потерпел сокрушительное поражение, ибо

подавляющее большинство смотревших передачу доказало, что народ наш ещё не лишился здравого смысла и по достоинству оценил «перлы» Г. Резника. «Высшим пилотажем» его красноречия было утверждение, что право опирается лишь на разум, а справедливость – только чувство и потому не имеет к праву никакого отношения. И он брезгливо отмахнулся как от надоедливой мухи, выразительным жестом отбросив это понятие, тем самым отразив суть современной юстиции. В пылу полемики адвокат даже забыл, что в переводе с латыни юстиция и есть сама Справедливость, забыл, что весы богини Фемиды символизируют справедливость правосудия. В таком же спекулятивном ключе г-н Резник абсолютизировал права человека в их американской трактовке, где справедливости также не оказалось места, где свобода выглядит как вседозволенность, где у преступника оказывается больше прав, чем у честного человека. Когда разум не воспринимает справедливость, вылезает голый личный интерес, а он всегда субъективен. Это хорошо поняли зрители и не простили дуэлянту его позиции. (Кстати, с удивлением узнал из достоверных источников, что адвокаты и нотариусы пользуются льготами по социальному налогу, видимо, как малообеспеченные).

Сегодня развелось много юристов, историков, экономистов, социологов, журналистов, которые по существу являются лишь политехнологами, обслуживающими интересы не народа, не государства, а свои личные и тех, кто им за это хорошо платит. Да и откуда взяться другим, если двадцать пять лет юристов специализируют на том, как обходить законы, экономистов – на том, как навязывать государству чуждые модели развития и ослаблять его, историков – на клевете о прошлом страны, политологов и социологов натаскивают на махинации в выборных играх, а журналистов – на провокации и полоскание нижнего белья «звёзд» элиты.

Особый спрос на юристов при «свободном рынке» объясняется криминальным характером последнего. Крупный бизнес готов платить юристам большие деньги за умение обходить законы (что, кстати, при нынешнем уровне законодательной деятельности не так уж сложно), ибо это – самый простой

и самый эффективный после печатанья способ делать деньги, обогащаться за счёт других. Для того чтобы обходить сам дух закона, вроде бы соблюдая его букву, надо не только иметь квалификацию, но и продать совесть, которая сегодня тоже стала товаром. За такую практику, расценивая её как пособничество преступлению, юристов, как служителей права, следовало бы наказывать по повышенной ставке. Да и сами законы пора проверять не только на коррупционность, но и на нарушение принципа справедливости в целом. Ведь наглой насмешкой над справедливостью выглядят многочисленные случаи, когда крупные кражи государственных средств (многие миллионы, а то и миллиарды рублей), совершённые чиновниками разных рангов, квалифицируются как «превышение должностных полномочий», что уводит преступников от заслуженного наказания уже не по Административному кодексу, а по другому, который по плохой традиции юристы именуют уголовным. А какой кодекс, такая и политика. (Помню, как во время своей работы в АОН при ЦК КПСС до хрипоты спорил с заведующим кафедрой государства и права по поводу предложенного им названия учебника «Уголовная политика КПСС и советского государства».) Отмена конфискации незаконно приобретённой собственности привела к дикому росту преступности в этой сфере, а принимаемые властью меры настолько неэффективны, что напрашивается прямой вывод: «Только ворованная собственность священна и неприкосновенна!» Совсем не случайно в общественном мнении всё больше утверждается необходимость возвращения смертной казни не только за убийства, но и за преступления экономического характера.

К сожалению, пока ещё в мире силы Зла сильнее сил Добра, и хищническое соперничество за блага на земле попирает объективные интересы народов и всего человечества. Да и наша Россия, свернув с естественного цивилизационного пути построения посткапиталистического общества, потеряв своё бывшее положение в мире и так и не определившись, в какую сторону идти, пробует на себе забугорные модели развития, надолго застряла в труднопроходимом болоте либерализма. В России при традиционно низком уровне общей культуры боль-

шинства народа всегда были умные головы. Вот как выразил своё мнение о либерализме ещё в позапрошлом веке Фёдор Тютчев:

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им её идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признания Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Во всём мире навязанная западными экономистами либеральная политика уже дискредитировала себя, но советники и советчики российской власти продолжают упорно навязывать её стране. Эта политика игнорирует само понятие справедливости, а потому в уродливом виде проявляются все ценности жизни: свобода оборачивается вседозволенностью, место нравственности занимает моральное разложение, гуманизм сводится к защите прав преступников, доводя до абсурда, когда условия жизни заключённых становятся лучше, чем у законопослушных граждан, само право стало восприниматься как оружие несправедливости в руках богатых, сильных и наглых. Упал престиж честного труда, продолжает снижаться уровень общей культуры из-за развала систем образования, воспитания, подготовки кадров для всех отраслей народного хозяйства, в загоне общественная наука, до руководства которой тоже добрались либералы. Общество всё сильнее начинают раскачивать нарастающие противоречия политического, экономического, межнационального, религиозного характера; продолжается его криминализация.

Так во имя чего же затевались реформы? Уже подавляющее большинство населения не участвует в создании материальных благ. Сфера услуг задавила сферу производства. Население расколото при небольшой прослойке между ними на две неравные части: многие не знают, где и как заработать деньги, пребывают в бедности, нищете или на грани их, другие (их не так много, но именно они определяют сегодня характер

общества) – не знают, на что ещё потратить огромные и «дурные» деньги, изобретают всё новые и новые сверхпотребности, скупают недвижимость за рубежом и земли в России. Недавно поехал по грибы в заветное место у дороги от Вербилок на Талдом. На границе давно необрабатываемого поля и леса стоит местный пожилой мужик с велосипедом перед только что поставленными бетонными столбами, на одном из которых табличка: «Посторонним проход запрещён. Территория ОАО “Нива”». Реакция его однозначна: «Сволочи! Тридцать лет хожу сюда за грибами, а вот видишь, стал посторонним». Я с ним согласился. Вот оно, очередное проявление лица общества потребления! Откуда всё это взялось в России? Где корни этих явлений? Не помню, кто сказал, но, поскольку сказано умно и метко, фраза осталась в памяти: «Русский человек всегда видел разницу между справным мужиком и мироедом. Поэтому ему капитализм с его «халявной» психологией нравственно противопоказан».

Ответ на вопрос, в каком обществе, в каком государстве мы сегодня живём, я нашёл не в современной печати, а перебирая старые журналы. Статья (начало её) в первом номере журнала «Новый мир» за 1988 год привлекла моё внимание закладкой, сделанной после получения номера и означавшей, что посмотреть стоит, но не срочно. Поэтому, прочитав также начинавшегося в этом номере пастернаковского «Доктора Живаго», я отправил журнал на полку и в суматохе дел забыл о своём намерении. И вот почти через четверть века открываю журнал на заложенной странице: Андрей Нуйкин «Идеалы или интересы?». Андрея помню ещё с начала шестидесятых, когда он заведовал отделом культуры в «Комсомольской правде», а я, будучи слушателем курсов руководящих работников молодёжной печати, проходил стажировку в отделе пропаганды у Валентина Чикина. Он и тогда привлекал внимание своей вдумчивостью, основательностью, но последующая его публицистическая деятельность как-то проскользнула мимо меня, хотя очень положительные отзывы о ней слышать приходилось не однажды. И всё-таки не ожидал я, честно говоря, от него того, что прочитал, к сожалению, только сейчас. Прочитал и поразился глубине анализа хода перестройки и причин

её провала, анализа чрезвычайно актуального и для нынешнего времени, ибо перестройку сорвали и, в конечном счете, развалили Советский Союз те же самые силы, которые нынче «правят бал» – бюрократия и криминал, сросшиеся «в одном флаконе». Используя ленинскую методологию и его конкретные предупреждения об опасности обюрокращения страны в самом начальном периоде Советской власти, в годы перехода к нэпу, автор убедительно показал, что чиновничество сверху до низу, воспользовавшись ослаблением власти, превратило перестройку в источник собственного обогащения в результате злоупотребления служебным положением и по существу сплелось с преступностью. Разве вам ничего не напоминают такие строки: «Стремление основной массы чиновничества к обогащению способствовало распространению и такого зла, как круговая порука, основывавшаяся на родственных, клановых, земляческих, партийных связях. Влиятельный чиновник обычно стремился подбирать аппарат не по деловым качествам, а по мотивам личной преданности из числа родных, друзей, близких соратников по партии. В этих условиях вышестоящий покрывал нижестоящих, злоумышленники делились незаконными доходами со своим патроном, полагаясь на его покровительство»? Мне, например, вспомнилась Москва конца восьмидесятых, столпотворение в здании и во дворе Октябрьского райисполкома, который тогда возглавил один из «демократических» лидеров, член Межрегиональной депутатской группы. Посетителей сюда привело то, что здесь очень быстро можно было оформить регистрацию кооператива в любом уголке Союза и даже аренду помещения в нежилом фонде района. Какие суммы осели в чиновничьих кабинетах, трудно даже представить. Судить можно было лишь по тому, что совершенно открыто секретарша за каждый шлепок печати взимала по 500 рублей, а шлёпала она с утра до вечера. Спихнулись или сделали только вид, когда уже весь нежилой фонд, включая подвалы (в том числе и гражданской обороны) был заарендован, а зампред, отвечавший за него, благополучно уволился и испарился. Немного позднее незаметно исчез и «лидер» (для вора главное правило – вовремя смыться).

Но цитата-то вовсе не о том времени и даже вообще не о России. И слова эти принадлежат не автору статьи в «Новом мире». Умница Нуйкин в какой то мере реабилитировал советскую общественную науку и ещё раз показал, что учиться предпочтительнее на чужих ошибках, чем на собственных. Цитата, приведенная им, из сборника статей «Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока», изданного «Наукой» ещё в 1974 году, и речь там идёт о крахе попытки строительства социализма в Индонезии!

Конечно, ни руководители Советского Союза, ни их советники этих статей, как и статьи Нуйкина, не читали. Впрочем, как и руководители новой России. У них были другие советники и советчики, которые верно служили интересам не народа, а крупного, криминального в своей основе капитала и не менее криминальной бюрократии. Результат налицо. Может быть, сейчас прочтут и сделают выводы. Кстати, по данным Интернета, статья А. Нуйкина пользуется спросом и сегодня, вышла отдельной книгой и в электронной версии. Там много интересного, актуального и поучительного.

Но, похоже, власть упорно не хочет делать выводов даже из собственной истории. Прошедшая в 90-е годы приватизация принесла неисчислимые потери и беды стране. Однако её вдохновители и организаторы ныне в числе неприкасаемых и «при деле». И вот премьер объявляет о новой приватизации. Он откровенно говорит, что она не вызвана необходимостью пополнения бюджета, вот, мол, надо дать больше свободы бизнесу. Трудно поверить в наивность премьера, будто бы не понимающего, что свобода крупного капитала в России уже вышла за пределы разумного и обернулась вседозволенностью. Просто его советники и советчики в очередной раз подставляют шефа, прикрывая лозунгом свободы глубоко спрятанные истинные причины постановки вопроса. Стоит только вспомнить предупреждения А. Нуйкина, как сразу становится ясным, что премьер в данном случае защищает интересы не только крупного капитала, но, и прежде всего, криминального чиновничества, которое успело накопить критическую массу денег и, не зная уже, на что их ещё можно потратить, нуждается в новом рынке собственности.

Власти в данном случае наплевать, что с каждым шагом ухода государства из основных сфер жизни страны оно делает и шаг к своему дальнейшему ослаблению, к утрате доверия народа и авторитета на международной арене. Главное для неё – удовлетворить интерес своего основного электората, то есть чиновничества со всею роднёй, на которую оно переписывает «излишки» собственности, нажитой путём «превышения должностных полномочий».

Можно быть практически уверенным в том, что как только проект закона об очередной приватизации будет внесён в Думу, партия власти с восторгом его примет. Но, упиваясь победами на региональных выборах, она не задумывается о том, что будет, если в очередной раз ограбленный народ, потерявший терпение и вызывающий к справедливости, выйдет даже не на улицы, всего лишь на выборы. Именно народ, имеющий пока право голоса. Ведь среди неголосующих её сторонников нет. Вместе с обманутыми и купленными «Единая Россия» реально набирает не более 15% голосов всех избирателей страны. Так справедливо ли, что партия, выражающая интересы подавляющего меньшинства населения, представлена в Думе подавляющим большинством депутатов. Всё дело в том, что ещё более ничтожная часть населения страны сегодня держит в руках все основные богатства России и обналиченный труд многих поколений россиян.

У человечества, до сих пор раздираемого противоречиями, уже нет времени на долгие поиски компромисса между Добром и Злом, которого не должно быть в принципе. Нет времени и для исторически неоправданной традиции делать в своём развитии один шаг вперёд – два шага назад. Остался единственный выход, осталась единственная возможность избежать победы Зла: как можно скорее научиться жить своим умом по закону Справедливости. Кажется, наш президент это уже понял.

Статья с небольшими сокращениями была опубликована в журнале «Наш современник», 2013, № 5, с. 251–257.

А что нас ждёт впереди?

Я с детства верил и продолжаю верить в осуществление многовековой мечты человечества о том, что когда-нибудь люди добьются жизни, достойной самых разумных существ на Земле.

Вполне понятно, что цель эта призрачна, точно так же как и достижение абсолютной истины, но искать последнюю всё-таки не перестают! Ведь без цели становится бессмысленной жизнь человечества вообще. Пока высокая цель владела умами большинства населения Советского Союза, советский народ был непобедим и многое сделал для её достижения, заложив основы формирования такой новой человеческой ценности, как честный созидательный коллективный труд. И этот факт получил широкое признание мировой прогрессивной общечеловеческой ответственности. Народы мира прониклись уважением к советскому народу за его высокий патриотизм, органически сливающийся с подлинным интернационализмом. Но как только и по внутренним причинам, и под сильнейшим внешним воздействием эта вера была поколеблена, то в результате предательства в высшем эшелоне власти мировому капиталу удалось свернуть Россию с пути цивилизационного прогресса, вернуть её почти на полторы эпохи назад, в период первоначального (бандитского) накопления капитала, а главное, сломать хребет, на котором держалась страна, — веру в счастливое будущее потомков, в торжество справедливости, в истинную свободу и равенство людей, народов и рас.

В Советский Союз верили и по его пути пошли многие народы. Под его воздействием ослабились цепи эксплуатации даже в самых мощных капиталистических государствах. Мир зажил лучше. Но руководство Союза жило багажом сталинского наследия, авторитетом Великой Победы над фашизмом и не сумело воздать должное своему народу, пожертвовавшему во имя будущих поколений уровнем своего благосостояния, которое всегда отставало от уровня развитых стран и уже стало унижительным для народа-победителя. А ведь были периоды относительной стабильности (в отличие от чрезвычайки, начиная с революции и до послевоенного восстановления), когда

можно было существенно улучшить материальное положение людей.

Уже тогда неумной внутренней и внешней политикой, конъюнктурным, необъективным «разоблачением культа личности» (которое нанесло ущерба значительно больше, чем сам культ, а личности-то больше не было) руководство государства во многом дискредитировало саму идею коммунизма, успехи социалистического строительства (прежде всего забеганием вперёд в определении его стадии), подорвало авторитет Советского Союза и оттолкнуло от него целый ряд стран, чем и воспользовались организаторы «холодной войны», планомерными провокациями расшатывая единство социалистического лагеря. При их непосредственной поддержке и руководстве к концу восьмидесятих годов в СССР была отмобилизована «пятая колонна», возглавляемая так называемой межрегиональной депутатской группой, которая при активном (управляемом теми же силами) содействии М.С. Горбачёва и его приспешников, таких же предателей, как и он сам, при помощи сотен зарубежных «специалистов», нанятых за огромные деньги, организовала окончательный развал Советского Союза вопреки воле его народов.

Причастность США к этому процессу подтвердил Б. Клинтон в своём выступлении 25 октября 1995 года на закрытом совещании Объединённого комитета начальников штабов: «...мы добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Да, мы израсходовали на это многие миллиарды долларов, но они близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. Расшатывая идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести его из войны за мировое господство, составляющее основную конкуренцию Америке». (Подробнее см. *Воротников В.И. Откровения. О времени, о власти, о себе. М., 2010. С. 296–297.*)

Противники плановой экономики действовали строго в соответствии с планом уничтожения государства, строящего социализм, планом, отработанным на организации «цветных» революций в странах бывшего социалистического лагеря и в развивающихся странах. Предусмотрительно на Съезде народных депутатов из законодательства была исключена статья о

смертной казни за преступления, затем из него исчезло даже упоминание о конфискации преступно нажитого имущества, что способствовало криминализации не только бизнеса, но и чиновников, правоохранительных органов, многие работники которых ушли в бизнес. Именно эта криминализованная масса и весь традиционный криминалитет и составили социальную базу осуществления развала СССР. Антисоветское руководство новой России криминальными же методами стало спешно создавать не национальную буржуазию, а класс крупных собственников, раздав своим поделщикам и наиболее приближённым сторонникам самые ценные объекты народного достояния. Министерства получили инструкции создавать госпредприятиям такие условия, чтобы их эффективность была значительно ниже, чем у предприятий, перешедших в частную собственность, а затем, как неэффективные, продавать. Главным орудием криминализации экономики стало Министерство государственного имущества во главе с Чубайсом, а затем Кохом. Продажные СМИ, особенно телевидение, осуществляли психологическое прикрытие этой воровской вакханалии. Честный добросовестный труд представлялся уделом дураков.

Нынешнему руководству страны, прямым наследникам создателей бандитского Петербурга и криминальной России, нелегко избавляться от такого наследства. Да и стремление к этому проявляется в основном на словах. Определенное доверие сохраняется пока ещё к В.В. Путину в последней надежде на честь офицера-чекиста. Но на это понятие столько вылило грязи сора́тниками того же президента, что невольно возникают сомнения в реальности народных надежд.

Всё советское оболгано без разбору, даже то, что вынужденно, с большим трудом восстанавливается сегодня. А ведь самый эффективный путь развития – бери у предшественника лучшее и развивай дальше, а от плохого старайся избавиться. (Правда, для этого надо с детства научиться разбираться в том, «что такое – хорошо и что такое – плохо».) Но вместо серьёзного анализа современные политики передёргивают исторические факты, не стесняясь, пользуются типичным подлогом, например, обвиняя лично Сталина во всех преступлениях того времени. Ну, во-первых, тогда уж нужно начинать с того, что

по уровню криминализации страны даже чрезвычайным двадцатым-тридцатым годам прошлого столетия далеко до нынешних; во-вторых, нельзя не принимать во внимание хоть и недостаточно изученную, но явно негативную роль Л.Д. Троцкого и его сторонников в жизни молодой республики Советов, что говорит об основательности версии связи Троцкого с американскими спецслужбами. И наконец, в-третьих, следуя той же логике, можно, например, обвинять Д.А. Медведева не только в стажёрских экспериментах над всем народом, но и в том, что полиция пыталась задержанных бутылками из-под шампанского.

Каждый правитель действует в соответствии с возможностями своей общей культуры, прежде всего, культуры мышления, и степенью осознания им состояния общей культуры населения. При всех его недостатках по масштабу личности, широте эрудиции, богатству политического опыта и организаторскому таланту пока ещё сравниться со Сталиным не смог никто из последующих руководителей государства, что и стало одной из причин злобных нападок на него. В итоге россияне получили криминальное государство, дискредитировавшее себя в глазах мировой общественности. Страна разлагается из-за дикого контраста безумной роскоши и отчаянной нищеты. Рухнувшие системы образования, воспитания, организации труда и социальной защиты привели к извращению основных ценностей, торжеству потребительской психологии, жажде лёгкой наживы и лёгкой жизни, криминализации жизненного уклада, ранней преступности, наркотизации и пьянству молодого поколения.

Обидно за страну, которая была Родиной и Надеждой многих миллионов людей и которой не стало. Обидно за Россию, которая, понеся огромные жертвы в борьбе за счастливое будущее своего и других народов, потеряла положение лидера цивилизационного развития человечества и оказалась лишь рыночным придатком капиталистического мира. Но из истории уже ничего не вычеркнуть. Однако из неё надо делать правильные, объективные выводы.

Помнится, когда-то В.В. Путин сказал, что у тех, кто не жалеет о развале СССР, нет сердца, а у тех, кто хочет его восстановления, нет ума. С таким утверждением можно согласиться:

из осколков лепить целое – непродуктивно и ненадёжно. Любой разумный человек понимает, что искать идеал в прошлом – по меньшей мере, неконструктивно. Поэтому тех, кто хотел бы восстановления Советского Союза в прежнем виде, практически нет. Но если бы каждый раз в подобных ситуациях человечество начинало с нуля, оно недалеко бы ушло от обезьян. (Впрочем, некоторые сцены современной российской действительности невольно подтверждают сомнения, высказанные П. Вяземским ещё в позапрошлом веке: «...Не больше ль правды в том, что вовсе не от обезьян, а в обезьяны мы идём?») Опыт двадцатого века, в том числе и опыт Советского Союза, не может быть выкинут из памяти человечества. Из него очень многое может пригодиться в будущем: опыт организации содружества народов на базе не общего рынка, а общего созидательного труда; максимально возможное сближение уровня жизни богатых и бедных людей и стран на основе борьбы не только с нищетой, но и с развращающей роскошью; всемирная организация производительного труда, рациональное его размещение и разделение; эффективное использование природных ресурсов; исключение войны как средства разрешения международных противоречий и создание условий для всеобщего разоружения, что позволит не только накормить всё человечество, но и сэкономить огромное количество труда, и т.д.

Но немало ещё людей без сердца и без совести, таких чубайсо- и сванидзеподобных, которые продолжают ликовать по поводу развала СССР, на чём сделали себе карьеру. Именно такие люди без сердца и совести отобрали у советского народа Родину и бросили его на произвол судьбы. Именно такие люди без сердца и совести отобрали у российских граждан право называться народом, превратив его в население, не связанное единством цели, общим трудом и общей культурой. Именно такие люди без сердца и совести сделали всю Россию сферой обслуживания деньги и власть имущих. Именно таким людям без сердца и совести наиболее ненавистна сама идея коммунизма, ибо при их крайней наглости и жадности недопустима сама мысль даже об относительном равенстве людей, о безнравственности роскоши одних за счёт нищеты других. Роскошь, как и война, – злейший враг человечества. Война убивает тело

и несёт страдания, роскошь растлевает и уродует душу. И та и другая порождены неравенством и завистью, той самой конкуренцией, которую избирают теперь своим инструментом «единороссы», чтобы «ковать кадры» лидеров партии (а значит, и страны).

Система подготовки «звёзд» шоу-бизнеса перекочевала в «Единую Россию», которая никогда и не была по существу политической партией, ибо у неё не было и нет собственной идеологии. Функция её в обществе не политическая, а чисто технологическая – машина для голосования с заданной программой одобрения всего, что предлагается Администрацией Президента, в том числе и в сфере кадровой политики, как в Думе, так и на выборах.

«Единая Россия» – партия чиновничества, которое сегодня непомерно разрослось. В сферу управления рвутся тысячи ловкачей с хорошей криминальной подготовкой, ибо здесь можно воровать практически безнаказанно, поскольку воровство в крупных размерах считается административным правонарушением, а не уголовным или государственным преступлением. Впрочем, выплата сотен миллионов рублей в качестве бонусов неизвестно за какие заслуги топ-менеджерам отраслей, получающих сверхприбыли путём повышения тарифов или иных способов ограбления населения, как, например, снижение Сбербанком процентов даже по пенсионным вкладам до уровня вдвое ниже официальной инфляции, тоже не считается государственным преступлением, хотя это и ведёт не только к обнищанию людей. Избыток денег в частных руках породил много уродливых явлений, в том числе и скупку земель впрок, без их освоения. Вот и зарастают российские поля, могущие прокормить полмира, не только дворцами-коттеджами, но и, главным образом, бурьяном, чертополохом и американским борщевиком. И безнаказанность топ-менеджеров порождает стремление госслужащих не только к постоянному росту зарплат, но и к повышению масштабов воровства.

Оправдывая напряженность бюджета, любят считать, сколько пенсионеров приходится на каждого работающего. Но никто ещё не подсчитал, сколько приходится чиновников на каждого человека, занятого производительным трудом. В этой

огромной армии далеко не все блюдут интересы государства и интересы народа выше своих личных. Затраты на содержание этой ненасытной оравы непомерно растут и уже стали непомерным бременем для народа, а эффективность многих чиновников проявляется лишь в многомиллионных доходах их жён, любовниц, отпрысков, родственников и друзей. Вот эта-то расплодившаяся армия, во многом состоящая из бездельников и паразитов, вместе со своими семьями, родственниками, обслуживкой и «крышуемым» бизнесом составляет огромную социальную базу «Единой России», её электорат. Эта «фабрика звёзд» может выдвинуть такие кадры, что мало не покажется.

Не случайно нынешние руководители государства всё более осознают, что для поступательного развития страны в ней не хватает квалифицированных кадров. Жаль только, что познали они это на собственном опыте в результате экспериментов над населением России. Конечно, хорошо, что власть омолаживается. Но чему учили тех, кто сегодня приходит в органы управления, эти двадцать с лишним лет принудительно-криминального вхождения в рынок? Юристов учили, как обходить законы для получения максимальной прибыли, как принимать новые законы, обязательно оставляя в них лазейки для ловкачей; внушали им, что строгость наказания не решает проблему преступности. Историков вместо того, чтобы научить их делать обоснованные выводы из истории, начиная со школы, подчас по написанным американцами учебникам, учили манипулировать историческим материалом, чтобы белое сделать чёрным и – наоборот. Экономистов учили разрушать прежнюю экономическую систему, а новую, мол, рынок сам, без вмешательства государства, построит. Эта предательская цель не скрывалась и не скрывается: Западу никогда не была нужна сильная Россия, а государство, выпустившее из своих рук основные рычаги экономического развития, и по здравому смыслу, и по науке, и по мировому опыту, не может быть сильным. Зато философам была предоставлена возможность заниматься любыми проблемами, кроме осмысления всего происходящего в стране с точки зрения законов развития природы и общества. Да и какая вообще может быть философия в стране, не имеющей осознанной стратегической цели своего развития?!

В последнее же время, когда реальная жизнь продемонстрировала, что в погоне за прибылью продаётся всё и вся, даже честь и совесть, оказались ненужными ни знания, ни сама общественная наука: достаточно овладеть лишь технологиями делания больших денег, а они мало чем отличаются от хорошо освоенных некоторыми «специалистами» политических технологий. Однако дипломы об образовании очень даже востребованы, и рынок с лихвой удовлетворяет эту потребность липовыми свидетельствами любых академий и университетов. Нередко рыночный торговец израильскими огурцами под маркой луховицких козыряет двумя-тремя «образованиями».

При нынешнем состоянии систем образования, воспитания, подготовки кадров, при низкой общей культуре народа и высокой развращённости элиты трудно рассчитывать в ближайшие годы на какое-либо заметное движение по пути социального прогресса. И проблема руководящих кадров справедливо выдвигается в число самых актуальных. Тем более что продолжавшаяся с ельцинских времен политика опоры «на своих» и гарантий их непотопляемости привела к весьма плачевным результатам. Однако когда осуществляются прежние ельцинские «рокировочки» и заваливших свои отрасли министров прячут от ответственности в аппарате высшей исполнительной власти, оставляя за ними право влиять на ход дела в этих отраслях, тогда бесполезно надеяться на положительные сдвиги в жизни общества. Тем самым в общественном мнении укрепляется убеждение в том, что слова о новых подходах к кадровой политике остаются пока только словами.

Почему руководители государства никак не поймут, что ельцинская доктрина, основанная на том, что надо вора́м дать свободу навороваться до полного удовлетворения их потребностей и тогда они начнут вкладывать деньги в развитие российского производства, до сих пор являющаяся основой государственной политики, уже довела страну до крайности, что правы были те, кто двадцать с лишним лет назад предупреждал о ненасытной жадности российского предпринимательства.

Стремление «элиты» к безумной роскоши на фоне нарастающего убожества жизни основной массы народа, что уже

само по себе несправедливо и безнравственно, развратило не только ее саму, но и все общество, все ветви власти. Примеров сему множество. Крадут уже миллиардами. Полиция «разрабатывает» воров годами, до тех пор, пока они не переведут деньги за рубеж и не скроются сами в неизвестном направлении. Их объявляют в международный розыск и на этом все успокаиваются. Выводы делаются, но какие: значит, чиновнику всё ещё мало платили. И на очередном заседании Думы поднимается вопрос об очередном повышении зарплат чиновникам, полиции, депутатам и т.д. Так растет размер средней заработной платы в стране. В очередной раз при рассмотрении бюджета предусматривается новый виток повышения тарифов по всем отраслям и намечается новый рубеж снижения инфляции без соображения, что рост тарифов ее обязательно увеличит.

Эта говорильня не меняет положения дел. Давно пора связать рост тарифов и цен с доходами вип-персон и топ-менеджеров. Если их доходы на личное потребление (за исключением сумм, инвестируемых в отечественное производство) превышают для начала хотя бы десятикратный уровень МРОТа, ни о каком росте тарифов или цен не должно быть и речи. Нарушение этого принципа необходимо законодательно наказывать изъятием 100 процентов полученной прибыли и штрафу в том же размере. Бизнес, конечно, «кошмарить» не надо, но и нельзя позволять ему «кошмарить» народ. Преступники должны быть уверены, что правоохранительные органы найдут их даже на луне. Свобода – дело хорошее до тех пределов, пока она не ущемляет интересов других людей.

О необходимости перехода от слов к делу говорил в своем Обращении к Федеральному собранию тогда ещё Президент страны Д.А. Медведев. Однако его выступление убедительно показало, что власть не видит и не хочет видеть реальных путей ближайшего, а тем более перспективного движения России. В Обращении не было глубокого анализа социально-экономической и политической ситуации в обществе, не выявлены основные противоречия его развития. Простое перечисление сделанного и намеченных мер напоминает очередную декларацию, усыпляющую общественное мнение. Все, мол, я делаю правильно, дайте мне возможность еще поработать во власти.

Любая реформа может быть успешной лишь при условии социального оптимизма масс, укреплении солидарности народа. Однако практические шаги последних десятилетий и туманные перспективы будущего не сулят прорыва ни на одном из главных направлений. С кем руководство страны собирается строить её будущее, если на протяжении последней четверти века из её граждан формировали жадных потребителей, а не созидателей?!

Основным противоречием современного российского общества является чудовищное социальное расслоение. Вернулись времена патрициев и плебеев. Но об этом даже не упоминается. О коррупции, которую уже невозможно спрятать, говорится слишком общо, а если что-то конкретизируется, например, гуманизация, дальнейшее снижение уровня ответственности за экономические преступления, то эти меры, наоборот, направлены на укоренение коррупции, закрепление ее в сознании людей как обыденного явления.

Бросается в глаза теоретическая необоснованность той социальной модели, которая должна составлять цель развития российского государства. Сказать, что такой целью является построение Великой России, – значит не сказать ничего. А в чем должно состоять это величие? У нас уже были в истории и Великая Россия, и Великий Советский Союз, но эти державы были бездарно разрушены. Научимся ли мы когда-нибудь извлекать уроки из своей давней и недавней истории и истории развития человечества или только оплевывать будем прошлое?! Наберемся ли мы ума и сил, чтобы выйти из того весьма дурацкого положения, в которое перманентно попадаем в сложнейшие исторические моменты? Вспомним А.Н. Островского, его бессмертное творение «На всякого мудреца довольно простоты», написанное в начале 60-х годов уже позапрошлого столетия. Там один из героев констатирует: «Мы куда-то идем, куда-то нас ведут. Но ни мы не знаем, куда идем, ни те, кто нас ведут». Что изменилось за полтора века? Да по существу ничего. Поняли ли мы за это время, в чем основная причина? Нет.

Хотя что-то начинает доходить. Уже нет-нет да слышим мы из разных уст словосочетание «общая культура». И в Обра-

щении вернувшегося к президентству В.В. Путина упомянуто это понятие. Но пока это лишь слова.

На самом же деле одна из главных причин наших извечных бед наряду с дураками и плохими дорогами именно низкая общая культура большей части населения, в том числе и так называемой элиты. Ведь общая культура начинается с культуры мышления. Я думаю, приводить конкретные примеры ее отсутствия нет необходимости. Их перечень будет намного длиннее списков Форбс. На наш взгляд, недооценка теоретического и практического значения категории общей культуры кроется в смешении ее с отдельными сферами ее же формирования, такими как образование, воспитание, культура в традиционном понимании культпросвета и примкнувшего к нему искусства. Но понятие общей культуры значительно шире: оно охватывает всю деятельность человека, в том числе и производственную, и бытовую, и дает каждой из сторон оценку с точки зрения цивилизационной зрелости, качественную оценку. Именно поэтому отдельные явления в общественной жизни могут рассматриваться как способствующие или препятствующие развитию (например, «попса – культура или антикультура?»)

Традиционное, вне связи с общей культурой, толкование систем образования, воспитания, культпросвета и искусства обусловило их выталкивание в сферу обслуживания, хотя они, как и общая культура в целом, являются по существу сферой воспроизводства человека как главной производительной силы общества.

К великому сожалению, проблема воспроизводства человека как главной производительной силы общества является самым уязвимым звеном всех социальных, и особенно экономических, теорий, как марксистских, так и антимарксистских. На практике эта сфера наиболее уязвима от субъективизма власти, в которую нередко попадают люди, теоретически и практически мало подготовленные к целенаправленному руководству сложнейшим механизмом общественной жизни, развитием страны в соответствии с объективными законами природы и общества. По той же причине и законы, принимаемые властью, носят слишком субъективный характер. Отсюда следует, что объективно у российского общества сегодня перво-

очередная цель – привести к власти максимально возможное число людей, обладающих высоким уровнем общей культуры, в том числе и правовой, и нравственной её сторон (их немного, но найти необходимо), и вместе с ними всем миром, всем народом, всей страной, взяв себя за уши, выдернуть из ямы, в которую мы попали из-за отсутствия той самой культуры.

И всё-таки хочется верить, что для России, как и для всех стран мира, наступит эра торжества справедливости, что практически соответствует религиозному представлению о царстве Божием на Земле. Разница лишь в том, что последнее основано только на вере в Божью волю, а первое – на вере в правоту всего исторического опыта развития человеческой мысли, на познании законов Природы и воле людей, считающих высшей ценностью созидательный труд. Альтернативой такого развития жизни на Земле и по религиозным, и по научным представлениям может быть лишь конец Света или глобальная катастрофа. Не опоздаем?!

Формулы социологии

Свобода без справедливости – это преступление перед человечеством.

Народ живёт тем, что ему остаётся после пренебрегающих заповедью «Не укради».

Чтобы делать деньги, нужно не иметь совести, а иметь власть или большие деньги. Образование и воспитание нынче – потеря времени.

В том, что трудно идём, виноваты не дороги, а те, кто их выбирает, ибо среди них много «сусаниных», но мало патриотов.

Одна из основных функций элиты – быть нравственным примером для всего общества. И здесь Россия идёт своим собственным путём.

Война и роскошь – злейшие враги человечества, порождённые одной причиной – стремлением к неравенству. Первая уничтожает жизнь, вторая отнимает у людей разум и совесть, растлевает их души, разрушает единство народа.

Только гармония созидательного физического и созидательного умственного труда делает индивида настоящим Человеком.

Величайшая заслуга лучших представителей русской интеллигенции состоит в том, что, неся культуру в народные массы, в российскую «глубинку» и национальные окраины, они повышали общую культуру государства, формировали единство и сплочённость народов Большой России.

Уж вышло за пределы расслоение, и нет народа – только население.

Мыслителя даёт сочетание социолога, историка, экономиста, юриста, культуролога в «одном флаконе» с философом. В России же, как правило, все эти «специалисты» существуют сами по себе, а от философии так же далеки, как от народа. Потому с мудрецами у нас «напряг», а дороги по-прежнему плохи. Даже главной никак не выберем.

Каждый правитель действует в соответствии с возможностями своей общей культуры, прежде всего с развитостью мышления.

Не обмен продуктами человеческой деятельности, то есть рынок, а совместный созидательный труд формирует подлинное единство людей и народов, ибо труд первичен в становлении человека и общества, а рынок вторичен.

Быстрее, чем нищетой, страну можно погубить ненасытной жадой безумной роскоши одних за счёт других.

Россия для мира всегда была загадочной птицей-тройкой до тех пор, пока, совсем по Ф.М. Достоевскому, в неё не оказались впряжёнными Чичиков, Ноздрёв и Собакевич, управляемые пьяным кучером.

Российская реальность: подавляющее большинство живёт по воле подавляющего меньшинства.

Если не вкладывать в настоящее, можно остаться без будущего.

Национальная идея должна обязательно соотноситься с общенациональной и общечеловеческой.

Степень социального равенства – главный показатель уровня демократизации общества.

При низком уровне культуры Интернет подобен атомной бомбе в лапах обезьяны.

Без усвоения законов мироздания несовершенным остаётся знание.

Историк, не владеющий материалистической диалектикой, – всадник без головы.

Нанопонимание освоения государственных средств: сделать их своими, приватизировать.

Устами начальства не всегда глаголет истина.

И талант нередко бывает редкой сволочью.

Когда не хватает таланта, чтобы переплюнуть классика, на него просто плюют.

Нет идеалов, нет авторитетов – нет будущего!

Талант становится пороком, когда творит он в мире зло.

Вся жизнь – экзамен на звание Человека.

Ответственность – цена свободы.

Годы, сами по себе, не бывают плохими или хорошими. Такими их делают люди.

Почему все клянут проклятые девяностые, но их организаторов и вдохновителей кое-кто возводит в герои?

Главное в законе – не буква, дух. Чтобы писать, принимать и исполнять их, нужны мудрость и совесть.

Пока от нанотехнологий один лишь виден результат: Чубайс уже переженат. Чтоб от грехов освободиться, осталось лишь переродиться.

На злате вырастает зависть, а та рождает злобу и злодейство.

Из всех кандидатов в президенты харизма есть только у Жириновского, но уж слишком она из него выпирает. Так и хочется вернуть её обратно. Вы давно не видели кузькину мать? Голосуйте за Жириновского!

Вождей и гениев не выбирают.

Современная Россия утратила самое главное качество сильного государства – единство народа.

Голова человеку дана не для того, чтобы на ней танцевать.

В России рок всегда воспринимался в образе злой судьбы, но только в наше время рок-культура знаменует её воплощение.

Первыми мэрами в России стали Попов и Собчак, но за особые заслуги перед правительством США. За что же другие должны носить эту «мэрзкую» должность?

Когда лучше живет народ: когда он сам поет песни или когда песни поют ему?

Если все коррумпированные чиновники покинут ряды «Единой России», сколько членов останется в этой партии?

Может ли быть сильным государство, не имеющее идеи, спланивающей весь народ?

Может ли быть сильным государство, если в нем из всех писаных и неписаных законов действует лишь один неписаный – постоянного роста крупного криминального в своей основе капитала?

Может ли быть сильным государство, не имеющее собственной идеологии и слепо следующее чуждым образцам?

На какую модернизацию, какие инвестиции в производство можно рассчитывать, если огромная часть госбюджета, прибыли и доходов от постоянного роста тарифов и цен оседает в личных карманах «элиты»?

О каком социальном государстве, о какой стабильности общества и о каком будущем можно говорить в стране, где одни дошли до полной развращенности в потреблении, а другие – на грани выживания?!

На какое будущее может рассчитывать государство, формирующее из своих граждан не производителей, а потребителей?

Развращенность элиты – первый признак деградации государства.

Критерий уровня цивилизованности общества – не в наличии золотых сортиров у некоторых представителей человекообразных, а в степени утверждения принципов справедливости в повседневной жизни.

Рынок обязательно регулируется – либо государством, либо мафией.

Для уничтожения личности сам по себе мир потребления страшнее душегубок.

ДУША В ЗАВЕТНОЙ ЛИРЕ

Я ПРОДОЛЖАЮ ВЕРИТЬ

Я к Богу не пришел.
Сам не приду, наверно.
Но трижды призывал
Меня к себе Господь.
А, может быть, спасал?
Признаюсь откровенно:
Божественной я чту
Свою судьбу и плоть.
Судьбу – понятно: иногда везло,
Но больше маялся, как маяется Россия,
Не за свои грехи, а за чужие.
И вечно за Добро ей платят Злом.
А с плотью намурил Создатель, но
Так и не понял я в его причудах разницу:
Кому – на голову родимое пятно,
А мне вот прилепил его на задницу!
Тому – логично: шельму метил,
А у меня – лишь врач заметил.
Я верил и служил тем заповедям древним,
Что с именем Его связал в душе навек
Мужик рязанской иль воронежской деревни,
Любой – по жизни честный человек.
Я верил... И сейчас все продолжаю верить:
Народ наш заслужил счастливую судьбу!
Коль есть на свете Ты, то как позволил зверю
Клеймо раба вдавить ему на честном лбу?!
Я к Богу не пришел...
Я продолжаю верить...

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

«Жизнь прожить – не поле перейти»...
Мудрая пословица какая!
Но ведь поле разное бывает:
То ль трусцой – от края и до края,
То ль придется под огнем ползти,
Руки в кровь об землю раздирая.
«Жизнь прожить – не поле перейти»...
Наша жизнь нас в этом убедила.
Важно все: и как, и с кем идти,
И какая цель тебе светила.
Не годами меряются жизни.
Главное – что сделать ты успел,
Кем среди людей сегодня признан,
Сколько на счету есть добрых дел.
Люди! Ну не будьте же наивны!
Наше поле оказалось минным.
Но, коль надо, – надо перейти!
Счастья вам на жизненном пути!

ШКОЛА ЖИЗНИ

Школой жизни стала жизнь сама,
Но никто не выдаст аттестата.
И не всем достаточно ума,
Чтоб прочесть ту черточку меж датами.
Как все то, что сделал, оценить,
Избегая расхожденья мнений?
Как суметь и протянуть ту нить,
Что зовется связью поколений?
Кто сказал, что мы уже стареем
И скопились в пламени и дыме?
Просто мы становимся мудрее,
Сердцем оставаясь молодыми.

КНИГА ЖИЗНИ

Прочти!.. И узнаешь,
Как люди живут.
Прочти!.. И узнаешь,
Что это за труд.
Прочти и запомни:
Весь жизненный смысл –
Глубокие корни
И вечная мысль!

НЕ ДОЖИВАТЬ, А ЖИТЬ

Свой век хочу не доживать, а жить.
Я не приемлю это слово – старость.
Лишь об одном приходится тужить,
Что время слишком подлое досталось.

Бывали в нашей жизни времена
Нелёгкие, но не было подлее:
Всё продаётся: люди, ордена,
Честь, совесть – как в дешёвой бакалее.

И никому сегодня не нужны
Ни знания, ни способности, ни опыт.
Другие нынче ценности важны:
Кто больше и быстрее «бабла» накопит.

САШЕ ЗАКАЛИНУ

Семьдесят – не мало и не много,
И об этом нечего тужить,
Хоть нелегкой и была дорога:
Мы служить умели, а не жить.

Жизнь еще не кончена, дружище!
Мы, как прежде, всё ещё в строю.
Всё ещё свою мы правду ищем,
Пусть тяжелую, но все-таки свою...

26 марта 2007 г.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Жаль мне людей, никогда не встречавших рассветы
И не желающих видеть, как солнце поутру встаёт.
Ведь не случайно так любят рассветы поэты,
И потому им сам Бог вдохновенье даёт.

Вместе с рассветом приходят и свет, и надежда.
С первым лучом на Земле возрождается жизнь.
Утренний свет пробуждает в нас силу и нежность
И помогает нам жить и любить, и дружить.

Так не теряйте же даром вы каждое утро.
Истинной радости поторопитесь испытать.
С утренней свежестью в нас просыпается мудрость,
Ну а она – не товар: ни украсть, ни купить.

НЕ ПО ЗАКОНАМ ПРИРОДЫ

Многие годы Россия живёт
Не по законам Природы.
Что предстоит ей? Что её ждёт?
Нет уж надежд у народа.

Нет идеалов и совести нет.
С жиру взбесилась «элита»,
Спятила вовсе от звона монет
И уж гребёт неприкрыто.

Солнце и то над Кремлёвской стеной
Не соответствует Времени,
Власть капитала царит над страной.
Тяжким сдавила бременем.

М. А. ГРИБАНОВУ

Мы – дети войны, и этим много сказано.

Мы – дети войны, и этим судьбы связаны.

Мы вместе со страной прошли путем нелегким.
Мы научились Родине служить,
Не обязательно держа в руках винтовку,
А посвящая ей свой труд и жизнь.
Пусть называют это громкими словами,
Те, кто не жил романтикой труда,
Те, кто привел Россию в никуда.
Мы цену сделанного знаем сами.

ГРЕМИТ НАД МИРОМ РОК

Гремит над миром рок.
Он главным стал искусством.
Взыграл людской порок,
Ритм заменил все чувства.

На нашенской земле
Грохочет он отныне:
Любители – в Кремле,
И падают святыни,

И глохнет Русь, и стонет Русь
Под этот гром и вой.
Несет не радость – только грусть
Век роковый и роковой.

КАЛЕЙДОСКОП

Мы спорили в масштабах всей страны:
Нам физики иль лирики важны?
Пока мы спорили столь жарко, вдохновенно,
Важнее оказался вор обыкновенный.

Не всяк, кто пишет, есть писатель.
Не всяк, кто воет – вокалист,
А кто играет – тот артист.
И строит не всегда создатель,
Но часто – просто аферист.

О свободе болтать стало модно,
Но кончается всё разговорами.
Вся страна задохнулась «свободой»
За стальными дверьми и заборами.
И, чем выше забор,
Тем крупнее и вор.

Был мир любви... Был мир искусства...
Царил Амур.
Ушла любовь, исчезли чувства –
Сплошной гламур!
В любой тусовке, как на параде:
Куда свой взор ни кинь –
Вокруг одни сплошные... звезды.
Но нет богинь!

В душе я Бога признаю
И знаю: жить нельзя без веры.
Но не пытаюсь я химерой
Прикрыть беспомощность свою.

И жизни сладкой, как в раю,
Не буду следовать примеру.
Я хорошо ей знаю цену:
Она дается – за измену!

Погрязло человечество во Зле.
Куда ни глянь – всё навевает грусть.
Я знаю: нету Бога на Земле,
Но за его пришествие молюсь.

Уже не мода, а чума –
Сплошное сериалоблудье.
Длинней, чем русская зима,
Глупей, чем даже дурь сама.
Они осточертели людям.
Зато у «НИХ» – полна сума!

*Из сообщений «Радио Москвы»:
«В посёлке Жуковка ощущается
острый дефицит устриц».
«В Москве катастрофически
не хватает полей для гольфа».*

Зашли вы далеко, но не туда.
И здесь не нужен никакой анализ:
Ни совести в вас нету, ни стыда,
Очнитесь, господа! Вы попросту зажрались!

Кого только нету в нашей элите,
Там «звёзды» сплошные и вор на воре.
Теперь ещё царский подарок примите:
Французский Распутин уже при дворе!

*«Самая совесть человека
есть откровение».*

В. Даль.

Как солнце вечно Землю греет,
Так вечно мудрость не стареет.
Мы забываем мудрые слова:
Иным забита голова.
И жизнь становится мертва.

Судьба одна – другой не будет.
И жизнь одна – другой не будет.
Земля одна – другой не будет.
А Родины моей уж нет...

Старый сад уже вымирает.
Дряхлеющие яблони теряют сучок за сучком,
Ветку за веткой...
Совсем как их хозяин: желание за желанием,
Мечту за мечтой, надежду за надеждой...
Но он уже посадил молодую яблоню,
А из корневой поросли старой оставил одну...
Авось выстоят, вырастут, расцветут!
Надеждой жив человек!

С тех пор, как вертится Земля,
Ничто не начинается с нуля,
А просто продолжается движение.
И, коль разумны те, кто у руля,
Движение обернётся достиженьем.
Но эта логика России не знакома:
Упорно прѐм от одного нуля к другому.
И снова начинаем жить с нуля.

ПОДРАЖАНИЕ К. СИМОНОВУ

Если Бог мне своим могуществом
Перекроет земной удел,
Отчитаться б хотел не имуществом,
А количеством добрых дел.
Как в аду я и в жизни намаялся
За свои и чужие грехи.
За свои уж давно покаялся,
А в иных виноваты «верхи».
Всё – работа, заботы без счёта...
Оглянуться на жизнь не успел.
Бог! Лет десять мне дай для отчёта
И решай: хоть в – котёл, хоть – в купель.

РУССКОЕ ПОЛЕ

*Светлой памяти
Г.Н. Троепольского*

Сколько песен про поле пропето!
Оно было России приметой.
Потому оно сердцу так мило,
Что века наших предков кормило.
Оно полито потом и кровью.
Оно жило нашей любовью.
Оно пело весною, звеня:
Зеленя, зеленя, зеленя!
За труды и любовь по осени
Оно щедро платило колосьями,
Золотым полыхая жнивьем:
Значит, с хлебом нынче живём!

А сегодня поля заброшены:
И не паханы, и не кошены.
Поле русское смотрится плохо
С американским чертополохом.
Не пасутся в полях стада:
Забугорная есть еда.
Деться некуда от стыда!
Поле! Поле!.. Русское поле!
Стало ты русскою болью...

КУДА ИДЁМ

*Из эпиграммы П. Вяземского
«По современному зоологическому вопросу»:*

*В науке неуч и профан,
Спрошу: не больше ль правды в том,
Что вовсе не от обезьян,
А в обезьяны мы идём?*

Русское поле! Русское поле!..
Долго ты было символом воли,
Сможешь ли вынести тяжкую долю?
Дикое поле, дикие нравы...
Только на дикость нету управы.
Где же ты, где, человеческий разум,
Чтобы пресечь разложение заразу?
Мир стал сплошным безобразием шоу,
Полным эффектов обманных, дешёвых,
Чтоб не видны были жизни изъяны.
Вяземский прав был: идём в обезьяны!
Миру грозят снова беды да войны.
Но есть немало очень довольных.
Нынче победу свою они празднуют –
Человекоподобные, но чубайсообразные.

ОЧЕРЕДНОЮ ВЕСТЬЮ ОГОРОШЕН

Очередною вестью огорошен:
Опять пожар и множество смертей.
Виновен пермский клуб «Хромая лошадь»,
Не удержав накал ночных страстей.
И что ни день – то новые удары,
Все рушится, взрывается, горит...
И жизнь становится сплошным кошмаром,
А диктор говорит и говорит...
Давно не слышно новостей хороших.
Не видно что-то и плодов труда.
Сама Россия, как хромая лошадь,
Идет, бредет неведомо куда.

ЛЕВО–ПРАВО

Сердца ось отклонилась налево –
Показал медицинский прибор.
Непривычно и даже нелепо,
Но ведь это – не приговор.
С левой начал шагать по уставу
Я, едва научившись ходить.
За рулем ждал опасности справа
И в кювет не хотел угодить.

Какая разница: налево иль направо?
Бывает хуже... Прошлый век... Разлом...
Мир разделив на левых и на правых,
Сместили ось между Добром и Злом.
И заблудился мир, дорогу потеряв,
Не зная уж, где сено, где солома.
И россияне, смачно матерясь,
Не видят выхода из этого дурдома.

Все нетерпимее обида за страну,
Которую любил ты больше жизни.
Ее годами пробовали гнуть,
Но все же сторбили, ну а потом догрызли.
Пора бы человечеству уже
С путем-дорогою определиться. Надо!
Пока не путают лишь «М» и «Ж»,
Но не найдут дороги мимо Ада.

Мир должен был бы, мудрости внимая,
Уразуметь при выборе пути:
Дороги лучшей нету, чем прямая,
Чтобы с орбиты вовсе не сойти!

ЧЕЛОВЕК РОЖДЕН ДЛЯ СЧАСТЬЯ

*Человек рожден для счастья
как птица для полета.*

Рожден-то он для счастья,
Но человек – не птица.
И мало лишь родиться,
Чтоб в жизни повезло.
Один кричит о счастье,
Едва успев влюбиться,
Еще не разобравшись
Между Добром и Злом.

Другой, построив замок,
Купается во злате.
И сыт он дутой славой
Прикормленных льстецов.
«В натуре» же он просто
Давно погряз в разврате,
В «тусовке» нынче модных
Таких же наглецов.
Людей мы узнаем
Как птицу – по полету.
У «новых русских» нынче
Особенный полёт.
Погоня за «баблом»
Для них и есть работа,
А самый быстрый шанс –
Грабительский налёт.

Нет счастья без труда – так завещали деды.
Ведь счастье – это выигранный бой.
Ведь счастье – это тот же День Победы!
И, в том числе, – победы над собой.

БЕЗ ФИЛОСОФИИ НАУКИ НЕТ

Без философии науки нет,
Как без подошвы нет штиблет,
Как недостаточно лишь зренья
Для широты мировоззренья.

Иной уж мантию напялил,
Но любит все ж бои без правил.
Он книги держит лишь для мебели:
Ну и зачем ему Платоны, Гегели?..
Он знает все, но все – условно,
А чтит лишь Кодекс уголовный.
И тот-то только для того,
Чтоб ловко обходить его.

Без мудрости не строят связь времен:
Ведь, не познав законов мироздания,
Несовершенным остается знанье
И человек не может быть умен,
Не может принимать он правильных решений.
Творить лишь может – разрушение!

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И ГРЯДУЩИМ

Забыв о времени быстротекущем,
Страна застряла между прошлым и грядущим.
Рванулась было за обманчивой свободой,
Но не на благо своего народа.
Ему нормальной жизни так и не дали,
А нагло обобравши, предали
Те, кто глумился беспардонно пошло,
Над его трудным, но и славным прошлым.
В итоге – у разбитого корыта,
А будущее тайною покрыто.

ЕЩЁ ОДНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТСУТСТВИЯ БОГА

Какой закон – такое государство.
Не зря примером – Божье царство.
Коль лишены законы справедливости,
На светлый путь они не могут вывести.
Служить несправедливому закону
Не любят люди на Руси исконно.
Наш истинно российский либерал
Такою ненасытной стал скотиной,
Что был бы Бог, давно бы покарал
И конфискацией, и гильотиной.

ГДЕ ВОИНЫ?

Трещит вновь воинский призыв.
Готовы брать уж всех, тотально:
Служить идут одни «низы»,
Других «отмажут» моментально.
Здоровяки и ухари –
В «спецназе» Аллы Духовой.
Боевики без страха –
В охране олигархов.
В стриптизе – все атлеты,
А воинов-то нету...

АХ, БЕДНЫЙ ПУШКИНСКИЙ ЯЗЫК!

Ах, бедный пушкинский язык!
Что ныне от тебя осталось?
По-русски думать уж отвык
Народ наш. Горькая усталость
От чуждых слов и диких фраз.
Медведя заменив на гризли,
Насильно впихивают нас
В американский образ жизни.

ТАНЕЦ ЖИВОТА

Трепещет вся богиня естества,
Как воплощенье чистоты природы.
То задрожит от ветерка листва,
То как весною брызнут жизни всходы.
И вовсе лишними здесь кажутся слова.
Как песня радости – изящество движений
И мелодичность лебединых рук.
И в восхищеньи замирает всё вокруг...
И вдруг!.. Ну надо же, такое унижение:
Один «ценитель», обалдевши, сдуру
В трусы сует ей крупную купюру.

УЧАСТОК ДАЧНЫЙ...

Участок дачный – ходуном:
Свой день рождения внук справляет!
Родни, гостей – заполнен дом.
Шашлык дымит, огни сияют...

Поутру утомился хоровод
И спать отправился гуляющий народ.
И тишина... Лишь слышно, как зовет
На помощь слабый голос из сарая,
Но голос этот просто душу рвет:
Старушка – мать семейства помирает.

СОЛНЦЕ КРАСНОЕ НАД РОССИЕЙ

Солнце красное над Россией
Пробивается сквозь пелену.
Только снятся ливни косые
У жары и пожаров в плену.

Полыхают деревни и села,
Нивы редкие съела жара.
По лесам бродит огненный молох,
Все живое готовый сожрать.

У него аппетит олигархов,
Но до них не добраться ему.
Пусть народ задохнется в дыму,
А они разбежались от страха.

Кто на яхте с подружкой плывет,
Кто свой зад охлаждает на море,
Кто вывозит богатство свое.
Им плевать на народное горе.

Я СОВСЕМ НЕ ПРОТИВ БОГАТЫХ

Я совсем не против богатых,
Если нажито честным путем.
Мы же просто «лепим горбатых»,
И куда мы с ними придем?

Если все, что дано природой
И добыто нелегким трудом,
Все – в карманах каких-то уродов,
То не жизнь, а какой-то дурдом!

Нас пугают наследием старым,
«Обновляемся» там и тут:
Все святое стало товаром,
И «элиту» за деньги пекут.

НОВЫЙ КЛИП

Новый клип запущен в декорациях:
Власть себя раскрыла в декларациях.
Врут, не соблюдая чувства меры,
Эти жалкие миллионеры.
Нету в списках золотых сортиров
В их огромных нескольких квартирах.
Нет у них участков по шесть соток,
Нет у них своих подводных лодок.
В общем, бедные совсем у нас сановники –
Наши депутаты да чиновники.
Чуть поныли – виден результат:
Снова повышение зарплат.
Но ещё быстрее от года к году
Как грибы в лесу растут доходы.
Здесь, конечно, не в зарплате дело:
Просто наострились и умело,
Жадно, но не пачкая манжет,
«Пилят» государственный бюджет.
Трудятся, поверьте, напряженно.
Вместе с ними их мужья и жёны.
Отпрыски, сестрички и братаны
Тоже растопырили карманы
И уже воруют целым кланом.
В той делёжке что-нибудь обломится
Полюбовникам и любовницам.
А бюджет растёт из года в год,
И растит его простой народ,
Позволяя нынешним халифам
Цены взвинчивать и повышать тарифы.
Полностью лишённый права голоса,
Тащит им последнее на бонусы.
А Фемида путает «наивно»
Декларации с их явкой с повинной,
Преступленья называя, впрочем,
«Превышением властных полномочий».

ПОРТРЕТЫ

Имеет он полковника звание
И целых три высших образования.
И степень доктора есть у него.
А воспитания – ни одного!
Ходит он нагло по властным ступенькам,
Ну а культуры – хрен да маленько.

Предав и деда, и отца,
Он предал и продал Россию,
Рецептом шокотерапии
Сломав хребет ей до конца.

Как он торжествовал, победой упиваясь,
Когда докладывал хозяевам своим,
Что от России мало что осталось:
Кругом разруха, прах и дым.
Он крепко руку приложил к развалу,
Но вместо нар – на новую кормушку.
Типичная судьба хапуги-либерала,
Неприкасаемых не лупят по макушке.
Народ же трезво оценил его усилия,
Всех рыже-наглых псин назвав его фамилией.

По плечу за «дружеский» похлоп
Был готов служить им наш холоп.
Всей душой стремящийся к славе,
Захлебнулся он в волне тщеславья.
Поменял на приторную лесть
Он судьбу народа, долг и честь.
И Союз священный наш угробив,
Получил в награду кличку «Горби».

И Рузвельт по плечу не хлопал,
А Черчилль даже не мечтал.
Хоть и желал Россию «слопать»,
Но вынужденно почитал.
Со всем почтеньем к «дяде Джо»!
К Союзу, как к большой России,
Все с уважением относились:
Он был друзьями окружён.
Да, был тиран. Но за короткий срок
Он обуздал российскую стихию,
Сплотил народ, стране дал силы впрок,
Чтоб выстоять смогла в года лихие.
За кем ещё за весь минувший век
Россия так отчаянно пошла бы?
Он, небольшого роста человек,
Был личностью всемирного масштаба.
Был культ! Но культ-то личности!
А ныне тоже культ – наличности.

Мудрец – лишь тот, кто сам рождает мысли,
А не берёт займы со стороны.
Иной правитель так «накоромыслит» –
Сплошное бедствие для всей страны.

Благодаря «заботам» Голиковой,
Народ совсем остался голеньким.
От Фурсенко образование
Людей сподобит обезьяне,
И от врагов не защитит
Фальшивый сердюковский щит.
Спецов в «верхах» у нас не мало,
Но в основном они – по налу.
Чтоб действенной была забота о народе,
Не надо много рассуждать о мерах.
Сурковы и дворовичи должны сидеть на МРОТе:
Народ-то ни к чему миллионерам.

Чтобы шедевры создавать, не столь важна
Своя или казенная наличность..
В искусстве, как в политике, нужна
Довольно крупного масштаба личность.
Но не берись судить вождей и времена,
Коль твой конёк – лишь бытовая драма.
Ну а война? Она и есть война.
И тут – совсем другая панорама:
Ведь получился фильм-самореклама.

Попса и есть попса – типичная «нетленка».
В том смысл напрасно ищешь ты:
«Прикид» бомжа, прорехи на коленках –
Свидетельства духовной нищеты.

*«Талант выдающийся,
лакмусовая бумажка
современной интеллигенции».*

*Татьяна Толстая
о Г. Харламове*

Гарик Харламов – лицо канала,
Ну а «бульдог» – его «погоняло».
Славен же он, конечно, не даром,
Плоским и пошлым репертуаром.
Он ежедневно с пылом и жаром
В эфир выдает «классику» жанра.
«Блещет талантом» в этот момент
Наш современный интеллигент.

*В передаче «Поединок» 20.09.2012 г.
адвокат Генри Резник заявил, что право
должно опираться только на разум,
а справедливость – лишь чувство.*

Коли предела низости уж нету,
Действительно, конец приходит свету,
Когда в угоду собственной чванливости
Лишают Разум чувства Справедливости.
И это делает не молодой «кудесник»,
А суперадвокат наш – Генри Резник!
Уже забыл он про весы богини,
Что значит «справедливость» на латыни
И что, по Монтескье, обязан он исконно
Блюсти не формулу, а дух Закона.
Уже не служит ценностям он старым,
А служит лишь высоким гонорарам.
А гонорар... Какой тут разговор:
Он тем крупнее, чем крупнее вор.

Газпрому

Народным же командуя добром,
Добыв себе такое состоянье.
В зените славы нынче «наш» Газпром,
Объявленный народным достояньем.

А газ несется через всю страну.
Куда по трубам ни гоним он
И по земле и по морскому дну!
Но не к российскому селу, а мимо.

Так, чтобы вас не поносили,
Вы приближайте день и час,
Когда дойдет российский газ
До дома каждого в России,
Чтоб люди дождались момента,

Когда тариф заменит рента.
Пока ж, конечно, извините,
Но слава ваша вся – в «Зените».

Власть не портит человека,
Если честный человек.
Власть не портит человека,
Если умный человек.
Но дурак, во власть попавший,
Честь и совесть потерявший
И имеющий одну, хоть и пламенную, страсть – красть,
Вот такой испортит власть.

Homo sapiens – человек разумный.

Чело дано ему навек,
Ведь он – разумный человек.
Но разум нынче у немногих,
Зато полно членистоногих.

В наш век безумный актуально
Всё то, что гиперсексуально.
Кому-то слёзы, а кому-то смех,
Но все «накалывают» всех.

Ну не везет стране на мудрецов!
Зато везет на подлецов,
Лгунов, дельцов, что на руку нечисты,
Воров и болтунов речистых,
Во власть пролезших наглецов.
Понятно, что идем куда-то не туда,
Коль стал изгоем человек труда.

*Непосредственным адресатам
«комплимента» В.И. Ленина*

Живёт, казалось бы, своим трудом,
Но это просто пыль в глаза пускает.
Не зря ведь говорит молва людская,
Что продал дьяволу он отчий дом.
Казалось бы, живёт своим умом.
Но постоянно вылезают уши
Того, кому он продал душу,
Прикрытую от всех златым руном.
Хоть у него полным полна сума,
Но нет в наличии полного комплекта:
Большой избыток подлого ума
Не замещает интеллекта.
Хоть любит говорить за весь народ,
Но, нагло следуя своей традиции
И презирая «этот серый сброд»,
Он служит только собственным амбициям.
А сам Ульянов был интеллигент.
Он был агентом... русского народа.
И свой известный «ультра-комплимент»
Он посвятил лишь нравственным уродам.

Им жажда мести не даёт уснуть
За то, что он раскрыл их собственную суть.

ФАБРИЧНЫЕ ДЕВЧОНКИ

Вы были символом сердечной простоты
И скромного труда на радость людям,
В том был секрет чудесной красоты,
Такой, какой уж никогда не будет.

Хоть трудно руки вымыть добела,
Та фабрика была хорошей школой
И в светлый путь девчонок тех вела,
И даже в Космос вслед за Терешковой.

Пришли совсем другие времена.
И нынче фабрики совсем другие:
Здесь шоу-бизнес лепит имена
И продает их, словно дорогие.

Они не зажигают звезды, нет,
Светить не могут липовые стразы,
Но ослеплённая гламурною заразой
Толпа льет дождь из золотых монет.

ДОХОЗЯЙСТВОВАЛИСЬ

Как будто издеваясь понарошку,
Везут нам из Израиля картошку.
А коль израильской не захотите,
Пожалуйста, вам вырастят в Египте.
Ведь до чего мы дожили-то ныне:
Нас кормит Аравийская пустыня!
А на родных российских чернозёмах
Иль пустоши, иль барские хоромы.

Вместе с полями и стёжки-дорожки
Позарастили мохом-травой,
И на российской земле понемножку
Сам наш народ превратился в изгоя.

МЫ ЖИВЕМ УЖЕ НЕ В РОССИИ

Мы живем уже не в России,
А в неведомой Чубайсии.
Верно служат вора́м в законе
Те, кто нынче сидят на троне.

Чубайсия – страна без народа.
Весь народ подменили сбродом.
Надругавшись над прежним строем,
Из предателей лепят героев.

НАД КРАСНОЙ ПЛОЩАДЬЮ...

Над Красной площадью грохочет рок.
Нет поклонения святыням,
Ума и совести – в помине.
В России царствует порок.

Погрыз в разврате «высший свет»,
От денег дармовых балдея.
Страну разграбили злодеи,
Да и страны почти уж нет.

Какую отрасль ни возьми –
Она в развале иль в загоне.
Лишь газ и нефть по миру гоним,
Но не хватает нам самим.

Зато свободы – до хрена!
Вот только знать бы, что с ней делать,
Когда дошли до беспредела,
Ведь без культуры – зло она!

У юных в головах – сумбур.
Амура задушил гламур,
Та беспредельная свобода
Рождает нравственных уродов.
Два поколения проплясали рок
И снова не туда шагнули.
Пред «желтым дьяволом» в бараний рог
Народ свой и страну согнули.

ДАВНО ЛЬ...

Давно ль вы ездили по Подмосковью?
Не по Рублевскому, конечно же, шоссе,
А по просёлкам, там, где кровью
В прифронтовой полита полосе
Любая пядь святой родной земли,
В которой миллионы полегли.

Там нет давно уж многих деревень,
Порублены леса и зарастают нивы.
Виной тому – не вековая лень,
А жажда ненасытная наживы.
И русский человек, как в непросветной мгле,
Уже чужой на собственной земле.

Вот так везде, по всей Руси Великой,
Чуть отойди от крупных городов.
И стала наша Родина безликой
И безутешной, словно слезы вдов.
Народ от безысходности такой
Пьёт не за здравие – за упокой.

Голоса там не услышишь веселого.
Как говорится, не та атмосфера.
Вместе с полями, лесами и сёлами
Отнята Родина, отнята Вера.
И задыхающаяся от бессилья молит Россия:
Где же ты, где же ты, новый Мессия?!
В полном отчаянье люди усталые
Ждут не дождутся нового Сталина.

МОЙ АДРЕС

Мой адрес был известен всему миру,
И миллиарды душ завидовали мне,
Что я живу в такой святой стране,
Чья слава выше всех вершин Памира.
Мой город в центре был Советского Союза,
А оказался – на краю России.
И сам народ вдруг стал для тех обузой,
Кто надругался над страной бессильной.
Россия! Боль моя! Живая рана,
Незаживающая двадцать с лишним лет!
Тебя такую сделали по пьяни
Те, в ком ни совести, ни сострадания нет.
Не снизойдёт на нас вдруг Божья милость,
И будем жить мы в нищете и мгле,
Пока не победим несправедливость,
Пока «чубайсы» ходят по Земле.

ПРОРВЕМСЯ

Университетская шутка
Помнится и поныне:
Стала мне прибауткой
Фраза на мудрой латыни.

Держа судьбы удары,
Повторял про себя лихо:
«Qwi nil potest sperare
Desperet nihil!»*

«Прорвемся!» – значит по-русски.
И мы прорывались с боем.
А жизнь не давала спуску:
Время было такое!

* «Кому не на что надеяться, тот ни в чем не отчаивается» (*лат.*).

ИМ НЕ ПОНЯТЬ...

*Алле Ларионовой
и Ирине Алферовой*

В душе храню я память дорогую:
Я знал одну, но был влюблён в другую.

Вы были звездами советского экрана,
Соединив талант и красоту.
Сегодня на такую высоту
Взойти уж некому. Совсем не странно,
Что вас и вовсе не спросили,
Назвав секс-символом России.

Им непонятно, что такое Муза.
Они – лишь жертвы века своего:
Была Россия символом Союза,
А стала лишь ошметками его.
У них культура вся с чужого полюса,
Где все достоинства пониже пояса.
На их «тусовку» нынче посмотрите:
Одни секс-символы в сегодняшней элите.
Все продается: и талант, и чувства.
Для них попса – главный вид искусства.

С ГОДАМИ ПЕРЕСТАНЕШЬ БЫТЬ НАИВНЫМ

С годами перестанешь быть наивным,
И в людях разбираться будешь строже.
Любовь бывает часто невзаимной,
А дружба невзаимной быть не может.
Коль склонен человек к высоким чувствам,
То жизнь ему становится дороже.
Богатство чувств всегда сродни искусству,
А вот «попса» искусством быть не может.
Похоже, с Родиной простились мы навек.
С благими чувствами простились тоже.
Когда в стране унижен Человек,
Уже он Гражданином быть не может.

НАС НЕ НАДО ЖАЛЕТЬ

Нас не надо жалеть, как жалеют калек да убогих.
Мы не легкой, но честной дорогой по жизни прошли.
Никогда для себя не просили мы много
И в служенье народу смысл жизни нашли.

Нас не надо жалеть. Мы и сами себя не жалели,
И в труде, как в бою, не считая ни нервов, ни сил.
Лишь быстрее б дойти до заветной, заманчивой цели,
Той, которую любят сейчас поносить.

Хоть и трудно живем, подаяния мы не просили.
И не будем просить: нам достоинства не занимать.
Эта гордость – от нашей, Советской России,
Той, которую звали мы Родина-Мать!

Нас не надо жалеть. Вы уж лучше себя пожалейте:
Надругавшись над прошлым, вы испортили жизнь молодым.
Перед ними вы будете вечно в ответе,
Отказавши им в праве вообще называться людьми.

Развратив до предела беспредельною жаждой наживы,
Потребительским духом заменили им радость труда,
Отобрав у них все, чем особенно мы дорожили,
Вы сегодня ведете их в никуда.

Им сегодня ведь нечем ни жить, ни гордиться.
Им давно уж пора не жалеть нас – завидовать нам.
Нет, народом нельзя быть без славных традиций,
А у них-то всегда есть свои имена!

А СУДЬИ КТО?

«А судьи кто?» Уж двести лет
Россия не найдёт ответ.

Такому надо же на голову свалиться:
Судьей истории назначили Сванидзе.
Своим усердием известен он давно.
На теле-радио, в кино
На прошлое страны он злобно лает,
Но роль свою в политике играет,
Мстя всем и вся, народу и эпохе
За память прошлого, за горькие уроки.
За «труд» свой (в качестве доплаты)
Он членом стал Общественной палаты.
И нынче судит он людей и времена.
Такое допустить мог только сатана!
Но люди-то умней, и каждое сражение
Приносит псевдосудьям поражение.
«Картина маслом» – на табло показ:
Народ мудрей в пятнадцать раз!
На этом фоне виден явно
Гражданский подвиг Кургиняна.

Морали нет. Субъект не тот.
Зато родился анекдот.
У анекдота логика своя:
Сванидзе Николай – судья!

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Юриспруденция без мудрости мертва.
Когда весь пыл уходит на слова,
Когда, ссылаясь на законы,
Святые нарушаются каноны,
Когда, «заботясь» о честнОм народе,
Его кошмарят разные мавроди,
Юриспруденция без мудрости мертва.

Когда и те, кто нынче миром правит,
В обычаи ввели бои без правил,
Когда, забыв о благе и о Боге,
С людей сдирают дань, а не налоги,
Когда в почете новая «элита» –
В недавнем проститутки и бандиты,
Тогда клянет страну народная молва.
Юриспруденция без совести мертва!

КТО НАС ЗОВЕТ ПОКАЯТЬСЯ?

Кто нас зовет покаяться? За что?
Пред кем сегодня пали на колени?
Пред теми, чьей заветною мечтой
На протяженьи многих поколений
Была химера – сделать нашу Русь
Своей рабыней, а народ – холопом?
А может, пред беспамятной Европой,
Забывшей, кто спасал ее? И пусть
Никто себя не тешит самоменьем;
Как ни взывал бы к людям всякий сброд,
Правители – еще не сам народ,
А он не будет ползать на коленях!

УЖ СКОЛЬКО РАЗ ТВЕРДИЛИ МИРУ

«Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник».
Но в наше время это модно:
Таких ты встретишь, где угодно.
И потому сей путь опасен:
Правители – и те не знают басен.
Так где уж им до древних мудрецов,
Не знают коль и опыта отцов,
Живя мечтою о небесной манне,
Но только в своём собственном кармане.
Уж сколько раз твердили миру,
Чтоб умных выбирал кумиров,
Но немудрёный сей урок
Никак не примут люди впрок.

НАШ СТАЛИНГРАД

*Шесть праздничных дней в году
Волгоград будет называться
Сталинградом*

Всего шесть дней, шесть дней в году
Считать себя наследником Победы,
А остальные – в нынешнем Аду,
Забыв, за что же воевали деды...
Отняв у Матери – своей
Великой Родины награду,
Вы память отняли у ней:
России нет без Сталинграда.

НАШ ЛЕНИНГРАД

Наш Ленинград был гордостью страны,
Ещё недавно – мировой державы.
И в годы мира, в дни войны
Покрыл себя великой славой.
Лихи, лихи истории ветра:
Себя вдруг возомнивший демиургом
Предатель Родины творение Петра
Вновь сотворил – бандитским Петербургом.

ПАМЯТЬ

Есть просто память. Как на старом фото
Она фиксирует мгновенья жизни,
Не выделив особенно кого-то,
Не различая дальних или ближних.
Ах, память, память!..Что это за штука?
Вот пишут: головного мозга функция.
Коль так солидно назвала наука,
То почему она такая куца?
Для тех, кто след в твоём оставил сердце,
Есть память сердца, что хранит не многих.
Там досмерти за золотою дверцей
Твои родня, друзья, богини, боги.
Вот кто-то прошлое, не думая, лягает,
Чтобы беспамятством убить живую мысль.
Нам просто память – в жизни помогает,
А память сердца – придаёт ей смысл!

КОГДА НАС ГОДЫ УРАВНЯЛИ

Когда-то было же в начале:
Ты пионер, я пионер.
Но к одному пришли причалу:
Я, как и ты, пенсионер.
На «вы» бывали в середине,
На «ты» – в начале и конце,
Когда возьмём назло судьбине
Да соберёмся. На лице
Сияет радости улыбка:
«Узнал, узнал тебя, старик!
Тебе уж семьдесят? Ошибка!
А ну, сними седой парик».
Друг другу сыплем комплименты:
«Ну, ты - орёл! Ну, молодец!»
Но понимаем (не студенты),
Почём сегодня жар сердец.
И встречи наши – как награда:
В тебе себя я узнаю.
И потому мы очень рады
Увидеть молодость свою.

ЗЕМЛЯКАМ-ВОРОНЕЖЦАМ В МОСКВЕ

Мы все – давно уж москвичи,
Но память сердца не прогонишь:
Оно сильнее застучит
При имени твоём, Воронеж!
Ведь мы тогда не просто жили –
Тебе и Родине служили.
Немало мы в тебя вложили
Своей любви, ума, труда.
И трудности нас не страшили,
В душе огонь не потушили,
Хоть многое не довершили,
О чём мечтали в те года.
Не только молодость свою,
Мы и судьбу с тобой связали.
Я в каждом встречном в этом зале
Тебя, Воронеж, узнаю.
Не побоимся слов красивых,
И скажем, искренне любя:
Как без России нет тебя,
Нет без Воронежа России!

ВИТАЛИЮ ИВАНОВИЧУ ВОРОТНИКОВУ

Юбилеи не бывают грустными,
Если жизнь вся отдана борьбе,
Если всеми помыслами, чувствами
Шёл подчас наперекор судьбе.

Наконец она, устав испытывать,
Вынесла на самые «верхи».
Но и это оказалось пыткой:
За чужие отвечать грехи.

Всё же выстоял, и выстоял с достоинством,
Честь и совесть свято сохраняя,
И не может сердце успокоиться,
Полное задора и огня.

Время грузит новыми заботами,
Но от прошлого нам не уйти.
Годы, что мы вместе поработали, –
Лучшие на жизненном пути.

Кланяюсь я нашей малой Родине.
Дух тех лет со мною навсегда.
С юбилеем, Ваше благородие!
Счастья Вам на многие года!

19.01.2006 г.

ЕВГЕНИЮ МАКСИМОВИЧУ ПРИМАКОВУ

Хоть «много проскакал, но не осёдлан»,
И до сих пор пока ещё в строю.
Любим Россией, некогда спасённой
И снова топчущейся на краю.
Пусть впереди нелёгкая дорога,
Куда ни кинь, жизнь всё-таки – борьба.
Зовёт, зовёт тревожная труба.
Удача и судьба пусть Вам помогут!

29.10.2004 г.

АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ СУХАРЕВУ

«Свой сухарь – лучшие чужих пирогов»

В. Даль

Сегодня твой апофеоз,
Столь знаменательная дата!
При блеске генеральских звёзд
Остался Родины солдатом.
По-прежнему – всегда в строю.
Всегда на главном направлении.
Чуть-что – и гвардию свою
Бросаешь снова в наступление.
Ну а бои – кругом. Они,
Подчас, всемирного масштаба.
Не зря в тебе ещё с войны
Живёт лихой начальник штаба.
Неутомимый, как всегда,
Чистосердечием известен,
Пронес ты через все года
В душе гражданский кодекс чести.
Ты от друзей и земляков
Прими наказ. А он таков:
От юбилея к юбилею,
Чтоб становился здоровее!

11.10.2008 г.

МИШЕ ГРИБАНОВУ

Война прилась на наше детство
И нам тяжелое оставила наследство.
Мы вместе со страной четыре года
Делили все военные невзгоды.
Но нам счастливая пора досталась:
Увидеть, как Отчизна возрождалась,
И быть причастными к великим тем делам.
Так пусть завидуют потомки нам!

Как прежде мы желанием полны
Дожить до торжества Добра на белом свете,
Ведь мы – не только дети той войны,
Ведь мы еще и той Победы дети!

ПЕТРУ ВВСЕЕВУ

Летят, летят листы календаря.
По всем приметам, наступает осень.
Так жизнь прожита зря? Или не зря?
Самих себя мы откровенно спросим.

Нам выпали нелёгкие года.
Нет, не года, а целые эпохи!
Мы видели и торжество труда,
И испытанье торжеством убогих.

Мы выстояли в нравственной борьбе,
Не став иудами, чубайсами, гайдарами...
Не изменив народу и себе,
Мы не согнулись под судьбы ударами.

Не искупить нам и своей вины.
Когда уже давно зовёмся дедами,
Ошибки все отчётливо видны:
Мы сами виноваты, что нас предали!

Но не грусти сегодня, старый друг!
Жизнь не кипит, но всё же продолжается.
За каждого из нас – небитых двух
По мудрости народной полагается.

4 апреля 2008 г.

ГЕННАДИЮ ГУСЕВУ

Прочитал твой очерк о войне
И, как будто, жизнь ещё раз прожил.
Будто ты писал и обо мне,
Ведь и я испытывал всё то же.
Теми же дорогами прошёл,
Так же ждал я фронтовые сводки,
Так же ждал Победу всей душой.
Тут секрета нет: мы – одногодки.
Той «закваской» мы ещё сильны.
Не сломали нас года и беды:
Мы с тобой – свидетели войны,
Мы с тобой – свидетели Победы!
Ты нашёл жемчужное зерно,
Чтоб очистить души от помёта,
Коим дерьмократо-патриоты
Обливают правду уж давно.
Кто-то любит «полоскать мозги»,
Будто правды разные бывают.
Сукин сын тот! Людям хоть не лги:
Правда на земле одна – святая!

БЫСТРО ВРЕМЯ ТЕЧЕТ

Ох, кругом юбилеи!
Быстро время течет.
Но душой не стареем,
Будто годы – не в счет.
Только память тревожит:
Все ль ты в жизни успел?
И находится множество
Незаконченных дел.
Ах, года роковые!
Я, по жизни не мот,
Собирал гробовые,
А спустил на ремонт

СТАРАЯ ПРИВЫЧКА

В свой день рождения я обычно
От телефона устаю.
Осталась старая привычка –
Как после боя перекличка,
Проверка: кто еще в строю.

А все ж приятная усталость:
Не много радостей осталось.
Мы живы памятью друзей,
И рано нас сдавать в музей.

ДНИ БЕГУТ

Зима. Декабрь. Стучит капель...
Ну что за прихоть в это время года
У этой ветреной погоды?
Есть смысл: ты жди – придёт апрель!

Дни бегут неделя за неделей.
Оглянулся – месяц пролетел.
Воздух пахнет близким уж апрелем.
Впереди нас ждёт немало дел.
Времени не трать на раскачку,
Спозаранку торопись за стол.
Позабыв болезни и болячки,
Отходи скорей от зимней спячки,
Помни, чем опасен нам застой!

КАК ХОЧЕТСЯ...

Как хочется еще чего-то сделать!
Все главным кажется, стараешься успеть
И отодвинуть срок последнего предела,
И песню жизни до конца допеть...
Я знаю, что она еще не спета,
Но знать бы, сколько у нее куплетов.
А ведь меня могло уже не быть ...
Цветущий сад мог больше не увидеть.
И никого уж больше не любить,
И никого уже не ненавидеть.
А сколько написать успею строчек
За эту, уж последнюю, отсрочку?

«КУ-КУ»

Говорят, ты столько будешь жить,
Сколько раз кукушка прокукует.
Слышали примету вы такую?
Верной может ли она служить?
Говорят, кукушка так токует.
А, по-моему, она тоскует.
Лишь тоска бывает бесконечной.
Жить без радости нельзя, конечно.
А с чего кукушке веселиться,
Коль не может стать нормальной птицей?
Ни в любви нет радости, ни в жизни,
Будто вечно по себе справляет тризну.
Вот и песня – даже не в строку
Превратилась, в краткое «ку-ку».
Как созвучно кукушьему племени
Наше нынешнее безвременье.
В знак печали на нашем веку
И звучит роковое «ку-ку».

ДВЕ ВЕТКИ

Когда-то две ветки высокой осины,
Резвясь, обгоняя в запале друг дружку,
Рванулись к небесной заманчивой сини,
Да так, что оставили снизу верхушку.
Теперь, потеряв меж собою основу,
Стремятся прижаться поближе друг к другу,
Чтоб рядом, чтоб вместе, как прежде, быть снова
В содружестве веток приствольного круга.
И мечутся две оголённые ветви,
Напрасно к стволу обращаясь с повинной.
А ниже – густая и даже без ветра
Трясёт серебро дружных веток осина.

В ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

В тихий тёплый летний вечер
Ты накинь платок на плечи.
Я надеюсь, что на встречу
Обязательно придёшь
И сегодня под рябиной
Или завтра за малиной,
Послезавтра у калины
Всё-таки меня найдёшь.

ПОЙМЁШЬ ЛИ ТЫ МЕНЯ?

Поймёшь ли ты меня?
Простишь ли ты меня?
Поверь, что мне сегодня очень надо
Почувствовать тепло домашнего огня
И знать, что ты опять со мною рядом.

ОСЕНЬ

Люблю я осень. Чудная пора.
Не жаль, что, наконец, ушла жара.
Зато уж нет ни комаров, ни мух,
Опавшая листва ласкает слух.
Но не ушла природа на покой,
Хотя порой и кажется такой.

Ну кто сказал: «Природы увяданье»?
Она, ведь, совершенное создание:
Отдав плоды, завязывает почки
Под новые плоды и новые листочки.
Долой листву, но укрепляя корни,
А от листвы и почва плодородней!
Тот, кто сказал, тот сущность искажил:
Не увяданье – накопленье сил!

Не всё так просто, не само собой:
Ведь скоро предстоит жестокий бой
За продолженье жизни, за весну,
Чтобы навек зимою не уснуть.
И помощи ничьей не испросив,
Сама природа набирает сил.

Она в спокойствии не может быть беспечна.
И потому ей жить бы вечно,
Но приближает ей последний век
Её дитя – разумный человек.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Мое первое фото...
Как давно это было!
Детство... Смутное что-то...
Как же все позабылось!

Помню только казармы
И плацы гарнизонов,
И коней лучезарных
Стремена с перезвоном.

Но не помню девчонку,
Что рядом стояла
И по-детски ручонкой
Меня обнимала.
Знаю только: отец той девчонки-задиры,
Как и мой, в кавполку был тогда командиром.

МОЕЙ ДОЧЕРИ ЕЛЕНЕ

До хрипоты мы спорили с тобой,
С пелёнок умной и всегда упрямой,
С тобой, не избалованной судьбой,
Конечно же, не мною и не мамой.
Мы не могли к согласию прийти,
Одну другой сменяя сигареты,
О том, что ждёт на жизненном пути.
Сегодня жизнь сама даёт ответы.
Не изнурял вниманием тебя
И не растил принцессой на горошине.
Но знала ты: в беде не будешь брошена.
Чуть что – летел, страдая и любя.
В далёком прошлом уж осталось детство.
Ты – мать семейства. Вы – моё наследство.
И я горжусь тобой сейчас вдвойне:
Ведь внуки, правнуки – какой подарок мне!

СЫНУ МОЕМУ СЕРГЕЮ

Без объяснения в любви живёт отцовская любовь
По отношению к собственному сыну,
Когда не золото наследуешь ему, а кровь,
И строишь для него судьбу, а не судьбину.
Всегда хотел, чтоб жизнь моя тебе
Служила незапамятным уроком.
Ты ценишь труд, ты преуспел в стрельбе,
Ты знаешь вкус берёзового сока.
А в целом – жизнь твоя уже своя.
И ей уж больше половины века.
И я доволен, гордость не тая:
Ты состоялся добрым Человеком.

ТЕБЕ БЫ БЫЛО ТРУДНО БЕЗ МЕНЯ

Людмиле Якушиной

Тебе бы было трудно без меня.
Ну кто б еще сумел тебя понять?
Нечаянную грубость кто б простил
И просто вытерпеть тебя набрался сил?
Тебе бы было трудно без меня.

Тебе бы было скучно без меня:
Ведь не ворчать не можешь ты и дня.
Ну где еще найдешь такого ты козла,
Чтоб мог служить громоотводом зла?
Тебе бы было скучно без меня.

Тебе бы было плохо без меня,
Как печке, что не видела огня,
Как песне, вдруг оставшейся без слов,
Подушке, оказавшейся без снов.
Тебе бы было плохо без меня.

И мне бы было плохо без тебя.
Будь только рядом, а не где-то сбоку.
Мне часто в жизни было одиноко,
Я почему-то жил не для себя.
И нынче главная моя работа –
Всего лишь о тебе забота,
А я к работе отношусь, любя.
Мне, правда, было б плохо без тебя.

СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ

Н. Ч.

Соловьиная нощь, соловьиная нощь!
Мы всё бродим с тобой и молчим.
Соловьиная нощь, соловьиная нощь!
Отчего же так сердце стучит?

Пролетели юности года.
Почему же каждою весною
Тянет вновь и вновь меня туда,
Где бродили полосой лесною?

Соловьиная нощь, соловьиная нощь!
Мы всё бродим с тобой и молчим,
Соловьиная нощь, соловьиная нощь!
Отчего же так сердце стучит?

Говорят, на свете счастья нет,
Но я знаю: есть его мгновенья,
Те, что даже через много лет,
Будят в нас счастливое волненье.

Соловьиная нощь, соловьиная нощь!
Мы всё бродим с тобой и молчим,
Соловьиная нощь, соловьиная нощь!
Отчего же так сердце стучит?

Я любовь пронёс через года.
Не сумел на жизнь смотреть я проще.
Я душой остался навсегда
В той волшебной соловьиной роще.

Соловьиная нощь, соловьиная нощь!
Отчего же так сердце стучит?
Соловьиная нощь, соловьиная нощь!
Вспомним прошлое и помолчим.

ПРОСТИ МЕНЯ

Н. Ч.

Прости меня, прости меня, прости,
Что нашей я не оправдал надежды.
А жизнь, как миг, стремительно летит,
Но в памяти с тобою я, как прежде.

Своею чередой бегут года.
Не торопясь, проходит век за веком,
Но жизнью недовольны мы всегда:
Всегда судьба играет человеком.
А ты была, была моей судьбой,
Но мною никогда ты не играла.
Мы просто поздно встретились с тобой,
А жизнь? Её ведь не начнёшь сначала.

Прости меня, прости меня, прости,
Что нашей я не оправдал надежды.
А жизнь, как миг, стремительно летит,
Но в памяти с тобою мы, как прежде.

Ты где-то очень-очень далеко.
Я толком и не знаю точно, где ты,
Но вспомню прошлое и на душе легко:
Любовью наша молодость согрета.
Ты, как и я, уже не молода,
Как говорят, уже давно за тридцать.
Но взгляд твой нежный эти все года
Мне по ночам так часто снится.

Прости меня, прости меня, прости,
Что нашей я не оправдал надежды.
А жизнь, как миг, стремительно летит,
Но сердце молодо тобою, как и прежде.

Судьба моя! Прости меня, прости,
Что я не оправдал твои надежды.
Прости за то, что и в конце пути
Такой же непутевый, как и прежде.
Судьба моя! Прости меня, прости...

ВЕСЕННИЙ ТОСТ

Весна! Опять бушует кровь.
Но, хоть в природе все как прежде,
Чего ж сегодня хмуришь бровь?
Куда ушли твои надежды?

Весна! Но не исчезли прочь
Все наши зимние тревоги.
Что делать: люди ведь – не боги.
Так дай им, Бог, все перевозмочь!

Нас жизнь еще не укачала,
Мы не торопимся на дно,
Но на душе так холодно...
А греет нынче лишь оно –
Природы женское начало.

Не даром же весна – она!
Так выпьем же, друзья, до дна
За женщину и за весну,
За всех и каждый – за одну!
Пусть будут рядом вновь и вновь
Весна, Надежда и Любовь!

Содержание

К читателю!	5
С днём рождения, батя!	7
ВЕХИ	15
Моё начальное образование	15
До сих пор мне Карелия снится	25
Я – журналист	37
Считаю Родиной Воронеж	55
Служение «Мысли»	70
ВСТРЕЧИ В ПУТИ	109
Слово о настоящем человеке	109
Ещё одна несбывшаяся мечта	117
Анна–Мария	123
Два майора, или Наука логики	132
В одной команде с Рузвельтом	135
С аккордеоном по Европе	137
Сосед	138
Федя	141
Любовь, деньги и совесть	144
УРОКИ СОЦИОЛОГИКИ	147
Почему падают святыни?	147
К вопросу о национальной идее	151
К вопросу о справедливости	164
А что нас ждёт впереди?	180
Формулы социологии	191
ДУША В ЗАВЕТНОЙ ЛИРЕ	197
Я продолжаю верить	197
Жизнь прожить – не поле перейти	198
Школа жизни	199
Книга жизни	199
Не доживать, а жить	200
Саше Закалину	201
С добрым утром!	202
Не по законам природы	203

М.А. Грибанову	204
Гремит над миром рок	205
Калейдоскоп	206
Подражание К. Симонову	209
Русское поле	210
Куда идём	211
Очередною вестью огорошен	212
Лево-право	213
Человек рождён для счастья	214
Без философии науки нет	215
Между прошлым и грядущим	216
Ещё одно доказательство отсутствия Бога	217
Где воины?	218
Ах, бедный пушкинский язык!	219
Танец живота	220
Участок дачный.....	221
Солнце красное над Россией	222
Я совсем не против богатых	223
Новый клип	224
Портреты	225
Фабричные девчонки	231
Дохозяйствовались	232
Мы живём уже не в России	233
Над Красной площадью	234
Давно ль	235
Мой адрес	236
Прорвёмся	237
Им не понять... ..	238
С годами перестанешь быть наивным	239
Нас не надо жалеть	240
А судьи кто?	241
Юриспруденция	242
Кто нас зовёт покаяться?	243
Уж сколько раз твердили миру	244
Наш Сталинград	245
Наш Ленинград.....	245
Память	246
Когда нас годы уравнили	247
Землякам-воронежцам в Москве	248
Виталию Ивановичу Воротникову	249
Евгению Максимовичу Примакову	250
Александру Яковлевичу Сухареvu	251

Мише Грибанову	252
Петру Евсееву	253
Геннадию Гусеву	254
Быстро время течёт	255
Старая привычка	256
Дни бегут	257
Как хочется	258
«Ку-ку»	259
Две ветки	260
В летний вечер	261
Поймёшь ли ты меня?	261
Осень	262
Старая фотография	263
Моей дочери Елене	264
Сыну моему Сергею	264
Тебе бы было трудно без меня	265
Соловьиная ночь	266
Прости меня	267
Весенний тост	268

Евгений Алексеевич Тимофеев

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И ГРЯДУЩИМ

О времени моем и нашем

Публикуется в авторской редакции

Художник Е.М. Омеляновская

Корректор А.А. Иванова

Оригинал-макет подготовлен С.В. Киселевой

Подписано в печать 25.11.2013. Формат 84 x 108/32

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,28

Тираж 200 экз. Заказ

Издательство «Консалтбанкир»

105187, Москва, Щербаковская ул., д. 53, корп. 17

e-mail: info@con-bk.ru; www.con-bk.ru

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"»

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6